

MEMORY POLITICS
IN CENTRAL AND EASTERN EUROPE AND RUSSIA

RUSSIAN
STUDIES

HU

2022/2

EDITED BY GYULA SZVÁK

RussianStudiesHu

Editor-in-chief / Главный редактор / Főszerkesztő: Szvák Gyula

Deputy Editor-in-chief / Заместитель главново редактора / Főszerkesztő-helyettes: Sashalmi Endre

Editor / Редактор / Szerkesztő: Mezei Bálint

Members / Члены редакции / Tagok: Anna Bentley, Vladimir Boldin, Farkas Ádám,
Gyóni Gábor, György László

Publisher / Издатель / Kiadó
Alapítvány az Orosz Nyelvért és Kultúráért

Published by / Ответственный издатель / Felelős kiadó
Az Alapítvány az Orosz Nyelvért és Kultúráért elnöke
1088 Budapest, Múzeum krt. 6–8.

Contact / Контакты / Kapcsolat
centre@russianstudies.hu
Website: <https://www.russianstudies.hu>

ISSN 2677-1640 RussianStudiesHu (print)
ISSN 2677-0660 <https://www.russianstudies.hu> (online)

© Alapítvány az Orosz Nyelvért és Kultúráért, 2022
All rights reserved

Editorial Board

Member of RAS Veniamin Alekseev (Yekaterinburg) • Professor Evgenii Anisimov (Saint Petersburg)
Professor Dániel Bagi (Budapest) • Professor Emeritus Chester S. L. Dunning (College Station,
Texas A & M University) • Professor Márta Font (Pécs) • Paul Mellon Distinguished Professor
Wendy Z. Goldman (Pittsburgh) • Corresponding Member of RAS Andrei Golovnev (Saint Petersburg)
Professor Hieronim Grala (Warsaw) • Professor Claudio S. Ingerflom (Buenos Aires)
Head of the editorial board, Professor Emeritus Tamás Krausz (Budapest)
Professor Andrei Medushevsky (Moscow) • Professor Emeritus Peter Pastor (New Jersey)
Jay Richard Judson Distinguished Professor Donald J. Raleigh (Chapel Hill) • Professor Dmitrii Redin
(Yekaterinburg) • Corresponding Member of RAS Lorina Repina (Moscow) • Professor Richard Sakwa
(Canterbury) • Professor Endre Sashalmi (Pécs) • Professor Ludwig Steindorff (Kiel)
Professor Emeritus Léna Szilárd (Sassari) • Professor Emeritus Gyula Szvák (Budapest)
Professor Igor Tyumentsev (Volgograd) • Professor Andrei Yurganov (Moscow)

Редакционная коллегия

Академик РАН Вениамин Васильевич Алексеев (Екатеринбург) • Профессор Евгений Викторович
Анисимов (Санкт-Петербург) • Профессор Даниел Баги (Будапешт) • Заслуженный профессор
Венди З. Голдман (Питтсбург) • Член-корреспондент РАН Андрей Владимирович Головнёв
(Санкт-Петербург) • Профессор Иероним Граля (Варшава) • Профессор-эмерит Честер С. Л. Даннинг
(Колледж-Стейшен, Техасский университет А&М) • Профессор Клаудио С. Ингерфлом (Буэнос Айрес)
Председатель редколлегии, профессор-эмерит Тамаш Краус (Будапешт)
Профессор Андрей Николаевич Медушевский (Москва) • Профессор-эмерит Петер Пастор
(Нью-Джерси) • Заслуженный профессор Дональд Дж. Рейли (Чапел Хилл)
Профессор Дмитрий Алексеевич Редин (Екатеринбург) • Член-корреспондент РАН
Лорина Петровна Репина (Москва) • Профессор Ричард Саква (Кентербери)
Профессор-эмерит Дюла Свак (Будапешт) • Профессор-эмерит Лена Силард (Сассари)
Профессор Игорь Олегович Тюменцев (Волгоград) • Профессор Марта Фонт (Печ)
Профессор Эндре Шашалми (Печ) • Профессор Людвиг Штайндорфф (Кил)
Профессор Андрей Львович Юрганов (Москва)

Szerkesztőbizottság

Venyiamin Alekszejev akadémikus (Jekatyerinburg) • Jevgenyij Anyiszimov professzor (Szentpétervár)
Bagi Dániel professzor (Budapest) • Chester S. L. Dunning professor emeritus (College Station,
Texas A & M University) • Font Márta professzor (Pécs) • Wendy Z. Goldman “Paul Mellon” Professzor
(Pittsburgh) • Andrej Golovnyov OTA levelező tag (Szentpétervár) • Hieronim Grala professzor (Varsó)
Claudio S. Ingerflom professzor (Buenos Aires) • Andrej Jurganov professzor (Moszkva)
Krausz Tamás professor emeritus, elnök (Budapest) • Andrej Medusevszkij professzor (Moszkva)
Peter Pastor professor emeritus (New Jersey) • Donald J. Raleigh “Jay Judson” professzor
(Chapel Hill) • Dmitrij Regyin professzor (Jekatyerinburg) • Lorina Repina OTA levelező tag (Moszkva)
Richard Sakwa professzor (Canterbury) • Sashalmi Endre professzor (Pécs) •
Ludwig Steindorff professzor (Kiel) • Szilárd Léna professor emeritus (Sassari)
Szvák Gyula professor emeritus (Budapest) • Igor Tyumencev professzor (Volgográd)

Contents / Содержание / Tartalom

Memory Politics in Central and Eastern Europe and Russia /
Политика памяти в Центрально-восточной Европе и России /
Emlékezetpolitika Közép-Kelet-Európában és Oroszországban

- 11** **О. Ю. Малинова**
Политическое использование памяти о «лихих девяностых»
в современной России: конфликты и сопряжения интерпретаций
Political Uses of Memory in Relation to “the Hard 1990s” in
Contemporary Russia: Conflicts and Conjunctions of Interpretations
- 23** **В. А. Болдин**
Политика памяти на Балканах: бывшие югославские
республики в поисках идентичности
Memory Politics in the Balkans:
The Former Yugoslav Republics in Search of Identity
- 37** **Beáta Varga**
Презентация Богдана Хмельницкого и Ивана Мазепы в политике
памяти современной Украины
The Presentation of Bohdan Khmelnytsky and Ivan Mazepa
in Modern Ukraine’s Memory Politics
- 49** **Gábor Gyóni**
Академическая наука и политика памяти: новейшие тенденции
в исследовании ранней истории мадьяр в Венгрии
Academic Science and Memory Politics: The Latest Trends
in the Study of the Early History of the Magyars in Hungary
- 59** **Péter Csunderlik**
Memory Politics Issues in Relation
to the Hungarian Soviet Republic (1919)
- 69** **Attila Jakab**
High-Ranking Catholic Priests and the Anti-Jewish Act of 1938:
Memory Politics and the Reinterpretation of the Past in Today’s
Hungarian Catholic Church

- 83** **Ákos Fóris**
Heroes? Victims? Perpetrators? Changes in the Image
of Hungarian Soldiers Fighting on the Eastern Front

Essays / Статьи / Tanulmányok

- 101** **A. M. Kleimola**
The Moskva-Phobia of Anna Koltovskaia
- 111** **Endre Sashalmi**
The Late-Eighteenth-Century European Balance of Power and
Russophobia in the English Media: The Ochakov Crisis (1791)
- 123** **А. Л. Юрганов**
Французский роман Виктора Гюго «Отверженные», или,
почему этот роман нравился славянофилу Федору Достоевскому?
Размышления историка-русиста
Victor Hugo's French Novel *Les Misérables*, or Why Did the Slavophile
Fyodor Dostoevsky Like This Novel? Reflections of a Russian Historian
- 133** **M. S. Petrova**
Personality in the Historical and Philosophical Narratives
of the Russian Historiography of the Second Half of the 20th Century
(On Macrobius' Literary Heritage)
- 153** **А. М. Пашков**
Российская Карелия от Великого Петра до Великой Революции:
современная историография истории Российской Карелии
в 1700–1917 годах
Russian Karelia from Peter the Great to the Great Revolution:
Contemporary Historiography of Russian Karelian History
in the Period 1700–1917
- 181** **А. В. Дмитриев**
Новосибирская школа исторических исследований
в начале XXI века (2000–2020 годы)
The “Novosibirsk School” Of Historical Studies at the Beginning
of the 21st Century (2000–2020)

Lectori Salutem!

RussianStudiesHu is an online academic periodical covering historical Russian Studies. It uses double-blind peer review and, since 2021, has published two issues a year, with online content being continually expanded throughout the year. Besides being accessible on the periodical's own website, issues are freely accessible at the Eötvös Loránd University of Sciences' website (edit.elte.hu) as well as in many other major international databases and the Hungarian national library (National Széchényi Library, <https://www.oszk.hu>).

The periodical materials are also made available in printed format by the Publisher.

Manuscripts are accepted in English and Russian, and in rare, exceptional cases, in Hungarian, on condition that the article has not been published elsewhere in any language. *RussianStudiesHu* welcomes authors who can provide an academic treatment of any issue related to Eastern Slavic, Russian or Soviet history (including their Hungarian and Eastern European aspects), either as a historian or by means of a related discipline, provided they accept the periodical's Rules of Publication.

Our "Guest Column" is a space for scholars of Russian studies in the widest possible meaning of the term, while our "Opuscula Prima" column offers a publication opportunity to the winners of the Hungarian national "Russian Studies Thesis of the Year" competition.

RussianStudiesHu does not give preferential treatment to any 'genre,' method or trend in historiography. That said, the periodical's main focus is clearly demonstrated by its "Historiographies of Russia's History (2000–2020)" series. The material in the themed section of the current issue comes from a conference devoted to memory politics in Central and Eastern Europe and Russia held at the ELTE Russian Studies Centre at the end of September, 2021.

The russianstudies.hu webpage, which provides the web platform for *RussianStudiesHu*, was established in the autumn of 2019 by members of the body that succeeded Eötvös Loránd University's Centre for Russian Studies. ELTE's History Institute provides the periodical with a professional-institutional base. Exceptional scholars from the world of international historical Russian studies have collaborated in the work of *RussianStudiesHu*, thereby enabling the journal to move beyond the limits not only of a specific university workshop but also of Russian studies in Hungary, and to serve the cause of universal knowledge. As one author has put it, "this forum serves as a meeting place of various historiographies," and a mediator between Western and Eastern Russian studies.

RussianStudiesHu is an independent, apolitical journal that aims always to be governed by strictly academic criteria. It must, however, along with the discipline as a whole, react to the events in the outside world that took place early in 2022. Society expects to be given a valid explanation of the peculiar development of Russian history, and we, as a part of international Russian studies, are attempting to fulfill this 'order from society' to the best of our knowledge and expertise.

The creators of the russianstudies.hu research website, and the online periodical *RussianStudiesHu* extend a warm welcome to their readers!

Gyula Szvák – Editor-in-Chief

Lectori Salutem!

Онлайн-издание *RussianStudiesHu* – это проходящая двойное слепое рецензирование (peer reviewed) научная онлайн-периодика по исторической русистике, которая кроме своего веб-сайта, находится в свободном доступе в репозитории Университета им. Лоранда Этвёша (edit.elte.hu), а также в ряде крупных международных баз данных, в том числе в базе Национальной библиотеки имени Сечени (Országos Széchényi Könyvtár, <https://www.oszk.hu>). Материалы издания также публикуются Издательством в печатной форме.

Публикации принимаются на английском, русском и, в редких исключениях, на венгерском языках. К публикации в журнале принимаются научные статьи, содержащие новые, ранее не публиковавшиеся результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала.

Мы приглашаем к участию всех исследователей, работающих над любыми вопросами восточнославянской, русской и советской истории (включая венгерские и восточноевропейские аспекты) в научно-методологических рамках исторической науки или её вспомогательных дисциплин, принимающих наши правила публикации. В нашем «Гостевом разделе» мы предоставляем место и представителям «Russian Studies» в широком понимании этого термина, а раздел «Opuscula Prima» для лауреатов Всевенгерского университетского конкурса «Лучшая курсовая работа года».

Издание *RussianStudiesHu* не отдаёт предпочтение ни одному из исторических «жанров», методов или направлений, несмотря на то, что научные интересы его основателей сосредоточены прежде всего на историографии. Однако направление его устремлений наглядно демонстрируют работы из серии «Историографии российской истории (2000–2020)». Тематический отдел настоящего выпуска содержит часть материалов конференции в конце сентября 2021 г. в Центре русистики ELTE и посвящённой к политике памяти в Центрально-восточной Европе и России..

Интернет-ресурс russianstudies.hu, обеспечивающий web-площадку и профессиональную базу для *RussianStudiesHu*, был создан осенью 2019 г. членами Центра русистики Университета Этвёша Лоранда. Профессионально-институциональную базу обеспечивает Институт истории при Университете ELTE.

К деятельности издания *RussianStudiesHu* присоединились выдающиеся представители международной исторической русистики, таким образом, оно вышло за рамки не только конкретного университетского научного центра, но и отечественной русистики в целом, и встало на службу мировой науке. Словами одного из авторов, этот «forum is a meeting place of various historiographies», то есть посредник между западной и восточной русистикой.

RussianStudiesHu - независимый от политики журнал со строгими научными правилами. Однако ему - как и самой его дисциплине - неизбежно реагировать на события начавшиеся в мире в начале 2022 года. Общество требует от нас раскрытие особенностей исторического развития России, и этот "социальный заказ" мы, как часть международной русистики, стремимся выполнять в меру наших лучших знаний и опыта.

Интернет-издание russianstudies.hu и онлайн журнал *RussianStudiesHu* приветствует своих читателей!

Дюла Свак – Главный редактор

LECTORI SALUTEM!

A *RussianStudiesHu* 2021-től kezdődően évi két számmal megjelenő, az év folyamán állandóan bővülő double blind peer review történeti ruszisztikai tudományos folyóirat, amely a saját honlapján kívül az Eötvös Loránd Tudományegyetemen (edit.elte.hu) és még számos nagy nemzetközi adatbázisban, valamint az Országos Széchényi Könyvtárban (<https://www.oszk.hu>) szabadon hozzáférhető. A folyóirat anyagait a Kiadó nyomtatott verzióban is publikálja.

Publikációkat angol, orosz vagy, ritka kivételként, magyar nyelven fogadunk, feltétel az első megjelenés. Minden szerzőt szívesen látunk, aki a keleti szláv, az oroszországi és a szovjet történelem bármely problémájának (beleértve a magyar és kelet-európai vonatkozásokat) történettudományos vagy más rokondszciplína általi feldolgozását adja, és elfogadja a publikálási szabályainkat. „Vendég-rovatunk” teret biztosít a tág értelemben vett „Russian Studies” képviselői számára is, az *Opuscula Prima* rovat pedig az „Év Oroszdolgozata” országos egyetemi verseny nyerteseinek.

A *RussianStudiesHu* nem részesít előnyben semmilyen történetírói „műfajt”, mód-szert vagy irányzatot. Törekvéseinek irányát mindazonáltal a 2021-ben útjára bocsájtott, több számon átívelő „Az oroszországi történelem historiográfiái (2000–2020)” című sorozat jól demonstrálja. A mostani szám tematikus része az ELTE Ruszisztikai Központban 2021. szeptember végén tartott, a közép-kelet-európai és orosz emlékezetpolitikának szentelt konferencia anyagait tartalmazza.

A *RussianStudiesHu*-nak webfelületet biztosító russianstudies.hu oldalt az Eötvös Loránd Tudományegyetem Ruszisztikai Központ utódszervezetének tagjai alapították 2019 őszén, a szakmai-intézményi bázist az ELTE Történeti Intézete biztosítja.

A *RussianStudiesHu* munkájához a nemzetközi történeti ruszisztika kiemelkedő képviselői csatlakoztak, s ezzel kilépett nem csupán egy konkrét egyetemi műhely, de a magyar ruszisztika keretei közül is, és az egyetemes tudomány szolgálatába állt. Ahogy egyik szerzője fogalmazott, ez egy „meeting place of various historiographies”, egy mediátor a nyugati és keleti ruszisztika között.

A *RussianStudiesHu* szigorúan tudományos szempontokat szem előtt tartó, független, politikamentes folyóirat. A világban 2022 elején bekövetkezett változásokra, azonban – amiképpen egész diszciplínájának – reagálnia kell. A körülöttünk lévő társadalom elvárja, hogy az orosz történelmi fejlődés sajátosságaira érvényes magyarázatokat kapjon, s ezt a „társadalmi megrendelést” mi, a nemzetközi ruszisztika részeként, legjobb tudásunk és szakértelmünk szerint törekszünk teljesíteni.

A russianstudies.hu ruszisztikai műhelyoldal és a *RussianStudiesHu* online periodika üdvözlöi Olvasóit!

Szvák Gyula – főszerkesztő

Memory Politics
in Central and Eastern Europe and Russia

Политика памяти
в Центрально-восточной Европе и России

Emlékezetpolitika
Közép-Kelet-Európában és Oroszországban

О. Ю. МАЛИНОВА

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПАМЯТИ
О «ЛИХИХ ДЕВЯНОСТЫХ» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
КОНФЛИКТЫ И СОПРЯЖЕНИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ¹**

**POLITICAL USES OF MEMORY IN RELATION TO
“THE HARD 1990S” IN CONTEMPORARY RUSSIA:
CONFLICTS AND CONJUNCTIONS OF INTERPRETATIONS**

Collective memory of the first decade of post-Soviet transition is a significant factor in the political process in Russia both in the present and the future. It shapes the identities of current political forces, plays an important role in the legitimization of Putin’s regime, and affects the public’s attitudes towards future social transformations. Binary constructions based on opposition between “the hard 1990s” and “the stable 2000s” have become an oft-used trope that has “self-evident” connotations. However, sociological surveys demonstrate that characterization of “the 1990s” as “the hard” time has taken shape retrospectively. This article presents some results of research into the construction and transformation of the frameworks of collective memory concerning “the 1990s” and “the 2000s” in Russian political discourse. By focusing on the discourses of Presidents Vladimir Putin and Dmitry Medvedev, as well as of Russian politicians from the liberal, communist and nationalist camps, it reveals not only predictable differences but also interesting correlations between their representations of the 1990s.

Keywords: Political uses of the past, memory politics, the 1990s, post-Soviet transformation, political rhetoric

Olga Yu. Malinova – Chief Research Fellow, Dr. of Philosophy at the Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences. Email: omalinova@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2754-8055>

1 This study is a written version of a lecture given at a conference devoted to memory politics in Central and Eastern Europe and Russia held at ELTE on September 30th and October 1st, 2021.

Citation: OLGA YU. MALINOVA, “Politicheskoe ispol'zovanie pamiati o “likhikh devyanostykh” v sovremennoi Rossii: konflikty i sopriazheniia interpretatsii” [Political Uses of Memory in Relation to “the Hard 1990s” in Contemporary Russia: Conflicts and Conjunctions of Interpretations], *RussianStudiesHu* 4, no. 2 (2022): 12 pp. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2022.4.11

Ельцинские «девяностые» часто противопоставляют путинским «нулевым». «Девадесяностые» ассоциируются с тяготами реформ, «ослаблением государства», криминальным «беспределом», неконтролируемой децентрализацией власти и утратой былого влияния на мировую политику, а «нулевые» – с экономической стабилизацией, «наведением порядка», «укреплением вертикали» исполнительной власти, возвращением «сильного государства» и ростом международного авторитета России. Недавнее прошлое воображается по принципу противопоставления ельцинского периода путинскому. Как свидетельствуют социологические исследования, негативную оценку 1990-х разделяет большинство россиян. По данным опроса Левада-Центра, проведенного в марте 2020 г., представление о том, что что 90-е гг. принесли стране больше плохого, чем хорошего, разделяют 62 % опрошенных, причем в группе старше 60 лет сторонников такой оценки оказалось 70%, а в группе до 36 лет – 53%².

Негативная оценка опыта 1990-х, несомненно, отражает жизненный опыт миллионов людей. Однако реальность была сложнее. Ведь тяготы реформ распределялись неравномерно, наряду с проигравшими были и те, кто так или иначе воспользовался новыми возможностями: в 1990-х гг. кардинально изменилась ситуация на потребительском рынке, высшее образование стало массовым, появились не только новые стимулы, но и возможности для внутренней и внешней мобильности, происходила революция в области средств коммуникации и многое другое. Вместе с тем, между двумя политическими эпохами была несомненная преемственность, ведь экономическая стабилизация 2000-х опиралась на институты, созданные в 1990-х. Кроме того, с самого начала путинского президентства было очевидно, что «наведение порядка» происходит за счет ограничения политических свобод. «Перекрашивание в один цвет» оказалось возможно в силу избирательности памяти. Очевидно, что основательно укоренившийся миф о «лихих девяностых» – результат избирательного вспоминания и забвения.

Забвение, как и память – не только физиологические, но и социальные феномены. Личный опыт, откладываясь в воспоминаниях, вписывается в смысловые рамки (фреймы), усваиваемые индивидами через

2 ГРЕБЕНЬ О., АГАПЕЕВА К., «Восприятие “девяностых”», Пресс-выпуск Левада-Центра, 6 апреля 2020 года, <https://www.levada.ru/2020/04/06/vospriyatie-devyanostyh/> (Дата обращения 14 января 2022 года)

дискурсы, которые они потребляют и производят. Теории коллективной памяти рассматривают представления о прошлом не столько как достояние индивидов, сколько как производное от символов и нарративов, доступных в публичном пространстве, а также социальных средств их сохранения и передачи³. Исходя из этого, следует предположить, что оппозиция «лихих девяностых» и «стабильных нулевых» отражает не только объективные различия двух политических эпох, но и то, как эти различия оказались осмыслены в дискурсе. Сравнительный анализ интерпретаций опыта «девяностых» в дискурсах соперничающих политических сил – ключ к пониманию символической борьбы, продуктом которой стал миф о «лихих девяностых» и «стабильных нулевых».

Настоящая статья обобщает результаты исследовательского проекта о конструировании смысловых рамок коллективной памяти о начальном этапе постсоветской трансформации в российском политическом дискурсе 2000–2010-х гг., поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований, грант № 17-03-00322⁴. Проведенное исследование позволяет сравнить особенности актуализации опыта «девяностых» в дискурсах а) преемников Б.Н.Ельцина на посту президента; б) политиков, имеющих репутацию либералов; в) коммунистов, национал-популистов и национал-патриотов, чтобы выявить конфликты и сопряжения разных версий политической памяти об этом периоде. Материалами для анализа послужили 1) стенограммы всех публичных выступлений и интервью президентов В. В.Путина и Д. А.Медведева, в которых затрагивались темы, имеющие отношение к политике и общественным практикам девяностых годов; источник – портал Президент России (www.kremlin.ru); 2) публикации лидеров КПРФ, ЛДПР, а также политиков, имеющих репутацию либералов и национал-патриотов, в центральных СМИ. Поиск проводился на базе коллекции «Центральная пресса России» на платформе EastView. Хронологические рамки исследования – 2000–2020 гг. Основной метод – качественный контент-анализ. Кодирование проводилось в программе MAXQDA 2018.

3 HALBWACHS M., *On Collective Memory* (Chicago Il.: University of Chicago Press, 1992); IRWIN-ZARECKA I. *Frames of Remembrance. The Dynamics of Collective Memory* (New Brunswick etc.: Transaction Publishers, 1994); WERTSCH J.V. *Voices of Collective Remembering* (Cambridge: Cambridge University Press, 2002). <https://doi.org/10.1017/CBO9780511613715>

4 MALINOVA O., "Framing the Collective Memory of the 1990s as a Legitimation Tool for Putin's Regime", *Problems of Post-Communism* 68, no. 5 (November 2021): 429–441. <https://doi.org/10.1080/10758216.2020.1752732>

В этой статье мы проанализируем, как соотносятся друг с другом интерпретации недавнего прошлого, представленные в разных сегментах российского политического спектра. Большинство исследований политического использования прошлого фокусируются на конфликтах интерпретаций, однако эффекты их частичного совпадения, возможно, представляют не меньший интерес, поскольку они связаны с формированием и использованием мифов, т. е. упрощающих нарративов, разделяемых членами сообщества.

Анализ дискурсов В. В. Путина и Д. А. Медведева, в качестве президентов РФ, показал, что апелляция к памяти о 1990-х гг. играла заметную роль в легитимации власти и обосновании политического курса (см. рис. 1).

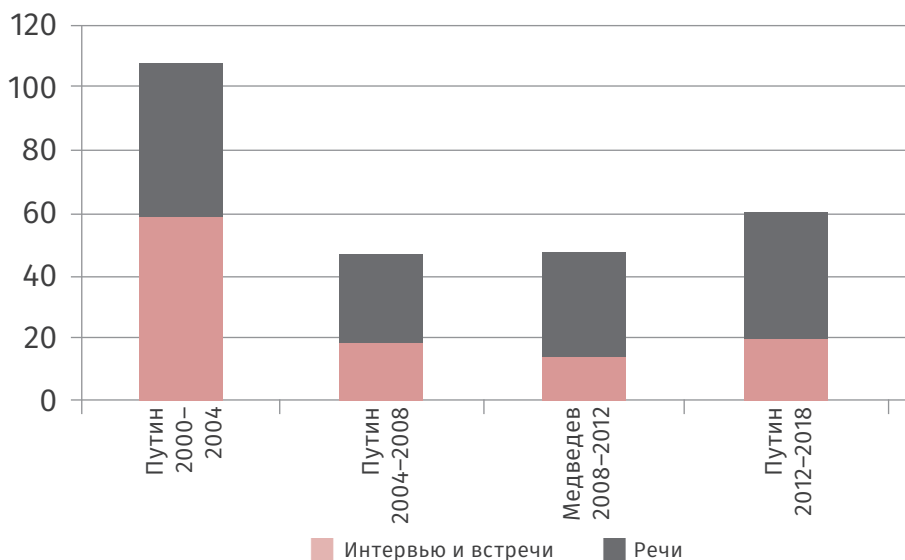

РИС. 1. Количество выступлений В.Путина и Д.Медведева, содержащих упоминания о 90-х, по периодам

В первые годы пребывания Путина в должности президента отсылки к опыту 1990-х в заранее подготовленных речах встречались немного чаще, чем в выступлениях на встречах и интервью, предполагавших большую степень спонтанности. Любопытно, что в дальнейшем доля таких отсылок в текстах, подготовленных спичрайтерами, снижается, однако и Путин, и Медведев нередко обращались к образам 1990-х в качестве аргументов в своих интервью и выступлениях на встречах.

На всех этапах эта тема играла важную роль в легитимации режима и обосновании политического курса. Вопреки тому, что статус назначенного преемника накладывал на В. В. Путина обязательство лояльности предшественнику, в его выступлениях с самого начала было немало высказываний относительно опыта 1990-х гг. и политики его Б.Н.Ельцина. При этом в 2000–2004 гг. в риторике Путина преобладали нейтральные или двойственные (сочетавшие позитивную оценку с критикой) высказывания. В дальнейшем в дискурсе Путина и Медведева закрепился репертуар преимущественно негативных образов. Именно он был в наибольшей степени востребован для аргументации в 2004–2018 гг. (см. рис. 2). Примечательно, что увеличение числа негативных высказываний о «девяностых» в 2012–2018 гг. произошло главным образом за счет спонтанных или полуспонтанных выступлений: 48% высказываний, которые имели негативную окраску, складываются из 42% прозвучавших в интервью и на встречах с общественностью и 6% – в речах, прочитанных по тексту. Это говорит о том, что обращение к негативно фремированной памяти о «девяностых» – часто используемый В.В.Путиным прием аргументации.

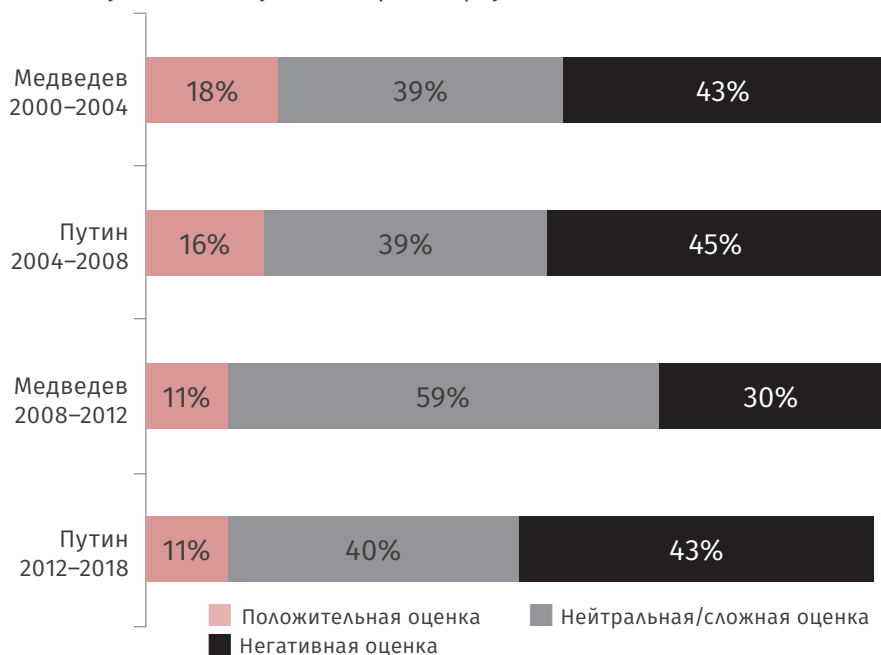

РИС. 2. Позитивные, негативные и нейтральные оценки «девяностых» в выступлениях В.В.Путина и Д.А.Медведева

По-видимому, поначалу конструирование оппозиции между «прежним» и «нынешним» было не столько результатом целенаправленной политики памяти, сколько следствием необходимости выстраивать собственную политическую идентичность, дистанцируясь от непопулярного предшественника, а также стремления соответствовать настроениям избирателей. Все ключевые идеологемы, которыми Путин описывал свою политику в начале 2000-х гг. – «сильное государство», «стабильность», «диктатура закона», «вертикаль власти», «единство», «порядок» – представлялись в качестве антитезы ельцинскому периоду. В ходе исследования риторики первого путинского срока на посту президента были выявлены три механизма конструирования смысловых рамок памяти о «девяностых» через противопоставление новому, путинскому этапу: 1) использование слов-знаков, которые спикеры наполняют разным содержанием, связывают с другими узнаваемыми словами-знаками и пытаются контролировать, дополняя новыми смыслами. В некоторых случаях это делалось с помощью противоположных по значению слов-знаков («сильная власть» – «расхлябанность власти» / «дряблая власть», «стабильность» – «утрата / недостаток стабильности»). Но чаще – за счет грамматической структуры фраз, предполагающей характеристику настоящего по сравнению с прошлым; 2) конструирование нарративов, позволяющих использовать неявные, но весьма эффективные приемы формирования противопоставляемых друг другу образов за счет отбора действующих лиц, эпизодов и выстраивания последовательности действий; 3) использование популистской риторики, сочетающей демонстрацию заботы о людях / понимания их нужд с явной и неявной критикой «других» политиков.

Можно предположить, что риторика В.В.Путина в 2000–2004 гг. была важным фактором формирования смысловых рамок памяти о 1990-х гг. Найденные и/или используемые им слова-знаки, образы, характеристики и конструируемые им нарративы подхватывались другими акторами, развивались или оспаривались, становясь частью «общедоступного» символического репертуара. Стремясь легитимировать собственную власть и оправдать собственную политику, Путин – скорее неосознанно, чем целенаправленно – вносил существенную лепту в формирование мифа о «лихих девяностых».

В дальнейшем негативный образ девяностых становится важным инструментом легитимации трансформирующегося политического режима. Путин систематически апеллирует к нему, оправдывая соб-

ственные решения нежеланием повторения того, что было «тогда». При этом с течением времени он дополняется новыми оттенками. В частности, хотя память о трудностях, пережитых в 1990-х, в риторике Путина чаще всего используется в модусе противопоставления «стабильности», обретенной/обретаемой в настоящем, иногда она фреймируется в духе «мифа поражения», после которого нация возрождается более сильной, вопреки врагам⁵. Будучи единожды опробован в послании Федеральному Собранию в 2005 г., этот прием был вновь использован в инаугурационной речи 2018 г., когда, упомянув об «очень тяжелых испытаниях», которые выпали «на долю нашего Отечества и наших людей» в 1990-е и в начале 2000-х годов, Путин напомнил, что Россия «не раз сталкивалась с эпохами смут и испытаний и всегда возрождалась, как птица феникс, достигала таких высот, которые другим были не под силу»⁶. По мере того, как «девяностые» становятся более отдаленным прошлым, ассоциация с «птицей фениксом» становится более заметным модусом политического использования памяти об этом периоде в контексте обсуждения геополитического противостояния с Западом.

Исследование дискурса либералов выявило иную логику «работы» с недавним прошлым. Будучи сосредоточены на продолжении экономических реформ, и «правые» либералы, представленные в начале 2000-х гг. Союзом правых сил (СПС), и социал-либералы из «Яблока» были склонны подчеркивать преемственность «девяностых» и «нулевых». Первые делали это, поскольку надеялись сохранить влияние на экономическую политику через присутствие в исполнительной власти и экспертных структурах. Вторые – потому что критически относились к реформам ельцинского периода и считали, что новое правительство лишь усугубляет старые проблемы. И те, и другие были озабочены наступлением на политические свободы, однако, признавая изъяны демократических практик 1990-х, не слишком упирали на контраст.

Хотя защита «наследия девяностых» от нападок критиков была существенным элементом мнемонических стратегий либералов, их усилия были в большей мере сосредоточены на оправдании их собственных – реализованных или не реализованных – программ реформ,

5 См.: Mock S., *Symbols of Defeat in the Construction of National Identity* (New York etc.: Cambridge University Press, 2012). <https://doi.org/10.1017/CBO9781139004022>

6 Путин В. В., «Владимир Путин вступил в должность Президента России», 7 мая 2018 года, <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/57416> (Дата обращения 14.01.2022).

нежели на конструировании общего апологетического нарратива. При этом лидеры либеральных партий больше концентрировались на «трудных решениях» правящей элиты, нежели на анализе их последствий для сограждан. Последние в их дискурсе выступали скорее в качестве пассивного объекта заботы, нежели членов сообщества памяти, пережившего эпоху тяжелых, но необходимых реформ. Такой подход к защите «наследия девяностых» едва ли мог быть эффективным. Хотя либералы не поддерживали оппозицию «плохих девяностых» – «хороших нулевых», которая играла важную роль в дискурсе Путина, они не стремились формировать ностальгический образ «славных девяностых», апеллируя к прошлым демократическим завоеваниям.

Что же касается защиты «наследия 1990-х» от нападков критиков, то здесь усилия либералов были в большей мере сосредоточены на оправдании их собственных программ реформ, нежели на конструировании общего апологетического нарратива. В силу этого, несмотря на преобладание модуса преемственности, их дискурс скорее дополнял, нежели оспаривал образ «тяжелого десятилетия», на который опирается противопоставление «ельцинских девяностых» «путинским нулевым».

Наконец, анализ дискурсов тех политических сил, которые выступали противниками Б.Н.Ельцина и «демократов»/ «либералов», а также их «наследников», показал, что они разделяют негативную оценку событий 1990-х гг., однако по-разному вписывают их в свои исторические нарративы. В середине 1990-х гг. политические группы, составлявшие данную часть спектра, называли себя «народно-патриотической оппозицией». Этот термин достаточно ёмко описывал два идеологических полюса внутри антиельцинского лагеря: коммунисты различного толка – слева, национал-патриоты – справа. Противники использовали для обозначения этой комбинации уничижительный термин «красно-коричневые». В отношении идеологии оба полюса и тогда, и в дальнейшем были неоднородны. Их дискурсы совмещают идеи, которые, в зависимости от выбранных критериев, могут считаться как правыми, так и левыми, как радикальными, так и консервативными, а свойственный им всем акцент на нации как субъекте политического действия сочетается с разным пониманием задач национального строительства. Большинство представителей этого лагеря можно назвать националистами, но их национализмы – разные. В силу этого сложно найти точные термины как для собирательной характеристики данного политического лагеря, так и для квалификации составляющих его групп.

Пожалуй, главное, что их объединяло тогда и продолжает объединять сегодня – это противостояние «наследию девяностых». Несмотря на все политические и идеологические различия, в символической борьбе за память о «девяностых» современные политические силы, генетически связанные с «народно-патриотической оппозицией» режиму Ельцина, выступают единым фронтом.

Вместе с тем, если для коммунистов «девяностые» – это история о трагических последствиях утраченного «золотого века» (советского периода), то для национал-популистов это фон для конструирования собственной идентичности защитников русского народа, интересами которого систематически пренебрегали и советские, и постсоветские элиты. Для национал-патриотов это политический вызов, требующий ответа; причем в некоторых версиях этого нарратива присутствует оптимистическая тема пробуждения патриотических сил, позволяющая интерпретировать «девяностые» как момент поражения, за которым должен наступить реванш.

Нарративы коммунистов и национал-патриотов расходятся и в выборе ключевых событий, определяющих сюжетную линию, и в их интерпретации. Различия определяются как особенностями идеологий, сквозь призму которых рассматривается отечественная история, так и политическими биографиями соответствующих групп. Наиболее существенные расхождения касаются интерпретации советского периода. В распаде СССР и те, и другие безусловно видят трагедию. Но многие национал-патриоты считают ее естественным следствием того, что советский режим перестал соответствовать задачам «русского цивилизационного проекта». По определению А. Дугина, «Русская Мечта более не узнавала себя в советской догматике»⁷. В отличие от коммунистов, национал-патриоты сожалеют не о «советской Родине», а об утраченной «державе». Однако обвиняя в развале СССР Ельцина, они вынуждены признавать, что в 1990–1991 гг. «русская партия» поддерживала идею суверенной РСФСР. По словам В.Аверьянова, «из современников и участников тех событий мало кто может похвастаться прозорливостью своей лично и безупречностью занятой тогда пози-

7 Дугин А., «Где найти народность?», Завтра, 28 августа 2019, № 34, с.1. В том же духе высказывался и другой русский националист, Е. Холмогоров: «Советская система не стала “неэффективной” в капиталистической индустриальной логике. Она стала “бессмысленной”, смысл ее существования не просматривался даже самыми верными ее сторонниками» (Холмогоров Е. «Смыслократия», Завтра, 9 августа 2006, № 32, с. 3).

ции»⁸. Таким образом, в нарративах национал-патриотов распад СССР представляется катастрофой, которая произошла не только из-за происков врагов и некомпетентности элит (эти факторы не сбрасываются со счетов), но и в силу внутреннего несовершенства позднесоветского проекта, его «порчи» вследствие постепенной интеграции в мир «потребительского глобализма»⁹.

В чем представители этого фланга совершенно единодушны с коммунистами, так это в оценке перемен, наступивших в России после распада СССР. Национал-патриоты критикуют экономические реформы 1990-х гг., которые «привели нас от малоэффективной административно-командной системы к еще менее эффективной – просто чудовищно неэффективной системе»¹⁰, создали «экономику присвоения», основанную на потреблении ресурсов. При этом они особенно подчеркивают, что реформы проводились по рецептам американских специалистов и служили целям геополитической диверсии Запада против России. Как и коммунисты, национал-патриоты вменяют в вину Ельцину расстрел Белого дома в 1993 г., после которого была создана политическая система, лишенная механизма ответственности власти перед народом, благодаря чему «ельцинская хунта» смогла беспрепятственно заняться «самообогащением за счет присвоения общенародных богатств»¹¹. Представители этого лагеря критикуют поведение федерального центра во время первой чеченской войны; но в отличие от коммунистов – не столько за причиненные ею жертвы, сколько за «попустительство и нерешительность», поощрявшие «создание уголовного заповедника на Северном Кавказе» и за то, что «начавшая приносить победы первая военная кампания» была «преступно» прервана¹². Наконец, национал-патриоты называют антинациональной внешнюю политику Ельцина, полагая, что «раболопное эпигонство начала 90-х годов привело к катастрофическим утратам, несмотря на ядерный потенциал, систему международных договоров и внушительную экономику»¹³.

8 Аверьянов В. В., «ГКЧП, Беловежье и другие сценарии», Слово, 17 июня 2011 года, № 23, с. 6.

9 Холмогоров Е. «Корни ностальгии», Завтра, 22 апреля 2005 года, № 16, с. 5.

10 Рогозин Д. «Экономическая война: Тезисы к экономической программе Партии “Родина”», Завтра, 1 июня 2005 года, № 22, с. 3.

11 Глазьев С., ‘Кто губит Россию’, *Молодая гвардия*, по 5. (2007): 115–116.

12 Нарочницкая Н.А., «Дубровка и Беслан: Кара за равнодушие», Комсомольская правда, 5 октября 2004 года, № 187, с. 8.

13 Нарочницкая Н.А., «Повестка дня для России», Наш современник, 2007, № 11, с. 239.

Национал-патриотический нарратив, как и коммунистический, в качестве виновников «преступлений» 1990-х гг. рассматривает Ельцина и «либералов». Борьба с последними – едва ли не главная цель напоминований о недавнем прошлом в их выступлениях 2000–2010-х гг.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что образ «лихих девяностых» играет важную роль в формировании водоразделов в современной российской политике, позволяя столь разным политическим силам конструировать, с одной стороны, собственные идентичности, а с другой – общих врагов. Интерпретации 90-х в рассмотренных дискурсах в основном подчинены логике политической прагматики. Собственно мнемонические цели выступают на первый план лишь в случаях оспаривания интерпретации оппонентов. В роли таковых как правило выступают «либералы», причем нередко предметом спора является не актуальные высказывания, а приписываемая точка зрения.

References

- V. V. AVERIANOV, “GKChP, Belovezhie i drugie stsenarii” [GKChP, Belovezh and other scenarios], *Slovo*, no. 23 (17 June 2011): 6.
- SEYMOUR BECKER, “Russia and the Concept of Empire,” *Ab Imperio*, no. 3–4 (2000): 329–42. <https://doi.org/10.1353/imp.2000.0032>
- A. DUGIN, “Gde naiti narodnost’?” [Where to Find the Nation?], *Zavtra*, no. 34 (28 August 2019): 1.
- O. GREBEN’, K. AGAPEEVA, “Vospriiatie devianostykh” [The Perception of the Nineties], Levada Center press release, 6 April 2020, <https://www.levada.ru/2020/04/06/vospriyatie-devyanostykh/> (accessed 14 January 2022).
- M. HALBWACHS, *On Collective Memory* (Chicago Il.: University of Chicago Press, 1992).
- I. IRWIN-ZARECKA, *Frames of Remembrance: The Dynamics of Collective Memory* (New Brunswick etc.: Transaction Publishers, 1994).
- YE. KHOLMOGOROV, “Korni nostalg’ii” [The Roots of Nostalgia], *Zavtra*, no. 16 (22 April 2005): 5.
- YE. KHOLMOGOROV, “Smysloktratia” [Meaningocracy], *Zavtra*, no. 32 (9 August 2006): 3.
- O. MALINOVA, “Framing the Collective Memory of the 1990s as a Legitimation Tool for Putin’s Regime”, *Problems of Post-Communism* 68, no. 5 (November 2021): 429–441. <https://doi.org/10.1080/10758216.2020.1752732>
- S. МОСК, *Symbols of Defeat in the Construction of National Identity* (New York etc.: Cambridge University Press, 2012). <https://doi.org/10.1017/CBO9781139004022>
- N. A. NAROCHNITSKAIA, “Dubrovka i Beslan: Kara za ravnodushie” [Dubrovka and Beslan: Punishment for Indifference], *Komsomol’skaia pravda*, 5 October 2004, no. 187: 8.
- N. A. NAROCHNITSKAIA, “Povestka dnia dlia Rossii” [The Agenda for Russia], *Nash sovremennik*, № 11 (November 2007): 239–248.

V. V. ПУТИН, “Vladimir Putin vstupil v dolzhnost’ prezidenta Rossii” [Vladimir Putin Took Office as President of Russia], 7 May 2018, <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/57416> (accessed 14.01.2022).

D. ROGOZIN, “Ekonomicheskaja voina: Tezisy k ekonomicheskoj programme Partii ‘Rodina’” [Economic Warfare: Abstracts for the Economic Program of the “Rodina” Party], *Zavtra*, no. 22 (1 June 2005): 3.

J. V. WERTSCH, *Voices of Collective Remembering* (Cambridge: Cambridge University Press, 2002). <https://doi.org/10.1017/CBO9780511613715>

В. А. БОЛДИН

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ НА БАЛКАНАХ: БЫВШИЕ ЮГОСЛАВСКИЕ РЕСПУБЛИКИ В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

MEMORY POLITICS IN THE BALKANS: THE FORMER YUGOSLAV REPUBLICS IN SEARCH OF IDENTITY

More than twenty years have passed since the state of Yugoslavia ceased to exist and seven new state formations were gradually formed on its ruins – Bosnia and Herzegovina, North Macedonia, Serbia, Slovenia, Croatia, Montenegro and Kosovo. Each of them has tried to build their own memory politics and national identity, opposing themselves to the once- united socialist state. Nevertheless, (post) Yugoslav memory has not disappeared from the social and political discourse of the former Soviet republics, remaining to exist as a “memory knot” and surpass the borders of the (post) Yugoslav states. One of the key features of the memory politics in all the former Yugoslav republics was the denial of the communist past and the core political myth underlying Yugoslavia’s identity – the myth of World War II. Revisionist politics and “memory wars” made it possible for some time to dull the pain of the recent collective trauma of the 1990s. In the long term, however, memory politics like these will stand in the way of the achievement of consensus and harmony in society, generating instead a new surge of nationalism and an escalation of social conflict.

Keywords: Memory studies, memory politics, national identity, the Balkans, the former Yugoslavia

Vladimir A. Boldin – PhD in Political Science, assistant, Lomonosov Moscow State University.
Email: boldin.v.a@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0681-098X>

1 Исследование выполнено за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых–кандидатов наук (проект МК-1526.2020.6 «Славянская идея: от национального самоопределения к европейской интеграции (историко-политологический анализ)»).

This study is a written version of a lecture given at a conference devoted to memory politics in Central and Eastern Europe and Russia held at ELTE on September 30th and October 1st, 2021.

Citation: V.A. Boldin, “Politika pamiaty na Balkanakh: byvshie iugoslavskie respubliky v poiskakh identichnosti [Memory Politics in the Balkans: The Former Yugoslav Republics in Search of Identity], *RussianStudiesHu* 4, no. 2 (2022): 14 pp. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2022.4.12

Уже больше двадцати лет прошло с того момента, как государство Югославия прекратило свое существование, а на его обломках постепенно сформировалось семь новых государственных образований. Каждое из них попыталось выстроить собственную политику памяти и национальную идентичность, противопоставляя себя некогда единому социалистическому государству. Безусловно, политика памяти в каждом из этих государств имеет собственную специфику и преследует разные цели. Однако одно можно сказать наверняка – (пост)югославская память никуда не делась из общественного и политического дискурса бывших союзных республик, продолжая существовать в качестве «узла памяти»² и преодолевать границы (пост)югославских государств.

Если все же предпринять попытку найти что-то общее в проводимой политике памяти бывших югославских республик, то в глаза бросается следующий нарратив – отрицание коммунистического прошлого и ключевого политического мифа, лежавшего в основе идентичности Югославии – мифа о Второй мировой войне. Именно через данный символический акт выстраивается новая, (пост)югославская идентичность балканских республик.

Как отмечают современные исследователи: «В рамках югославского метанарратива возглавляемая коммунистами партизанская борьба с оккупантами и коллаборационистами (реальными и мнимыми) обрела статус мифа одновременного освобождения и основания новой Югославии, а сам Тито предстал в сакральном образе революционного, политического и военного вождя, сопоставимом с ролями Ленина и Сталина в советском метанарративе»³. После Второй мировой войны «партизанский миф» стал ключевой цементирующей идеей социалистической Югославии: партизаны-коммунисты становились главными героями фильмов и книг, им посвящались научные труды, по всей Югославии в честь партизан воздвигались масштабные монументы, а коммеморация событий, связанных со Второй мировой войной, приобретала все более пафосный и масштабный характер. Одновременно с этим увеличивалось и кол-во табуированных тем, например, участие одних политических сил, кроме коммунистов, в антифашистском движении, или коллаборационизм других.

2 MICHAEL ROTHBERG, *Multidirectional memory: remembering the holocaust in the age of decolonization* (Stanford: Stanford University Press, 2009).

3 Д. В. ЕФРЕМЕНКО, Е.Ю.МЕЛЕШКИНА, «Югославский метанарратив и современная югоностальгия в странах Западных Балкан», *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС* 16, no. 1 (2020): 83. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.105>

В итоге, после распада Югославии и последовавших за этим кровопролитных войн, политические силы, пришедшие к власти в республиках, взяли курс на антикоммунизм и отрицание Югославского прошлого. При этом между коммунистическим режимом в Югославии и тоталитаризмом ставился знак равно. Нормальной стала ситуация, когда в глазах широкой публики образ партизан демонизировался, а режим социалистической Югославии изображался как преступный. Подобный ревизионизм и попытки любыми способами отделаться от ставшего неудобным прошлого привели к тому, что все антикоммунистические силы, существовавшие в стране, объявлялись героями и борцами за национальную свободу.

Примеры можно найти почти в каждой постъюгославской республике. Попробуем дать их краткий обзор.

СЕРБИЯ

Показательным событием стала реабилитация движения четников. Это движение в годы войны носило крайне противоречивый характер, т.к. формально до 1943 г. четники находились на стороне союзников, но в то же время сотрудничали с оккупационными силами и совершали преступления против гражданского населения. Подобная двойственность открывает возможности диаметрально противоположным историческим интерпретациям⁴. Так, в 2004 г. Парламент Сербии принял закон, по которому партизаны и четники получили равный статус ветеранов Второй мировой войны⁵. Следующим шагом стал Закон о реабилитации, принятый в 2006 г. Согласно ему «реабилитации подлежат лица, которые без судебного или административного решения или согласно судебному или административному решению были казнены, лишены свободы или других прав по политическим или идеологическим причинам с 6 апреля 1941 по сегодняшний день и проживали

4 Е.ДЖУРЕЙНОВИЧ, «Работы малочисленной группы историков-ревизионистов получают огромный резонанс в медиа, поскольку они выступают агентами санкционированной государством политики памяти». Интервью с Е. Джурейнович, *Историческая экспертиза*, no. 4 (2020): 64. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2020-4-61-76>

5 NATAŠA GOVEDARICA, "Zemlja nesigurne prošlosti. Politike sećanja u Srbiji u periodu 1991-2011. godina", in *Re:vizija prošlosti. Politike sećanja u Bosni i Hercegovini, Hrvatskoj i Srbiji od 1990. godine* (Sarajevo: Asocijacija Alumni Centra za interdisciplinarne postdiplomske studije – Friedrich-Ebert-Stiftung, 2012), 174 –175.

на территории Республики Сербия»⁶. В 2009 г. Правительство Сербии учредило две государственные комиссии, целью которых стал «пересмотр исторических событий», связанных с войной и послевоенным периодом,⁷ а памятники четникам были воздвигнуты по всей стране.

Известный историк Д. Стоянович так объясняет развитие вышеупомянутого ревизионизма: «антикоммунизм использовался как главное идеологическое оружие. Создается впечатление, что новые власти полагали, что это позволит им завоевать больше симпатий избирателей, между которыми существовал глубокий раскол. <...> Необходимо было скомпрометировать победу югославских коммунистов в войне, так как она являлась источником их последующей политической власти. Также было необходимо скомпрометировать успехи Тито по укреплению единой Югославии, в связи с тем, что новые сербские власти под руководством Милошевича основывали понятие государства на антиюгославизме»⁸.

ХОРВАТИЯ

В случае Хорватии показательны примеры новых практик коммеморации, целью которых стало не только уравнивание жертв Второй мировой войны и послевоенного времени, но и уравнивание в правах участников фашистских и антифашистских военных формирований. Согласно принципам политики примирения времен первого президента Хорватии Туджмана, основной задачей объявлялось достижение национального единства между хорватами, разделенными в годы Второй мировой войны на усташей и партизан. В 2000 г. Парламент Хорватии принял «Декларацию о Войне за независимость», установившую единый взгляд на историю Югославии⁹ и «преступления тоталитарного коммунистического режима, совершенные в Хорватии в период 1945–1990»¹⁰. По сути, только за хорватами признавалось участие

6 Zakon o rehabilitaciji, *Službeni glasnik RS*, br. 33/06.

7 GOVEDARICA, “Zemlja nesigurne prošlosti...”, 177.

8 DUBRAVKA STOJANOVIĆ, “Interpretacije istorije i promene sistema vrednosti u Srbiji”, in *Građanske i negrađanske vrednosti u Srbiji: Vreme posle Miloševića*, eds. Ola Listhaug, Sabrina P. Ramet and Dragana Dulić (Belgrade: Žene u crnom, 2010), 232.

9 VJERAN PAVLAKOVIĆ and GORAN KOROV (eds.), *Strategije simbolične izgradnje nacije u državama Jugoistočne Evrope* (Zagreb: Srednja Europa, 2016), 45.

10 TAMARA BANJELAV, “Sjećanje na rat ili rat sjećanja? Promjene u politikama sjećanja u Hrvatskoj od 1990. godine do danas” in *Revizija prošlosti. Politike sjećanja u Bosni*

в антифашистском движении¹¹, а «память о Второй мировой войне была подвергнута пересмотру»¹². Политика ревизионизма сопровождалась и разрушением материальных мест памяти. По подсчетам хорватских специалистов, из 937 мемориалов, посвященных партизанскому движению в годы Второй мировой войны, к 2014 в Хорватии сохранилось только 310¹³. Попытки же заменить памятники партизанам новыми мемориальными комплексами часто не достигали поставленных целей. Так, например, последний конкурс на установку мемориала «Жертвам Второй мировой войны и послевоенного периода» (2019) закончился скандалом о плагиате, а установка мемориала жертвам Холокоста в Загребе в том же 2019 г. привела к масштабной дискуссии в обществе, т.к. мемориал был установлен без каких-либо упоминаний преступлений усташей против еврейского населения¹⁴. Таким образом, политика памяти, проводимая хорватскими политиками, остается темой ожесточенных дискуссий и не привела к консолидации и примирению в обществе, а «публичный дискурс жертв Второй мировой войны почти полностью ушел в тень послевоенного периода или так называемых “жертв коммунистического террора”»¹⁵.

СЛОВЕНИЯ

Немного иначе обстоят дела с политикой памяти в Словении, хотя и там она не лишена ревизионизма. Словения, в отличие от других

i Hercegovini, Hrvatskoj i Srbiji od 1990. godine (Sarajevo: Asocijacija Alumni Centra za interdisciplinarne postdiplomske studije – Friedrich-Ebert-Stiftung, 2012), 113.

- 11 JELENA DJUREINOVIĆ, “Law as an Instrument and as a Mirror of Official Memory Politics: The Mechanism for Rehabilitating Victims of Communism in Serbia”, *Review of Central and East European Law* 43, no.2 (2018): 232–251. <https://doi.org/10.1163/15730352-04302005>; STEVO DJUREŠKOVIĆ, “National identity building and the „Ustaša nostalgia“ in Croatia: the past that will not pass”, *Nationalities Papers* 44. no. 5 (2016): 772–788. <https://doi.org/10.1080/00905992.2016.1171301>
- 12 С. Хорватинчич, «История Югославии используется как урок о возможности создать приемлемую версию социализма без его “отрицательных сторон”. Интервью с С. Хорватинчич», *Историческая экспертиза*, no. 4(2020): 98. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2020-4-97-124>
- 13 DEJAN JOVIĆ, *Rat i mit: politika identiteta u suvremenoj Hrvatskoj* (Zaprešić: Fraktura, 2017), 192.
- 14 SVEN MILEKIĆ, “„Of Course We Don’t Deny the Holocaust“: Holocaust Distortion in Contemporary Croatia”, *Prism: An Interdisciplinary Journal for Holocaust Educators*, no.12 (Spring 2020): 60–65.
- 15 ХОРВАТИНЧИЧ, «История Югославии...», 111.

югославских республик, достаточно безболезненно вышла из состава Югославии и первой (еще в 2004 г.) присоединилась к ЕС. С самого начала словенские политики взяли курс на позиционирование своей страны в исторических терминах: «Зеленый кусочек Европы», «Солнечная сторона Альп» или «Зеленое сердце Европы»¹⁶. Так формировался образ особой «альпийской культуры» Словении, не имеющей ничего общего с югославским прошлым¹⁷. Подчеркивалось, что Словения всегда была частью общего европейского пространства, а «недолгий» социалистический опыт рассматривался как досадная случайность.

Дискуссионной стала и тема участия словенских коммунистов в партизанском движении в годы Второй мировой войны. Основная полемика развернулась вокруг двух основных вопросов: во-первых, было бы лучше для Словении если бы ее освободили западные союзники и тогда бы она не стала частью будущего социалистического государства; во-вторых, не было ли слишком суровым послевоенное наказание для нацистских и фашистских коллаборационистов из Словенского домобранства, поддерживаемых католической церковью. По сути, сегодня отношение к партизанам и Словенскому домобранству выступает политическим маркером. В то же время, в отличие от соседней Хорватии, мемориальные объекты югославского прошлого в Словении не были разрушены. Взамен этого рядом установили новые памятники, посвященные Словенскому домобранству¹⁸. Хотя нельзя сказать, что это вызвало всеобщее одобрение. Например, в 2015 г. на прототипе памятнику «Жертвам всех войн» в Любляне кто-то написал краской «Хватит играть в партизан и Словенское домобранство». Дискуссия по этому поводу не утихает в стране до сих пор.

16 М. Великоня, «Переходные десятилетия характеризуются во многом шизофренической ситуацией, когда политическое отторжение социалистической Югославии сосуществует с поп(культурным) приятием этого же периода словенской истории или, по меньшей мере, более нюансированным отношением к нему. Интервью с М.Великоней», *Историческая экспертиза*, no. 4 (2020): С.78. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2020-4-77-96>.

17 Великоня, «Переходные десятилетия...», 77.

18 GAL KIRN, "Transformation of memorial sites in the post-Yugoslav context", in KARAMANIĆ S. and ŠUBER D (eds.), *Retracing Images: Visual Culture after Yugoslavia* (Leiden: Brill Publishers, 2012), 268.

БОСНИЯ И ГЕРЦЕГОВИНА

Что касается Боснии, то, как точно заметил Н.Молл, для ландшафта памяти этой страны характерна «фрагментация, сосуществование и соревнование различных нарративов и политик памяти»¹⁹. Сербы, хорваты и боснийцы, три государственно образующих народа, создают собственные, зачастую конкурирующие политики памяти, независимо от того, это память о далеком средневековье или о недавнем югославском прошлом. Как отмечает М. Палмбергер, в Боснии «повествование о государственном континуитете ведется с разных “укрепленных позиций” (anchoring points), антифашистская традиция Второй мировой войны “этнизирется” и присваивается, общегосударственный нарратив отсутствует»²⁰. Приведем один показательный пример. В 2005 г., в попытке создать универсальный символ, способный объединить граждан лоскутной Боснии, в г. Мостар был установлен памятник американскому актеру Брюсу Ли, который указывает рукой на разделительную линию города. Этот шаг не только не привел к консолидации населения города, но даже наоборот: вскоре памятник был разрушен и так и не был восстановлен²¹.

ЧЕРНОГОРИЯ

Политика памяти в Черногории претерпевала достаточно сильные изменения за последние 30 лет. Так, в начале 90-х гг. черногорское правительство оказывало всяческую поддержку Сербии, стремившейся сохранить территориальную целостность Югославии, о чем свидетельствует активное участие черногорских военных в операциях на стороне сербов, например, в осаде Дубровника в 1991 г. Как известно, политика сербских властей вызвала активное неприятие международного сообщества и, как следствие, военное вмешательство, что низвело Сербию до положения «изгоя». Столь «непривлекательное»

19 NICOLAS MOLL, “Fragmented memories in a fragmented country: memory competition and political identity-building in today’s Bosnia and Herzegovina”, *Nationalities Papers* 41, no. 6 (2013): 911. <https://doi.org/10.1080/00905992.2013.768220>

20 М. ПАЛМБЕРГЕР, «Практики “пересечения границ” и проявления солидарности существовали до, во время и после войны. Интервью с М. Палмбергер», *Историческая экспертиза*, no. 4 (2020): 126. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2020-4-125-135>

21 MOLL, “Fragmented memories in a fragmented country...”, 925.

положение Сербии открыло путь черногорскому национальному проекту²², чем не преминула воспользоваться часть элит во главе с текущим президентом страны М. Джукановичем, который за тридцать лет своей политической карьеры превратился из самого молодого европейского премьер-министра и коммуниста сначала в сербского националиста и союзника Милошевича, а затем в убежденного поборника независимости Черногории и ее проевропейской интеграции²³.

В противоположность соседям, нынешняя черногорская идентичность основана не на идее «невинной жертвы», а на том, что Черногория вышла победительницей из противостояния с османами и из Второй мировой войны²⁴. Отличительной чертой является и то, что рядовые граждане в Черногории часто хранят трепетное отношение к Югославии, которая ассоциируется со временами экономического процветания²⁵. Во многом поэтому правительство Черногории не инициирует никаких крупных исследований по вопросам военных и послевоенных преступлений коммунистов.

Северная Македония

В случае Северной Македонии проблема поиска собственной национальной идентичности натывается на противодействие со стороны Греции и Болгарии, которые отрицают эту идентичность как таковую. Так, например, в Болгарии на государственном уровне регулярно делаются заявления, что македонская идентичность, включая язык и государственность – это изобретение социалистического режима Югославии.

22 TOM GALLAGHER, "Identity in Flux, Destination Uncertain: Montenegro during and after the Yugoslav Wars", *International Journal of Politics, Culture, and Society* 17, no.1 (Fall, 2003): 53–71. <https://doi.org/10.1023/A:1025336909977>

23 JOVANA MAROVIĆ, "Déjà vu, Montenegrin style: Milo Đukanović wins Montenegro's presidential election", *LSE Blog*, April 18, 2018, <https://blogs.lse.ac.uk/euoppblog/2018/04/18/deja-vu-montenegrin-style-milo-djukanovic-wins-montenegros-presidential-election/> (Accessed September 29, 2021).

24 М. Вуканович, «В 1960–1980-е духовные наследники черногорских четников... придерживались сугубо проамериканских антикоммунистических позиций. Сейчас они с той же страстью поддерживают Россию как бастион православия и антиглобализма. Интервью с М. Вукановичем», *Историческая экспертиза*, no. 4 (2020): 147. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2020-4-136-158>

25 DUBRAVKA STOJANOVIĆ, "The crossed swords of memory: the image of communist Yugoslavia in the textbooks of its successor states", *European Politics and Society* 18, no.1 (2017):10–22. <https://doi.org/10.1080/23745118.2016.1269440>

В попытке сконструировать собственную идентичность в Македонии «социалистическое наследие усиленно выдавливалось из публичного пространства, прежние нарративы общей антифашистской борьбы были оттеснены на второй план и пересмотрены»²⁶. Например, в годы правления премьер-министра Н. Груевского был принят Закон о люстрациях, расширявший «социалистический период» вплоть до 2006 г²⁷, и предписывающий священникам, журналистам, членам неправительственных организаций, адвокатам, ученым сообщать о сотрудничестве с УДБ (Управа за државна безбедност)²⁸. Противопоставление социалистическому прошлому достигалось путем «антиквизации» македонской идентичности, то, что по аналогии можно назвать «мобилизацией античности». Одним из шагов в этом направлении стала масштабная программа по архитектурному переустройству столицы Македонии – «Скопье-2014», с целью превратить Скопье в «европейскую» столицу, придав ей античный и исключительно моноэтничный облик²⁹. Так, например, в ходе реализации проекта на центральной площади Скопье была воздвигнута 22-х метровая статуя Александра Великого. Кроме того, по замыслу Правительства в Скопье должно было появиться множество новых сооружений, начиная от филармонии и заканчивая торговыми центрами, выполненными в стиле барокко и неоклассики, что по мысли авторов проекта должно было «затмить» социалистическое и османское наследие в архитектурном облике Скопье. Кроме того, предполагалось установка более двадцати бронзовых и мраморных скульптур исторических деятелей, символизирующих древность македонской государственности³⁰. Попытка «переизобрести культурное наследие и переучредить национальную

26 LJUBICA SPASKOVSKA, "From feudal socialism to feudal democracy – The trials and tribulations of the former Yugoslav Republic of Macedonia", *Opendemocracy*, July 23, 2014, <https://www.opendemocracy.net/en/can-europe-make-it/from-feudal-socialism-to-feudal-democracy-trials-and-tribulati/> (Accessed September 29, 2021).

27 С. АНАСТАСОВА, «Практики предчувствующей памяти могут стать мощным оружием в борьбе с современным капитализмом. Интервью с С. Анастасовой», *Историческая экспертиза*, no. 4 (2020): 188. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2020-4-186-209>

28 ARIANNA PIACENTINI, "Trying to Fit In: Multiethnic Parties, Ethno-Clientelism, and Power-Sharing in Bosnia and Herzegovina and Macedonia", *Nationalism and Ethnic Politics* 25, no.3 (2019): 273–291. <https://doi.org/10.1080/13537113.2019.1639426>

29 ANDREW GRAAN, "Counterfeiting the Nation? Skopje 2014 and the Politics of Nation Branding in Macedonia", *Cultural Anthropology* 28, no.1 (2013): 169–170. <https://doi.org/10.1111/j.1548-1360.2012.01179.x>

30 GRAAN, "Counterfeiting the Nation?...", 161–179.

идентичность»³¹ вызвала не только многочисленные протесты общественности, архитектурных и научных кругов, а также простых жителей столицы, но и правительства соседней Греции, увидевшего в нем попытку присвоить себе ее античное наследие.

КОСОВО

Что касается Косово, то здесь в принципе сложно говорить о консолидированной политике памяти. С одной стороны, как и на всей территории (пост)югославского пространства, этнонационалистические нарративы, подчеркивающие многовековую национальную идентичность косоваров, процветают как в официальных учебниках истории, так и в государственной практике коммемораций и политическом дискурсе³². С другой стороны, сербское население Косово категорически настроено в отношении возможного признания косовской государственности. Как правильно заметил Ф. Бибер: «герои одного народа являются врагами или военными преступниками в глазах представителей другого народа»³³. Показательный пример: в 2013 г. сербская полиция демонтировала памятник албанским «героям» – членам военизированного формирования, установленного в сербском городе Прешево. На другой день «Косовская ассоциация ветеранов войны» уничтожила монумент социалистической эпохи в городе Витине. Этот пример хорошо иллюстрирует тот факт, что в глазах албанского населения нет разницы между сербским национализмом и югославским социализмом, оба этих явления «сливаются в процессе построения образа “врага”»³⁴.

31 GORAN JANEV, “‘Skopje 2014’: Erasing Memories, Building History”, in COUROUCLI M. and MARINOV T. (eds.), *Balkan Heritages: Negotiating History and Culture*. (London: Routledge, 2015), 111–132. <https://doi.org/10.4324/9781315562872-6>

32 BEKIM BALIQI, “The Aftermath of War Experiences on Kosovo’s Generation on the Move — Collective Memory and Ethnic Relations among Young Adults in Kosovo”, *Zeitgeschichte*, (Januar/Februar 2017 — 44. Jg. February 2017): 6–19. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3048215>

33 FLORIAN BIEBER, “Monumental Exchange. My hero, your terrorist”, *Florian Bieber’s notes from Syldavia*, February 5, 2014, <https://florianbieber.org/tag/world-war-one/> (Accessed September 29, 2021).

34 Э. Красничи, «Историография албанских косоваров представляет собой описание долгой истории угнетения, в результате она сосредоточена на политических нарративах. Интервью с Э. Красничи», *Историческая экспертиза*, no. 4 (2020): 171. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2020-4-159-185>

Еще одной ключевой особенностью низовой памяти во всех (пост) югославских странах становится феномен югоностальгии – «в результате мы одновременно наблюдаем как прославление старых добрых времен, так и демонизацию всего, что связано с партизанским движением, социализмом, Тито и Югославией»³⁵. Важнейшая характеристика югоностальгии – «селективность, предполагающая обращение лишь к отдельным положительным фрагментам действительности»³⁶. Однако югоностальгия как феномен обладает значительным политическим потенциалом. Это обусловлено тем, что население балканских республик испытывает определённую усталость от активно продвигаемых их правительствами дискурсов этнического национализма. Кроме того, югоностальгия является средством выражения запроса на социальную и экономическую справедливость, т.к. во многих постсоциалистических странах региона по-прежнему достаточно высок уровень экономического расслоения населения.

Как отмечает Е. Джурейнович, несмотря на то, что в настоящий момент ностальгические нарративы «не вызывают заметного резонанса в политическом пространстве», в то же время «они формируют югославскую идентичность и общее югославское пространство, не требуя воссоздания единой югославской нации и югославского государства»³⁷. Кроме того, обращение к общему югославскому прошлому иногда помогает избежать конфликтов и неудобных тем в настоящем.

В заключение, на мой взгляд, необходимо обратиться к словам Дж.Минка, так охарактеризовавшего цели ревизионистской политики: «привести к общественному согласию, пересмотреть некоторые спорные аспекты истории или избежать ответственности, “заметая следы преступного прошлого”»³⁸. Ревизионистская политика и «войны памяти» в молодых балканских республиках позволили на какое-то время притупить боль от недавней коллективной травмы 90-х гг., однако в дальнейшей перспективе подобная политика не позволит добиться консенсуса и согласия в обществе, а лишь будет порождать новый всплеск национализма и эскалацию общественных конфликтов. В то

35 Великоня, «Переходные десятилетия...», 79.

36 Е. Ю. Мелешкина, «Память о социалистической Югославии в публичном пространстве бывших республик СФРЮ», *Политическая наука*, no.3 (2018): 265–289. <https://doi.org/10.31249/poln/2018.03.11>

37 Джурейнович, «Работы малочисленной группы...», 64.

38 GEORGES MINK and LAURA NEUMAYER, *L'Europe et ses passés douloureux* (Paris: La Découverte, 2007), 15.

же время, (пост)югославская память никуда не делась из общественного и политического дискурса бывших союзных республик, продолжая существовать в качестве «узла памяти» и преодолевать границы (пост)югославских государств.

References

- SENKA ANASTASOVA, «Praktiki predchuvstvuiushchei pamiati mogu stat' moshchnym oruzhiem v bor'be s sovremennym kapitalizmom. Interv'iu s C. Anastasovoi» [Anticipatory Memory Practices Would Have the Potential to Emerge as a Potent Tool in the Fight against Capitalism Today: An Interview with Senka Anastasova], *Istoricheskaia ekspertiza*, no. 4 (2020): 186–209. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2020-4-186-209>.
- BEKIM BALIQI, “The Aftermath of War Experiences on Kosovo’s Generation on the Move — Collective Memory and Ethnic Relations among Young Adults in Kosovo”, *Zeitgeschichte*, (Januar/Februar 2017 — 44. Jg. February 2017): 6–19. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3048215>
- TAMARA BANJEGLAV, “Sjećanje na rat ili rat sjećanja? Promjene u politikama sjećanja u Hrvatskoj od 1990. godine do danas [Remembrance of War or War of Remembrance? Changes in Memory Politics in Croatia from 1990 to the Present]” in *Re:vizija prošlosti. Politike sjećanja u Bosni i Hercegovini, Hrvatskoj i Srbiji od 1990. godine* (Sarajevo: Asocijacija Alumni Centra za interdisciplinarne postdiplomske studije – Friedrich-Ebert-Stiftung, 2012), 91–162.
- FLORIAN BIEBER, “Monumental Exchange. My hero, your terrorist”, *Florian Bieber’s Notes from Syldavia*, February 5, 2014, <https://florianbieber.org/tag/world-war-one/> (Accessed September 29, 2021).
- JELENA DJUREINOVIĆ, “Law as an Instrument and as a Mirror of Official Memory Politics: The Mechanism for Rehabilitating Victims of Communism in Serbia”, *Review of Central and East European Law* 43, no. 2 (2018): 232–251. <https://doi.org/10.1163/15730352-04302005>
- STEVO DJUREŠKOVIĆ, “National identity-building and the „Ustaša nostalgia“ in Croatia: the past that will not pass”, *Nationalities Papers* 44. no. 5 (2016): 772–788. <https://doi.org/10.1080/00905992.2016.1171301>
- JELENA ĐUREINOVIĆ, «Raboty malochislennoi gruppy istorikov-revizionistov poluchaiut ogromnyi rezonans v media, poskol’ku oni vystupaiut agentami sanktsionirovannoi gosudarstvom politiki pamiati». Interv’iu s E. Dzhureynovich» [Serbian Revisionist Historians are Actually Fewer than Five People. However, Their Work Resonates Widely Because They Receive Media Attention: An Interview with Jelena Dureinovic], *Istoricheskaia ekspertiza*, no. 4 (2020): 61–76. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2020-4-61-76>
- DMITRY EFREMENKO AND ELENA MELESHKINA, «Iugoslavskii metanarrativ i sovremennaia iugonostal'giia v stranakh Zapadnykh Balkan» [Yugoslav Metanarrative and Contemporary Yugonostalgia in Western Balkan Countries], *Politicheskaiia ekspertiza: POLITEKS* 16, no. 1 (2020): 78–100. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.105>

TOM GALLAGHER, "Identity in Flux, Destination Uncertain: Montenegro During and After the Yugoslav Wars", *International Journal of Politics, Culture, and Society* 17, no. 1 (Fall 2003): 53–71. <https://doi.org/10.1023/A:1025336909977>

NATAŠA GOVEDARICA, "Zemlja nesigurne prošlosti. Politike sećanja u Srbiji u periodu 1991-2011. godina" [A Land of Uncertain Past: Memory Politics in Serbia in the Period 1991-2011.], in *Re:vizija prošlosti. Politike sjećanja u Bosni i Hercegovini, Hrvatskoj i Srbiji od 1990. godine* (Sarajevo: Asocijacija Alumni Centra za interdisciplinarnе postdiplomske studije – Friedrich-Ebert-Stiftung, 2012), 163–234.

ANDREW GRAAN, "Counterfeiting the Nation? Skopje 2014 and the Politics of Nation Branding in Macedonia", *Cultural Anthropology* 28, no.1 (2013): 161–179. 170. <https://doi.org/10.1111/j.1548-1360.2012.01179.x>

SANJA HORVATINČIĆ, «Istorija Jugoslavii ispol'zuetsia kak urok o vozmozhnosti sozdat' priemlemuiu versiiu sotsializma bez yego "otritsatel'nykh storon". Interv'iu s S. Khorvatinchich» [The Story of Yugoslavia is Used as a Lesson on the Acceptable Version of Socialism Without its 'Negative Sides': An Interview with Sanja Horvatincic], *Istoricheskaia ekspertiza*, no. 4 (2020): 97–124. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2020-4-97-124>

GORAN JANEV, "Skopje 2014: Erasing Memories, Building History", in COUROUCLI M. and MARINOV T. (eds.), *Balkan Heritages: Negotiating History and Culture*. (London: Routledge, 2015), 111–132. <https://doi.org/10.4324/9781315562872-6>

DEJAN JOVIĆ, *Rat i mit: politika identiteta u suvremenoj Hrvatskoj* [War and Myth: Identity Politics in Contemporary Croatia] (Zaprešić: Fraktura, 2017).

GAL KIRN, "Transformation of Memorial Sites in the Post-Yugoslav Context", in KARAMANIĆ S. AND ŠUBER D (eds.) *Retracing Images: Visual Culture after Yugoslavia* (Leiden: Brill Publishers, 2012), 251–282.

ELIFE KRASNICHI, «Istorioigrafia albanskikh kosovarov predstavliaet soboi opisanie dolgoi istorii ugnetenia, v rezul'tate ona sosredotochena na politicheskikh narrativakh. Interv'iu s E.Krasnichii» [Kosovar-Albanian Historiography Reflects a Long History of Oppression, Which Conditioned This Focus on Political Narratives: An Interview with Dr. Elife Krasniqi], *Istoricheskaia ekspertiza*, no. 4 (2020): 159–185. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2020-4-159-185>.

JOVANA MAROVIĆ, "Dèjà vu, Montenegrin style: Milo Đukanović wins Montenegro's presidential election", *LSE Blog*, April 18, 2018, <https://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2018/04/18/deja-vu-montenegrin-style-milo-dukanovic-wins-montenegros-presidential-election/> (Accessed September 29, 2021).

ELENA MELESHKINA, «Pamiat' o sotsialisticheskoi Jugoslavii v publicnom prostranstve byvshikh respublik SFRYU» [Memory of Socialist Yugoslavia in the Public Sphere of the Former SFRY Republics], *Politicheskaia nauka*, no.3(2018):265–289. <https://doi.org/10.31249/poln/2018.03.11>.

SVEN MILEKIĆ, "'Of Course We Don't Deny the Holocaust': Holocaust Distortion in Contemporary Croatia", *Prism: An Interdisciplinary Journal for Holocaust Educators*, no.12 (Spring 2020): 60–65.

GEORGES MINK and LAURA NEUMAYER, *L'Europe et ses passés douloureux* [Europe and its Painful Pasts] (Paris: La Découverte, 2007).

NICOLAS MOLL, “Fragmented memories in a fragmented country: memory competition and political identity-building in today’s Bosnia and Herzegovina”, *Nationalities Papers* 41, no.6 (2013): 910–935. <https://doi.org/10.1080/00905992.2013.768220>

VJERAN PAVLAKOVIĆ and GORAN KOROV (eds.), *Strategije simbolične izgradnje nacije u državama Jugoistočne Evrope* [Strategies of Symbolic Nation-Building in the Countries of South East Europe] (Zagreb: Srednja Europa, 2016).

MONIKA PALMBERGER, «Praktiki “peresecheniia granits” i proiavlennia solidarnosti sushchestvovali do, vo vremia i posle voiny. Interv’iu s M. Palmberger» [There are Practices of ‘Border-Crossing’ and Acts of Solidarities Before, During and After the War: An Interview with Monika Palmberger], *Istoricheskaia ekspertiza*, no. 4 (2020): 125–135. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2020-4-125-135>.

ARIANNA PIACENTINI, “Trying to Fit In: Multiethnic Parties, Ethno-Clientelism, and Power-Sharing in Bosnia and Herzegovina and Macedonia”, *Nationalism and Ethnic Politics* 25, no. 3 (2019): 273–291. <https://doi.org/10.1080/13537113.2019.1639426>

MICHAEL ROTHBERG, *Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization* (Stanford: Stanford University Press, 2009).

LJUBICA SPASKOVSKA, “From feudal socialism to feudal democracy – The trials and tribulations of the former Yugoslav Republic of Macedonia”, *Opendemocracy*, July 23, 2014, <https://www.opendemocracy.net/en/can-europe-make-it/from-feudal-socialism-to-feudal-democracy-trials-and-tribulati/> (Accessed September 29, 2021).

DUBRAVKA STOJANOVIĆ, “Interpretacije istorije i promene sistema vrednosti u Srbiji” [Interpretations of History and Changes in the Value system in Serbia], in *Građanske i negrađanske vrednosti u Srbiji: Vreme posle Miloševića*, eds. OLA LISTHAUG, SABRINA P. RAMET and DRAGANA DULIĆ (Belgrade: Žene u crnom, 2010), 213–232.

DUBRAVKA STOJANOVIĆ, “The crossed swords of memory: the image of communist Yugoslavia in the textbooks of its successor states”, *European Politics and Society* 18, no. 1 (2017): 10–22. <https://doi.org/10.1080/23745118.2016.1269440>

MITJA VELIKONYA, «Perekhodnye desiatiletiia kharakterizuiutsia vo mnogom shizofrenicheskoj situatsiei, kogda politicheskoe ottorzhenie sotsialisticheskoi Iugoslavii sosushchestvuet s pop(kul’turnym) priiatiem etogo zhe perioda slovenskoj istorii ili, po men’shei mere, bolee niuansirovannym otnosheniiem k nemu. Interv’iu s M.Velikonei» [The Transitional Decades Have Been Marked by a Rather Schizophrenic Situation, Where Political Rejections of the Socialist Yugoslav Period of Slovene History Coexist with a (Pop)cultural Acceptance of this Part of the Same History: An Interview with Mitja Velikonja], *Istoricheskaia ekspertiza*, no. 4 (2020): 77–96. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2020-4-77-96>

MILOŠ VUKANOVIC, «V 1960-1980-e dukhovnye nasledniki chernogorskih chetnikov... priderzhivalis’ sugubo proamerikanskikh antikommunisticheskikh pozitsii. seichas oni s toi zhe strast’iu podderzhivaiut Rossiiu kak bastion pravoslaviia i antiglobalizma. Interv’iu s M. Vukanovichem» [The Descendants of Montenegrin Chetniks Were Extremely Pro-American in the 1960s–1980s. Now, They Are Pro-Russian with Equal Vigor, Emphasizing Russia’s Status as a Bastion of Orthodox Christianity and Anti-Globalism”: An Interview with Milos Vukanovic], *Istoricheskaya ekspertiza*, no. 4 (2020): 136–158. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2020-4-136-158>.

Zakon o rehabilitaciji [Law on Rehabilitation], *Službeni glasnik RS*, br. 33/06.

БЕАТА ВАРГА

ПРЕЗЕНТАЦИЯ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО И ИВАНА МАЗЕПЫ В ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ¹

THE PRESENTATION OF BOHDAN KHMELNYTSKY AND IVAN MAZEPA IN MODERN UKRAINE'S MEMORY POLITICS

Since 1991, there has been a rethinking of national history in Ukraine, with a search for variants of the Ukrainian-centric historical narrative that are acceptable to society. In modern Ukrainian memory politics, Ukrainian presidents use the term “glorious history” in their official speeches to create a collective historical identity, at the center of which are “national heroes,” of whom Bogdan Khmelnytsky stands out as the “creator of Ukrainian statehood,” and Ivan Mazepa, who became the successor of Hetman Bogdan Khmelnytsky, as a symbol of Ukrainian independence and resistance to Russia. In this way, Ivan Mazepa has turned, in Ukrainian memory politics, from a traitor into a hero, rehabilitated first by nationalist historiography, then by the current political reality.

Keywords: memory politics, collective historical identity, “national heroes”, national history, “glorious history”

Beáta Varga – Habil. Associate Professor, University of Szeged. E-mail: varga.bea@hist.u-szeged.hu. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7244-0783>

1 This study is a written version of a lecture given at a conference devoted to memory politics in Central and Eastern Europe and Russia held at ELTE on September 30th and October 1st, 2021.

Citation: BEÁTA VARGA, “Prezentatsiia Bogdana Khmel'nitskogo i Ivana Mazepy v politike pamiaty v sovremennoi Ukrainy” [The Presentation of Bohdan Khmelnytsky and Ivan Mazepa in Modern Ukraine's Memory Politics], *RussianStudiesHu* 4, no. 2 (2022): 12 pp. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2022.4.13

После развала Советского Союза в новоявленных государствах для создания собственной идентификации начали писать национальный исторический нарратив. Украину можно классифицировать как страну со слабой государственностью,² которая на протяжении своей истории несколько раз обладала кратковременной государственностью, но в итоге достигла полного суверенитета только в 1991 г. С этого времени Украина переживает период активного нациестроительства. В процессе создания украинским правительством национального имиджа Украины стало существенно важным составление для современной украинской политики пригодных исторических нарративов, в которых постоянный акцент на независимость узаконил бы существование молодого украинского государства.

С 1991 г. украинские историки и политическое руководство уделяют особое внимание «легитимации» своей истории. В центре этого стремления стоит их убеждение о существовании независимого украинского государства в прошлом.³ Главная особенность национального украинского нарратива заключается в телеологии, то есть цель украинской историографии – изучить такую национальную историю, которая была славной и имела непрерывность, представив исторические процессы как путь к созданию суверенного государства.⁴

В исторической памяти отбираются такие исторические лица и периоды, которые важные для идентификации общества в целом. В выступлениях украинских государственных деятелей и в современной украинской историографии⁵ общим элементом является и то, что XVII в. называют началом периода формирования украинской национальной

2 Kiss J. LÁSZLÓ, „Nemzeti identitás és külpolitika Közép-és Kelet-Európában”, in *Nemzeti identitás és külpolitika Közép-és Kelet-Európában*, szerk. Kiss. J. LÁSZLÓ (Budapest: Teleki László Alapítvány, 2003), 21.

3 Согласно официальному историческому нарративу, сегодняшняя Украина считается прямым потомком средневековой Киевской Руси, казацкого государства, созданного Богданом Хмельницким в середине XVII века, и Украинской Народной Республики 1918–20 годов. SZEREDA VIKTÓRIA, „Történelmi emlékezet Ukrajna elnökeinek hivatalos beszédeiben”, *Regio (Kisebbség, Politika, Társadalom)* no. 3 (2007): 47–68.

4 JEKELCSIK SZERNI, *Ukrajna története – Egy modern nemzet születése* (Budapest: Kairosz Könyvkiadó, 2014) 9.

5 В. А. Смолий, В. С. Степанков, *Українська державна ідея XVII–XVIII століть: проблеми формування, еволюції, реалізації* (Київ: Альтернативи, 1997) 48.; Т. Чухліб, *Козаки і монархі – Міжнародні відносини ранньомодерної Української держави 1648–1721 рр.* (Київ: В-во імені Олени Теліги, 2009) 53.

идентичности.⁶ Оценка двух выдающихся лидеров эпохи Гетманщины – Богдана Хмельницкого и Ивана Мазепы – всегда была политизирована. Poleмика вокруг их личностей идет главным образом по вопросу украинской государственности. Оба боролись за одни и те же цели, но на протяжении многих веков об их гетманстве судили по-разному: Хмельницкий стал народным героем, а Мазепу называли предателем.⁷

Для украинской истории сакральным периодом является время Б. Хмельницкого, так как его гетманство стало поворотным пунктом в жизни украинцев. Хотя восприятие политических устремлений Богдана Хмельницкого неуклонно менялось на протяжении веков, за очень немногими исключениями, как в украинской, так и в российско-советской историографии сложилась однородная позитивная картина его исторической роли.⁸ В официальном украинском историческом нарративе⁹, восхваляющем политическую деятельность гетмана, подчеркивается, что Хмельницкому удалось объединить все «этноукраинские» территории в независимое украинское государство между 1654–57 гг. Правовой статус Украины с 1654 г. оценивается так, что Переяславское соглашение на самом деле заложило основы такого конфедеративного государства, в рамках которого Россия и Украина сохранили свою полную независимость. А русско-советская историография основалась на

6 Д. Кучма, *Поки сонце в небі сяє, тебе не забудуть: Доповідь Президента України Л.Кучми на урочистих зборах з нагоди 400-річчя від дня народження Б. Хмельницького 20 грудня 1995 року* (Вінниччина: 1995. 23 грудня) 2.

7 Г. А. Санин, «Санин Богдан Хмельницкий и Иван Мазепа», in *Труды Института российской истории*, no. 6. отв. ред. А. Н. Сахаров (Москва: Российская академия наук, Институт российской истории, 2006), 65–98.

8 Г. Грабянка, *Действия презельной и от начала поляков кравашой небывалой брани Богдана Хмельницкого гетмана запорожского, з поляки* (Киев: Унив. тип., 1854), 8.; Г. Кониский, *История Русов или Малой России* (Москва: Университетская типография, 1846), 59.; Д. Н. Бантыш-Каменский, *История Малой России* (Москва: Тип. Семена Селивановского, 1903), 205–208.; А. Н. Маркевич, *История Малороссии*. Т. I. (Москва: Тип. Августа Семена, 1842), 167–168.; К. О. Осипов, *Богдан Хмельницкий* (Москва: Москва: Молодая гвардия, 1948), 404.; В. А. Голобуцкий, *Богдан Хмельницкий – великий сын украинского народа* (Москва: Воениздат, 1954); З.; И. П. Крипьякевич, *Богдан Хмельницкий* (Киев: АНУ РСР, 1954), 347.

9 В. М. Горобець, *Від союзу до інкорпорації: українсько-російські відносини другої половини XVII – першої чверті XVIII ст.* (Київ: НАН України. Інститут історії України, 1995), 14–28.; Н. Н. Яковенко, *Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України* (Київ: Генеза, 2009), 356–357.; ТАРАС ЧУХЛІБ, *Козаки і монархи. Міжнародні відносини ранньомодерної Української держави 1648–1721 рр.* (Київ: В-во імені Олени Теліги, 2009), 77; В. П. Шевчук, М. Г. ТАРАНЕНКО, *Історія української державності*, (Київ: Либідь 1999), 199.; В. СТЕПАНКОВ, «Проблема становлення монархічної форми правління Богдана Хмельницького (1648–1657 рр.)», *Український історичний журнал*, no. 4. (1995): 14–33.

вере в том, что Украина была изначально predetermined на «русском пути».¹⁰ Поскольку это казацкий гетман также вынужден был признать, то и в русско-советской историографии положительно оценивается время гетманства Богдана Хмельницкого. С точки зрения объективной оценки гетмана, между российскими и украинскими историками принципиальных разногласий на самом деле нет. Таким образом Богдан Хмельницкий – один из немногих украинских исторических героев, который в равной степени является законной личностью для украинской и российской историографии.

26 октября 1708 г. Иван Мазепа, избранный вождем Запорожского Войска, перешёл на сторону шведского короля, который собирался напасть на Россию. Гетман сделал этот решительный шаг после того, как Петр I отказал казакам в военной помощи против шведского вторжения. Для разъяренного Петра I переход гетмана к врагу был типичным случаем предательства. Царь прозвал его «новым Иудой».¹¹ В то же время Мазепа упорно настаивал на правильности выбранного им пути, цель которого заключалась в защите его родины со стороны России и Швеции. Поколения российско-советских и украинских историков¹² обсуждали вопрос об исторической роли и «предательстве» Ивана Мазепы. В историографии долгое время выдвигались взгляды, осуждающие измену гетмана. В их рамках до конца XIX в. выделялись два типа аргументов. В первом, основанном на принципе «единой и неделимой России»¹³, подчеркивалось, что, поскольку этот шаг гетмана угрожал безопасности Российского государства, его обязательно можно рассма-

10 В. О. Ключевский, *Курс русской истории* Т. III. (Москва: 1916), 147–154.; Г. А. Санин, «Антиосманские войны в 70–90-е годы XVII века и государственность Украины в составе России и Речи Посполитой», in *Россия-Украина: История взаимоотношений*. ред. А. В. Миллер (Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997), 63–66.; Н. М. Рогожин–Г. А. Санин, «Россия и Украина в XVI–XVII веках», in *История русско-украинских отношений*, (Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997), 8–14.

11 *Письма и бумаги императора Петра Великого*. под ред. А. И. Андреева. Т. VIII (июль-декабрь 1708 г.). Вып. 1. (М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948), 261.

12 А. М. Лазаревский, «Заметки о Мазепе», *Киевская Старина* LX (1898): 458–485., Н. И. Костомаров, Мазепа (Москва: Республика, 1992), 787–822; В. KRUPNYTSKY, “Bohdan Khmelnytsky and Soviet Historiography”, *Ukrainian Review* (1956): 49–53; В. Е. Шутой, «Измена Мазепы», in *Исторические Записки* 31 (Москва: Академия Наук СССР, 1950), 154–190; *История Украинской ССР*. Под ред. А. К. Касименко (Киев: Издательство Академии Наук СССР, 1953), 310–311.

13 С. Соловьёв, *История России с древнейших времён. В 15 книгах*. 8. (Москва: Издательство социально-экономической литературы, 1962), 250–251.

тривать как предателя.¹⁴ Согласно другой точке зрения, критикующей действия украинского гетмана, Мазепа в первую очередь руководствовался собственными эгоистичными и казачьими интересами, предавая и собственный народ.¹⁵ А советская историография была основана на синтезе двух предыдущих теорий, подчеркивая, что сосуществование русского и украинского народов в едином государстве всегда служило интересам двух народов, в то время как измена Мазепы считается преступлением против единого российского государства.¹⁶

«Защитники» Мазепы появились в историографии сравнительно поздно: во второй половине XIX в. В результате украинского «пробуждения к национальному самосознанию» фигура гетмана предстала в новом свете. В трудах «отца национальной историографии» Украины М. Грушевского и его последователей¹⁷ впервые было высказано предположение, что украинское национальное самосознание существовало уже во времена Мазепы. И именно это чувство мотивировало действия гетмана.

В современной украинской историографии постепенно пытаются избавить имя Мазепы от греха «предательства» несколькими объяснениями. Согласно первой версии, Мазепа никому не изменял. Чтобы не допустить разорения своей страны, он решил «отдаться» шведам, как более сильной стороне.¹⁸ По другой версии, Мазепа начал вторую украинскую революцию¹⁹ и боролся за независимость. Также высказывалось мнение, что до того, как Богдан Хмельницкий возглавил стихийное массовое движение украинского народа, Мазепа оставался в политическом одиночестве.²⁰

В то же время миф о Мазепе как о «символе предательства» выживает в современной российской историографии, где мнение о Мазепе

14 БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ, Д. Н. *История Малой России*, 391.

15 А. М. ЛАЗАРЕВСКИЙ, «Заметки о Мазепе», *Киевская Старина* (1898): 131–167.; Костомаров, Н. И. *Мазепа*, 787–822.

16 KRUPNYTSKY, B, Bohdan Khmelnytsky and Soviet Historiography, 26–30.

17 М. HRUSCHENWSKYJ, *Die ukrainische Frag in historischer* (Wien: Druck “Vorwärts”, 1915); Ф. М. УМАНЕЦ, Гетман Мазепа. Историческая монография (СПб.: Меркушева, 1897), 455; D. DOROSENKO, *Hetman „Mazepa – Sein Leben und Wirken“ Zeitschrift zur Osteuropaische Geschichte* (1933): 51–73.

18 В. П. ШЕВЧУК, М. Г. ТАРАНЕНКО, *Історія української державності*, 131–132.

19 Т. ЧУХЛІБ, Шлях до Полтави: Україна і Рочія з доби гетьмана Мазепи (Київ Інформаційно-аналітична агенція Наш час, 2008), 263.

20 O. SUBTELNY, *The Mazepists: Ukrainian Separatism in the Early Eighteenth Century* (New York: Columbia University Press, 1981); С. О. ПАВЛЕНКО, *Оточення гетьмана Мазепи: соратники та прибічники* (Київ: Вид. дім «КМ Академія», 2004), 340–341.

как предателе Российского государства и своего народа сохраняется²¹. Вместе с этим появилась и либеральная трактовка гетмана.²² Первоначально маргинальный, этот подход стал приобретать последователь²³ в наши дни.²⁴

С 1991 г. ради более эффективного воплощения проекта национальной консолидации к истории в той или иной степени обращались все президенты Украины. Украинская историческая политика демонстрирует национальный исторический нарратив, телеологически соединяющий государства и протогосударственные образования времен Киевской Руси, Гетманщины (1654–1764) и Украинской революции 1917–1921 гг. Тематика исторических тем стала актуальной в качестве инструмента легитимации политики украинских элит в будущем.²⁵

Первый президент независимой Украины, Леонид Кравчук (1991–1994) издал распоряжение №. 15/93 рп. от 11. 02. 93. г. «О праздновании 400-летия со дня рождения Богдана Хмельницкого». В этом регулировании присутствует прежде всего идеологическое обоснование деятельности Богдана Хмельницкого для становления украинской государственности.²⁶

Наибольшее число высказываний, связанных с историей, принадлежит второму президенту Украины Л. Д. Кучме (1994–2005), который стремился к умеренности и сбалансированности в сфере политики памяти.²⁷ В своих выступлениях президент считал Богдана Хмельницкого такой титанической исторической личностью, с именем которого связаны выход Украины на международную арену и закладывание основы современной украинской политической нации.²⁸ В 2003 г. он издал свою

21 В. А. Артамонов, К. А. Кочегаров, И. В. Курукин, *Вторжение шведской армии на Гетманщину в 1708: Образы и трагедия гетмана Мазепы* (СПб., Общество памяти игумении Таисии, 2008), 4–110.; А. В. Чудинов, «Иван Мазепа», *Актуальные проблемы всеобщей истории: Межвуз. сб. науч. статей*. Вып. 2. (2003): 137–145.

22 Е. В. Анисимов, *Время петровских реформ* (Ленинград: Лениздат, 1989), 186–187.

23 Т. Г. Таирова-Яковлева, «Мазепа – гетман: в поисках исторической объективности», *новая и новейшая история*, No. 4. Июль–август (2003): 49.

24 В. Яценко, «Ліберальна візія гетьманства Івана Мазепи в сучасній російській історіографії (1989–2000 рр.)», *Вісник Прикарпатського університету. Історія*. Вип. 23–24. (2013): 301.

25 А. А. Плеханов, «Историческая политика в государственном дискурсе Украины в постсоветский период», *Вестник Пермского Научного центра*, no 5. (2016): 74.

26 Гриценко, О., *Президенти і пам'ять. Політика пам'яті президентів України (1994–2014) Підґрунття, послання, реалізація, результати*, 136.

27 там же 271.

28 Л. Д. Кучма, «Доповідь Президента України на урочистих зборах з нагоди 400-річчя від дня народження Б. Хмельницького» [Text], *Урядовий кур'єр*. 23. (1995. грудня): 4–5.

книгу «Украина — не Россия», в которой акцентирует внимание на Богдане Хмельницком, как на национальном герое, которого представляет символом «преемства украинской государственности от Киевской Руси до наших дней». В то же время в своей книге Л. Д. Кучма нормализует и фигуру гетмана Мазепы со следующей характеристикой: «Можно предположить, что Мазепа стремился ... с иностранной помощью нанести поражение России, в которой он видел, справедливо или нет, зло и гибель Украины...».²⁹

Официальные выступления пришедшего в ходе Оранжевой революции В. А. Ющенко (2005–2010) связаны со все более решительным националистическим дискурсом. Украинская историческая политика в годы его президентства оказалась мощным средством «европеизации» общества³⁰. В этот период были характерны интенсификация политики памяти³¹ и поднятие на общенациональный уровень таких исторических сюжетов и личностей, которые находились под запретом в советские времена. Ющенко в своих посланиях продвигал собственное видение пантеона таких исторических личностей, которые сыграли важную роль в процессе формирования украинской нации. Президент стремился подкрепить политические тезисы ссылками на таких авторитетных исторических личностей,³² как предводитель национально-освободительного движения Богдан Хмельницкий. А в 2009 г. в ходе «Мазепинского вечера» в Национальной опере президент решительно призвал соотечественников по достоинству оценить личность украинского гетмана Ивана Мазепы со следующими словами: «Сегодня впервые отмечаем день рождения Великого гетмана на государственном уровне. Чествуем личность величественную и трагическую».³³ Украинский президент напомнил, что гетман как политик и патриот, прежде всего, последовательно шел к главной цели – преобразованию Украины в го-

29 Л. Д. Кучма, *Украина – не Россия* (Москва: Время, 2003), 258.

30 Ю. О. Николаец, «Історична політика в Україні у 1991–2021 рр.», *in* *Політичний процес у незалежній Україні: підсумки і проблеми* (Київ: Інститут політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса НАН України, 2021), 551, 576.

31 Украинский институт национальной памяти как орган для формирования и возрождения исторической памяти.

32 Послання Президента України Віктора Ющенка до Верховної Ради України про внутрішнє і зовнішнє становище України 2008 рік: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/n0013100-08> (Дата обращения: 20 января 2022)

33 В украинской историографии основной тенденцией официальной исторической политики периода Ющенко называют виктимизацию национальной памяти. В. Бабка, «Політика пам'яті в Україні (2005 – початок 2010 рр.): Ключові тенденції» *Наукові записки* 78, no. 4 (2015): 106.

сударство европейского образца. Таким образом «... ни о какой измене Мазепы не может быть и речи... Видим мудрого политика, созидателя Украины, мужественного воина и преданного патриота. Видим национального лидера»³⁴ – подчеркнул президент с твердой убежденностью.

Наименьшее число высказываний о политике памяти было во время президентства В. Ф. Януковича (2010–2014). Все они относятся почти исключительно к постсоветской эпохе. Постепенно началась корректировка исторической политики Украины и президент вернулся к амбивалентной исторической политике,³⁵ которая была характерна во времена Л. Кучмы.

Внешнеполитическое влияние аннексии Крыма Российской Федерацией и начало русско-украинской войны на Донбассе стали важными причинами изменений в исторической политике Украины начиная с 2014 г. Начали модернизацию государственной исторической политики с героизации защитников украинской государственности. Во время президентства П. А. Порошенко (2014–2016) общая риторика политики памяти приняла более националистический характер, что появилось и в выборе табуированных в советское время исторических личностей, упоминаемых в президентских выступлениях.³⁶ Так например, 20 марта 2017 г. президент П. А. Порошенко в день рождения Мазепы назвал гетмана уже национальным героем со следующим заявлением: «Он стал настоящим символом украинского сопротивления России; флагом нашего движения к независимости ... когда русский царь Петр I прорубал для России окно в Европу, Гетманщина во время правления Мазепы уже ходила туда через дверь...».³⁷

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Историческая политика, направленная на трансформацию исторической памяти, начала осуществляться с 1991 г. на Украине, превратив историю в инструмент достижения политических целей. В политике па-

34 <https://interfax.com.ua/news/general/10390.html> (Дата обращения: 20 января 2022)

35 В. Бондар, «Державна політика історичної пам'яті в Україні 1990–2000-х рр.: основні тенденції», *Історіографічні дослідження в Україні*, Вип. 23 (2013): 395.

36 А. А. Плеханов, «Историческая политика в государственном дискурсе Украины в постсоветский период», 73.

37 Порошенко объявил Мазепу символом украинского сопротивления России <https://lenta.ru/news/2017/03/20/mazepa/> (Дата обращения: 20 января 2022)

мяти современной Украины ведущие политические деятели и украинская историография также единообразно заявляют о том, что украинский народ, опираясь на многовековую историю создания украинского государства, реализовал свое право на самоопределение в 1991 г., когда была основана суверенная Украина. В современной украинской политике памяти украинские президенты в своих официальных выступлениях³⁸ используют «славную историю» для создания коллективной исторической идентичности. В центре нее находятся «национальные герои», из которых Богдан Хмельницкий выделяется как «создатель украинской государственности», а Иван Мазепа – как символ украинского сопротивления России и независимости, продолжатель дела гетмана Богдана Хмельницкого. Так, по мнению украинских политиков, от гетманства Богдана Хмельницкого до Ивана Мазепы происходила окончательная консолидация концепции Украинского государства. Таким образом Иван Мазепа в украинской политике памяти из предателя стал героем: сначала он был реабилитирован националистической историографией, затем и нынешней политической действительностью.

References

- E. V. ANISIMOV, *Vremia petrovskikh reform* [The Time of Peter's Reforms] (Leningrad: Lenizdat, 1989), 495.
- V. A. ARTAMONOV, K. A. KOCHGAROV, I. V. KURUKIN, *Vtorzhenie shvedskoi armii na Getmanshchinu v 1708.: Obrazy i tragediia getmana Mazepy* [The Invasion of the Swedish Army into the Hetmanate in 1708: Images and the Tragedy of Hetman Mazepa] (SPb., Obshchestvo pamiati igumenii Taisii, 2008), 207.
- V. ВАВКА, «Polity'ka pam'yati v Ukraini (2005 – pochatok 2010 rr.): Klyuchovi tendenciyi» [Politics of Memory in Ukraine (2005 – early 2010): Key Trends], *Naukovi zapysky* 78, no 4. (2015): 99–118.
- D. N. BANTYSH-KAMENSKII, *Istoriia Maloi Rossii* [A History of Little Russia] (Moskva: Tip. Semena Selivanovskogo, 1903), 435.
- V. BONDAR, «Derzhavna polity'ka istory'chnoyi pam'yati v Ukraini 1990–2000-x rr.: osnovni tendenciyi» [State Policy on Historical Memory in Ukraine 1990–2000s: Main Trends], *Istoriografichni doslidzhennia v Ukraini*, Vy'p. 23 (2013): 377–400.
- A. V. CHUDINOV, «Ivan Mazepa», [Ivan Mazepa] *Aktualnye problemy vseobshchei istorii: Mezhdvuz. sb. nauch. statei*. Vyp. 2. (2003): 137–145.
- T. CHUXLIB, *Shlyax do Poltav'y: Ukrainina y' Rosya z doby' get'mana Mazepy* [The Way to Poltava: Ukraine and Russia Since the Time of Hetman Mazepa] (Ky'yiv Informacy'jno-anality'chna agenciya Nash chas, 2008), 263.

38 SZEREDA, Történelmi emlékezet Ukrajna elnökeinek hivatalos beszédeiben, 47–68.

- T. CHUXLIB, *Kozaki y'monarxi – Mizhnarodni vidnosy'ny' rann'omodernoyi Ukrayins'koyi derzhavy' 1648–1721 rr.* [Cossacks and Monarchs – International Relations in the Early Modern Ukrainian State 1648–1721] (Ky'yiv: V-vo imeni Oleny' Teligy', 2009) 616.
- DMYTRO DOROSHENKO, „Hetman Mazepa – Sein Leben und Wirken” [Hetman Mazepa – His Life and Works], *Zeitschrift zur Osteuropaische Geschichte* 7 (1933): 51–73.
- V. A. GOLOBUTSKII, *Bogdan Khmel'nitskii – velikii syn ukrainskogo naroda* [Bogdan Khmel'nitsky – The Great Son of the Ukrainian People] (Moskva: Voenizdat, 1954), 56.
- V. M. GOROBECZ', *Vid soyuzu do inkorporaciyi: ukrayins'ko-rosijs'ki vidnosy'ny' drugoyi polovy'ny' XVII – pershoyi chverti XVIII st* [From Union to Incorporation: Ukrainian-Russian Relations in the Second Half of the Seventeenth – First Quarter of the Eighteenth Century] (Ky'yiv: NAN Ukrayiny'. Insty'tut istoriyi Ukrayiny', 1995), 70.
- G. GRABIANKA, *Deistviia prezelnoi i ot nachala poliakov krvavshoo nebyvaloi brani Bogdana Khmel'nitskogo getmana zaporozhskogo* [The Actions of the Prezelny and, from the Beginning of the Poles, the Bloody, Unprecedented Battle of Bogdan Khmel'nitsky, the Hetman of Zaporozh'e] (Kiev: Univ. tip., 1854), 432.
- O. GRY'CHENKO, *Prezy'denty' i pam'yat': Polity'ka pam'yati prezy'dentiv Ukrayiny' (1994–2014) Pidg'runttya, poslannya, realizaciya, rezul'taty'* [Presidents and Memory: The Memory Politics of the Presidents of Ukraine (1994–2014): Background, Messages, Implementation and Results] (Ky'yiv: «K.I.S.», 2017), 1136.
- MYCHAJLO HRUSCHEWSKYJ, *Die ukrainische Frag in historischer Entwicklung* [The Ukrainian Question in Historical Development] (Wien: Druck “Vorwärts”, 1915)
- JEKELCSIK SZERHII, *Ukrajna története - Egy modern nemzet születése* [A History of Ukraine – The Birth of a Modern Nation] (Budapest: Kairosz Könyvkiadó, 2014), 361.
- KISS J. LÁSZLÓ, „Nemzeti identitás és külpolitika Közép-és Kelet-Európában” [National Identity and Foreign Policy in Central and Eastern Europe], in *Nemzeti identitás és külpolitika Közép-és Kelet-Európában*, ed. Kiss. J. LÁSZLÓ (Budapest: Teleki László Alapítvány, 2003), 13–32.
- V. O. KLIUCHEVSKII, *Kurs ruszskoi istorii* [The Course of Russian History] III. (Moskva: 1916), 480.
- G. Konisskii, *Istoriia Rusov ili Maloi Rossii* [A History of Rus' or Little Russia] (Moskva: Universitetskaja tipografia, 1846), 326.
- N. I. KOSTOMAROV, *Mazepa* (Moskva: Respublika, 1992), 334.
- I. P. KRIPIAKEVICH, *Bogdan Khmel'nitskii* [Bogdan Khmelnytsky] (Kiev: ANU RSR, 1954), 109.
- B. KRUPNYTSKY, “Bohdan Khmelnytsky and Soviet Historiography”, *Ukrainian Review* 3 (1956): 49–53.
- D. KUCHMA, *Poky' sonce v nebi syaye, tebe ne zabudut': Dopovid' Prezy'denta Ukrayiny' L.Kuchmy' na urochy'sty'x zborax z nagody' 400-richchya vid dnya narodzhennya B.Xmel'ny'cz'kogo 20 grudnya 1995 roku* [While the Sun Shines in the Sky, You Will Not Be Forgotten: Report of the President of Ukraine Leonid Kuchma at a Solemn Meeting on the Occasion of the 400th Anniversary of the Birth of B. Khmelnytsky, December 20, 1995] (Vinny'chchyna: 1995. 23 grudnya) 2.
- L. D. KUCHMA, «Dopovid' Prezy'denta Ukrayiny' na urochy'sty'x zborax z nagody' 400-richchya vid dnya narodzhennya B. Xmel'ny'cz'kogo» [Report of the President of Ukraine at a Solemn Meeting on the Occasion of the 400th Anniversary of the Birth of B. Khmelnytsky] Uryadov'y kur'yer. 23. (1995. grudnya), 4–5.
- L. D. KUCHMA, *Ukraina- ne Rossiia* [Ukraine is Not Russia] (Moskva: Vremia, 2003), 489.

- A. M. LAZAREVSKII, «Zametki o Mazepe» [Notes on Mazepa], *Kievskaiia Starina*, LX (1898): 458–485.
- A. N. MARKEVICH, *Istoriia Malorossii* [A History of Little Russia] T. I. (Moskva: Tip. Avgusta Semena, 1842), 673.
- Yu. O. NIKOLAECZ', *Istori'chna polity'ka v Ukrayini u 1991–2021 rr. in Polity'chnoj proces u nezalezhnij Ukrayiny: pidsumky' i problemy'* [Ukraine's Politics of History in the Years 1991–2021 in the Political Processes of an Independent Ukraine: Results and Problems] (Ky'yiv: Insty'tut polity'chny'x i etnonacional'ny'x doslidzhen' im. I. F. Kurasa NAN Ukrayiny', 2021), 549–601.
- K. O. OSIPOV, *Bogdan Khmel'nytskii* (Moskva: Molodaia gvardia, 1948), 479.
- C. O. PAVLENKO, *Otochennyya get'mana Mazepy: soratny'ky' ta pry'bichny'ky'* [Hetman Mazepa's Entourage: His Associates and Supporters] (Ky'yiv: Vy'davny'chy'j dim „KM Akademiya”, 2004), 602.
- Pisma i bumagi imperatora Petra Velikogo* [The Letters and Papers of Emperor Peter the Great], pod red. A. I. ANDREEVA, T. VIII (iyul-dekabr 1708 g.). Vyp. 1. (M-L: Izd-vo AN SSSR, 1948), 407.
- A. A. PLEKHANOV, «Istoricheskaia politika v gosudarstvennom diskurse Ukrainy v postsovet'skii period», [The Politics of History in the State Discourse of Ukraine in the Post-Soviet Period], *Vestnik Permskogo Nauchnogo tsentra*, no 5. (2016): 68–76.
- Poslannyya Prezy'denta Ukrayiny' Viktora Yushhenka do Verkhovnoyi Rady' Ukrayiny' pro vnutrishnye i zovnishnye stanovy'shhe Ukrayiny' 2008 rik* [A Letter from President Victor Yushchenko to the Verkhovna Rada of Ukraine on the Internal and External Situation of Ukraine 2008] <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/n0013100-08> (Data obrasheny'ya: 20 yanvarya 2022)
- N. M. ROGOZHIN–G. A. SANIN, *Rossiiia i Ukraina v XVI–XVII vekakh* [Russia and Ukraine in the 16th and 17th Centuries] in: *Istoriia russko-ukraint'skikh otnoshenii*, (Moskva: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN, 1997), 8–14.
- G. A. SANIN, «Bogdan Khmel'nytskii i Ivan Mazepa», [Bohdan Khmelnytsky and Ivan Mazepa] in *Trudy Instituta rossiiskoi istorii*, no. 6. red. A. N. SAKHAROV (Moskva: Rossiiskaia akademiia nauk, Institut rossiiskoi istorii; 2006): 65–98.
- G. A. SANIN, *Antiosmanskie voiny v 70-90-e gody XVII veka i gosuderstvennost' Ukrainy v sostave Rossii i Rechi Pospolitoi* [Anti-Ottoman Wars in the 70s–90s of the 17th Century and the Statehood of Ukraine as Part of Russia and the Polish-Lithuanian Commonwealth] in *Rossiiia-Ukraina: Istoriia vzaimootnoshenii*. red. A. V. MILLER (Moskva: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN, 1997), 63–66.
- V. P. SHEVCHUK, M. G. TARANENKO, *Istoriya ukrayins'koyi derzhavnosti* [A History of Ukrainian Statehood] [(Ky'yiv: Ly'bid' 1999), 480.
- V. E. SHUTOV, «Izmena Mazepy» [The Treason of Mazepa], in *Istoricheskie Zapiski* 31 (Moskva: Akademiia Nauk SSSR, 1950), 168.
- V. A. SMOLY', V. S. STEPANKOV, *Ukrayins'ka derzhavna ideya XVII–XVIII stolit': problemy' formuvannya, evolyuciyi, realizaciyi* [The Ukrainian State Idea of in the 17th and 18th Centuries: Problems of Formation, Evolution and Implementation] (Ky'yiv: Al'ternaty'vy', 1997), 367.
- S. SOLOV'EV, *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen* [A History of Russia Since Ancient Times] V 15 Knigah. 8. (Moskva: Izdatelstvo sotsialno-ekonomicheskoi literatury, 1962), 674.
- V. STEPANKOV, «Problema stanovlennyya monarxichnoyi formy' pravlin'nyy Bogdana Xmel'ny'cz'kogo (1648–1657 pp.)» [The Problem of the Formation of Bohdan Khmelnytsky's

Monarchical Form of Government (1648-1657 pp.)], *Ukrayins'kyj istory'chnyj zhurnal*, no. 4. (1995): 14–33.

OREST SUBTELNY, *The Mazepists: Ukrainian Separatism in the Early Eighteenth Century* (New-York: Columbia University Press, 1981) 280.

SZEREDA VIKTÓRIA, „Történelmi emlékezet Ukrajna elnökeinek hivatalos beszédeiben” [Historical Memory in the Official Speeches of the Presidents of Ukraine], *Regio (Kisebbség, Politika, Társadalom)* no. 3 (2007): 47–68.

T. G. TAIROVA-IAKOVLEVA, «Mazepa – getman: v poiskakh istoricheskoi ob"ektivnosti», [Mazepa the Hetman: In Search of Historical Objectivity], *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 4. iiul'-avgust (2003): 45–63.

Ukaz Prezy'denta Ukrayiny' #621/2019 "Pro Den' pam'yati zaxy'sny'kiv Ukrayiny', yaki-zagy'nuly' v borot'bi za nezalezhnist', suverenitet i tery'torial'nu cilisnist'Ukrayiny'". [Decree of the President of Ukraine №621 / 2019 “On the Day of Remembrance of the Defenders of Ukraine Who Perished in the Struggle for the Independence, Sovereignty and Territorial Integrity of Ukraine” <https://www.president.gov.ua/documents/6212019-29269> (Data obrasheny'ya: 20 yanvarya 2022)

F. M. UMANETS, *Getman Mazepa. Istoricheskaiia monografiia* [Hetman Mazepa: A Historical Monograph] (SPB.: Merkusheva, 1897), 455.

N. N. YAKOVENKO, *Nary's istoriyi seredn'ovichnoyi ta rann'omodernoyi Ukrayiny'* [An Essay on the History of Medieval and Early Modern Ukraine] (Ky'yiv: Geneza, 2009), 582.

V. YACENKO, «Liberal'na viziya get'manstva Ivana Mazepy' v suchasnij rosiijs'kij istoriografii (1989–2000 rr.)» [A Liberal Vision of the Hetmanship of Ivan Mazepa in Modern Russian Historiography (1989–2000)], *Visny'k Pry'karpats'kogo universy'tetu. Istoriiya*, Vy'p. 23–24 (2013): 297–302.

ГАБОР ДЬЁНИ

**АКАДЕМИЧЕСКАЯ НАУКА И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ:
НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ
РАННЕЙ ИСТОРИИ МАДЬЯР В ВЕНГРИИ¹**

**ACADEMIC SCIENCE AND MEMORY POLITICS:
THE LATEST TRENDS IN THE STUDY
OF THE EARLY HISTORY OF THE MAGYARS IN HUNGARY**

Turkology has a special role in the study of the ancient history of the Magyars. There are objective reasons for this: the Hungarian language contains a fairly significant layer of Turkic loanwords, all or some of which arrived in our language before the conquest of our homeland, in the 10th century. Their importance is huge in view of the absence of other, written sources, and they can shed light on many questions related to the ancient history of the Magyars. In Hungary, there is a strong, internationally recognized school of Turkology, which, for historiographical reasons, enjoys a “patriotic” image. In the last 80-100 years, Turkologists have played a leading role in the study of the ancient history of the Magyars, both intellectually and institutionally. For “ideological” reasons, Turkologists have largely defined the parameters of academic discourse about the early history of the Magyars. However, the schemata proposed by Turkology and those based on Russian-origin academic knowledge differ significantly. While some Turkic loanwords indicate that our ancestors lived in the south as early as the 5th and 6th centuries, historical and archaeological sources do not confirm this. Nevertheless, Hungarian researchers have been forced to adjust their views in accordance with schemata proposed by Turkologists. This goes beyond an intellectual dispute.

Keywords: historiography, early Hungarian history, Turkology, Russian historiography, Hungarian orientalism

Gábor Gyóni – Habil. Associate Professor, Eötvös Loránd University. Email: gyoni.gabor@btk.elte.hu – ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4489-7537>.

1 This study is a written version of a lecture given at a conference devoted to memory politics in Central and Eastern Europe and Russia held at ELTE on September 30th and October 1st, 2021.

*Citation: GÁBOR GYÓNI, “Akademicheskaia nauka i politika pamiati: noveishie tendentsii v issledovanii rannei istorii mad’ar v Vengrii” [Academic Science and Memory Politics: The Latest Trends in the Study of the Early History of the Magyars in Hungary], *RussianStudiesHu* 4, no. 2 (2022): 10 pp. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2022.4.14*

Данная статья представляет собой рефлексию над актуальными тенденциями в исследованиях этногенеза и ранней истории мадьяр, с одной стороны, и попытку в целом показать преграды и сложности, возникающие в ходе российско-венгерского научного сотрудничества, с другой. Думается, что исследования российских коллег, посвященные этногенезу и ранней истории мадьяр, неохотно адаптируются в венгерской интеллектуальной среде. В связи с чем наблюдается разрыв между историографическими традициями. Например, в российской историографии появление мадьяр в степной зоне традиционно рассматривается в контексте событий IX в., а в отечественной историографии существуют разные интерпретации, исходящие из более широкого временного диапазона.² Относительно возможных венгерских топонимических следов на территории Приуралья и Зауралья в российской и венгерской исторической науке так же присутствуют совершенно разные, практически не соприкасающиеся друг с другом мнения.³ Кажется, российская «школа» изучения древней истории мадьяр, традиционно развивающаяся в рамках более широкого поля номадистики или ураловедения, более историческая, охватывающая региональные, общественные, «цивилизационные» измерения; венгерская – более филологическая, «кабинетная».⁴

Это объясняется не только объективными обстоятельствами (например, языковым барьером), но и историографическими причинами. Разумеется, это нельзя назвать русофобией, но все же, такая проблема демонстрирует явную ограниченность национальной венгерской историографии.

Проблема происхождения мадьяр всегда привлекала повышенный интерес и вызывала эмоции в отечественной историографии и общественном дискурсе. Ведь истоки происхождения нашего народа отличаются от других соседних и европейских народностей. Венгры не просто пришлые, но и «чужие» здесь, в Центральной и Восточной Европе. «Чужие» по языку, который является фундаментом идентичности. В географическом смысле венгерский язык изолирован от род-

2 Например, RÓNA-TAS ANDRÁS, *A honfoglaló magyar nép. Bevezetés a korai magyar történelem ismeretébe*. (Budapest: Osiris, 1997), 248, 257.

3 GYÓNI GÁBOR, „Hungarian Traces in Place-Names in Bashkiria”, *Acta Ethnographica Hungarica* 53 (2008): 279-305. <https://doi.org/10.1556/AEthn.53.2008.113>

4 Можно сравнить разницы в подходах российских и венгерских авторов, см. напр. В. В. Напольских, *Очерки по этнической истории* (Казань: Казанская недвижимость, 2015), RÓNA-TAS, *A honfoglaló magyar nép*.

ственных ему языков. Венгры «чужие» и в ментально-политическом смысле: ведь когда мадьяры покинули Волго-Уральский регион в начале IX в. и появились в степной зоне Восточной Европы и Северного Причерноморья, они представляли собой уже «зрелый, готовый», народ, имеющий этническое самосознание и политическую организацию (племенной союз «семь мадьяр», *Hetumoger*).⁵ В формировании мадьярского этнического сознания объективно важную роль играла изолированность языка.

Со временем память о происхождении венгерского народа забывалась, по крайней мере в письменной, элитарной культуре (хотя имеются сведения, благодаря прежде всего Гесте Венгерского Анонима, что в устной культуре простого народа еще в XII в. сохранилась – и как кажется достоверно! – «память» о происхождении и пути мадьяр с Приуралья до Карпат⁶). Поэтому эту историю пришлось заново приобрести и осмыслить. Этот вопрос является фундаментальным для венгерского самосознания и истории государственности. С XIII по XX вв. возникали разные теории о происхождении мадьяр. Венгерские авторы, с Шимона Кезаи до современных «фантазеров», искали родство мадьяр с гуннами, аварами, персами, евреями, японцами и т. д., как правило, со «славными» восточными народами.⁷ Это течение условно можно называть венгерским ориентализмом. Хотя по отдельным вопросам историографии были написаны статьи и монографии (о т. н. угорско-тюркской научной войне, о венгерском туранизме, о развитии языкознания, об истории археологического познания, об антинаучных концепциях)⁸, но современной обобщающей историографической работы о древней истории мадьяр, увы, до сих пор нет.

Исторический факт, что большая часть истории мадьяр до обретения родины проходила на территории современной (и исторической) России. Уже в XIX в. лучшие венгерские исследователи от Антала Регули до Берната Мункачи и Яноша Янко пришли к выводу, что без знания

5 Szűcs JENŐ, *A magyar nemzeti tudat kialakulása* (Szeged: Magyar Őstörténeti Könyvtár, 1992), 116-121.

6 Несмотря на то, что Геста Анонима изобилует выдуманными именами и событиями, суть схемы древневенгерской истории, изложенная им, кажется достоверной. Gyóni GÁBOR, *A magyarság hajnalán* (Budapest: MTA BTK, 2019), 33.

7 Gyóni, *A magyarság hajnalán*, 33-55.

8 PUSZTAY JÁNOS, *Az „ugor-török háború” után* (Budapest: Gondolat, 1977), LANGÓ PÉTER, *Amit elrejt a föld... A 10. századi magyarság anyagi kultúrájának régészeti kutatása a Kárpát-medencében* (Budapest: L'Harmattan, 2007), ABLONCZY BALÁZS, *Keletre, magyar!* (Budapest: Jaffa, 2016).

российской науки нельзя исследовать древнюю историю венгерского народа.⁹ Однако, в дальнейшем российско-венгерское научное сотрудничество во многом зависело от политических обстоятельств. После первых успехов в XIX в. российско-венгерское научное сотрудничество фактически обнулилось между двумя мировыми войнами. Следующий виток – с конца 1950-х вплоть до середины 1980-х гг., когда сотрудничество достигло беспрецедентно высокого уровня. Затем последовал очередной упадок. Однако, в течение последних пятнадцати лет российско-венгерское научное сотрудничество вновь испытывает подъем, а после долгих лет перерыва вновь регулярно проводятся венгерские археологические экспедиции в России, а также на Украине и в Молдавии.

С точки зрения исследовательских возможностей особенно благоприятным был период после Второй мировой войны, когда появился целый ряд исследователей, хорошо знающих российскую литературу и историографию. Это тот период, когда Венгрия являлась частью соцлагеря во главе СССР. Возможно, что такая деликатная политическая ситуация тоже играла роль в том, что взгляды исследователей, работающих в СССР, были встречены в Венгрии холодно. Часто исследователи были вынуждены корректировать свои взгляды в соответствии с традициями отечественной историографии.

Все-таки самостоятельная венгерская историография имеет, по крайней мере, 800 летнюю историю, свою эволюцию развития. Примечательно, что главной темой первого *сохранившегося* венгерского нарративного источника, Гесты Анонима (начало XIII в.), является происхождение правящей династии и процесс обретения родины. Летописание в Венгрии, по всей видимости, началось уже в XI в. (существуют разные мнения, когда именно), но его элементы сохранились лишь в составе произведений более позднего летописания. Следующее сохранившееся сочинение, Хроника (*Gesta*) Шимона Кезаи (1280-е гг.) оказала существенное влияние на дальнейшую венгерскую историографию. В ней впервые зафиксировано родство мадьяр с гуннами, а также сформулировано представление о «двойном обретении» родины (время появления этих представлений остается спорным, возможно, что они существовали уже до XIII в.). Отечественное осмысление древней истории венгров происходило в собственном русле, во многом по следам Кезаи и независимо от внешнего влияния (несмотря

9 JANKÓ JÁNOS, *Utazás Osztyákföldre* (Budapest: Néprajzi Múzeum, 2000), 107-108.

на то, что в отдельных работах, например в книге Йожефа Торкоша, в середине XVIII в. наблюдается отпечаток знания западной науки). В формирующейся западной научной традиции уже в XVI–XVII вв. наблюдается более-менее «правильное» осмысление происхождения и языкового родства мадьяр (эти представления, безусловно, происходят из российских источников). В то же время в Венгрии доминирующей традицией остается отечественный «ориентализм».¹⁰

Так получилось, что представление о финно-угорском языковом родстве мадьяр действительно пришло к нам с Запада. Споры о происхождении мадьяр получили некую идеологическую окраску, где продолжатели венгерского ориентализма представлялись «патриотами», а «академическая наука», особенно финно-угроведение, получила ярлык «непатриотичности» (немножко схожая ситуация наблюдается в России относительно «норманнизма-антинорманнизма»). В этом контексте понятно, почему академические споры о происхождении мадьяр привлекали повышенное внимание общественности, как например, знаменитые «тюркско-угорские научные войны» (где, разумеется, сторонники «тюркского лагеря» — это, условно, «патриоты».)

Туркология занимает особую роль в исследовании древней истории мадьяр. Это связано с объективными причинами. Во-первых, в венгерском языке имеется достаточно весомый пласт тюркских заимствованных слов, которые, или часть которых, попали в наш язык еще до обретения родины в X в. Ввиду отсутствия письменных источников, их значение огромно. Место и время этих заимствований может пролить свет на многие вопросы древней истории мадьяр.

Во-вторых, языкознание – из-за нехватки письменных источников и из-за ограниченного знания результатов российской археологии – традиционно играло ведущую роль в исследовании древней истории мадьяр. В Венгрии сформировалась сильная, международно признанная школа тюркологии. Это частично связано с тем, что венгерские тюркологи, признанные академической наукой, также были представителями ориенталистики, и их мнение было авторитетным в вопросах столь важного для нас «ориентализма». В силу историографических причин тюркология в Венгрии имела и имеет некий «патриотический» образ.

Не будет преувеличением сказать, что в последние 80–100 лет ведущую роль в исследовании древней истории мадьяр играли тюрколо-

¹⁰ Б. Овчинникова, Г. Дьёни, *Протовенгры на Урале* (Екатеринбург: Уральский государственный университет, 2008), 144.

ги, причем не только в интеллектуальном, но и в институциональном смысле. Это такие ученые, как академик Лайош Лигеты (между прочим, зампредседатель общества Венгерско-Советской дружбы), Андраш Рона-Таш, Иштван Вашари и др. В 1970-х гг. в Сегеде, на базе интеллектуального наследия венгерского тюрколога Дюлы Немета была создана рабочая группа по исследованию древней истории мадьяр, которая долгие годы фактически была ведущим институтом по этой проблематике.¹¹ Эта научная школа, с характерной для нее ориенталистско-филологической ориентацией, существует до сих пор.

То, что в значительной степени тюркологи определяли научный дискурс о ранней истории мадьяр, в данной ситуации имело некую научно-политическую подоплеку.

Однако, имеются кардинальные отличия между объяснительными схемами, предлагаемыми тюркологией, и тем, что предлагается, скажем так, на основе комплекса российского научного знания. Часть упомянутых тюркских заимствованных слов в венгерском языке свидетельствуют о том, что наши предки уже довольно рано, с V–VI вв., жили к югу от лесостепной зоны – по крайней мере так переводятся на язык истории лингвистические факты. Но исторические и археологические данные не подтверждают такую схему истории мадьяр, а скорее наоборот. Исследователи, знающие российскую и советскую историографию, обычно склонялись к версии относительно позднего появления мадьяр в степной зоне (IX в.).¹² Но адаптировать эти взгляды было непросто. Примечательно, что ведущий венгерский археолог, выпускник МГУ Иштван Фодор, «был вынужден»¹³ предложить компромиссный вариант, соединивший эти две научные традиции (предполагающий, что венгры покинули Волго-Уральский регион в VII–VIII вв.). Думается, что это чуть выходит за рамки чистого интеллектуального спора и имеет другую подоплеку, где, с одной стороны, стоят «отечественные патриоты-тюркологи», а с другой – исследователи с багажом знаний русско-советской научной традиции. Возможно, сказывалась и непростая геополитическая ситуация между ВНР и СССР после 1956 г. Бросается в глаза, что те венгерские исследователи, которые учились в СССР, на родине со временем оказались на периферии или забыва-

11 RÓNA-TAS ANDRÁS, *A magyarság korai története* (Szeged: JÁTE, Magyar Őstörténeti Kutatócsoport, 1995), 19–23.

12 Например, SUDÁR BALÁZS (szerk.), *Magyarok a honfoglalás korában* (Budapest: Helikon, 2015), 137–145.

13 RÓNA-TAS A., *A magyarság korai története*, 153–165.

лись, а их работы чаще цитировались в России, чем в Венгрии (см. научное наследие Антала Барта, Петера Вереша, Иштвана Эрдейи).

Есть венгерские историографические примеры, показывающие, что трудно быть иностранным ученым в другой стране.¹⁴ Но оказывается, что трудно быть не только венгерским историком в России, но и венгерским историком в самой Венгрии, если у тебя российский «багаж знаний». И кажется, это не просто интеллектуальный вопрос, касающийся подходов, знаний, историографических традиций.

Последнее десятилетие, прежде всего благодаря Интернету и информационному буму, принесло фундаментальные изменения. Мир расширился, прежде недоступная литература стала фактически общедоступной. В современных условиях просто немыслимо работать вне международного пространства. В исследовании древней истории мадьяр произошел реальный сдвиг, прежде всего благодаря археологическим открытиям. Появились новые артефакты, новые интерпретации уже давно существующего материала.¹⁵ Общественность, как и раньше, обращает особое внимание на эти труды, а в СМИ часто появляются публикации о новых археологических находках. У этого процесса есть и обратная сторона, когда многие исследователи заявляют о каких-то «сенсациях», благодаря которым, якобы, следует переписать раннюю историю мадьяр.¹⁶ Действительно, в последнее десятилетие проведена колоссальная работа. По-новому стали рассматриваться целый ряд проблем – роль потчевашской культуры, интерпретации имениковской культуры, вопрос о появлении булгар в Приволжье, новые находки погребальных масок и т. д.¹⁷ Но, на мой взгляд, фундаментальное открытие случилось «лишь» в одном – это выявление одновременно разными исследователями, разными методами, что по крайней мере в X в. действительно существовала связь между дунайскими и уральскими (восточными) мадьярами.¹⁸ Это обстоятельство действительно

14 Szvák Gyula, *Orosz concerto. Mikrohistoriográfiai etűd* (Budapest: Russica Pannonica, 2021).

15 А. Комар, *История и археология древних мадьяр в эпоху миграции* (Budapest: МТА ВТК, 2018), 91–100.

16 См. Sudár B., „Lehet, hogy teljesen félreértettük eddig a magyarok őstörténetét” 444.hu <https://444.hu/2015/02/27/lehet-hogy-teljesen-felreertettuk-eddig-a-magyarok-ostortenetet> (Дата обращения 30. 01. 2022 г.)

17 А. Зеленков, Г. Дьёни, Н. Матвеева, «Проблемы изучения происхождения мадьяр», *Российская археология*, no. 2 (2021): 147–166.

18 А. Комар, *История и археология древних мадьяр в эпоху миграции, 196-197.*, Gyóni G., *A magyarság hajnalán*, 27.

заставляет по-новому смотреть на раннюю историю мадьяр. В остальном, происходит лишь коррекция уже существующих мнений, взглядов, подходов (хотя есть исследователи, которые иногда, кажется, в погоне за сенсацией, забывают о том, что в историографии уже давно имеются мнения, которые они попытаются «продать» для публики как совершенно новые открытия).¹⁹

В современной венгерской историографии наблюдаются, пожалуй, уникальные явления. Обходя существующую академическую систему, венгерское правительство создало целый ряд научных, или околонучных институтов, исследующих венгерскую историю. Они финансируются государством щедро, в то же время академические институты были вынуждены потерпеть «реформы», против которых выступала значительная часть венгерского научного сообщества (по наблюдению Ольги Хавановой эти т. н. «реформы» происходили по образцу реформы РАН в 2013 г.).²⁰ В результате этих преобразований академические институты во многом потеряли свою автономию, а исследователи были лишены статуса государственного служащего. Крупнейший Институт Гуманитарных Исследований (ИГИ) был выдворен из центра Будапешта (из престижного Будайского замка) на отвратительную индустриальную окраину Пешта. Символично, что при этом флагман новых финансируемых государством институтов, Институт Исследования Мадьяр (ИИМ), получил резиденцию именно на той улице Будайского замка, где раньше располагался ИГИ. И хотя из этих новых учреждений есть и такой, который получил полное и заслуженное признание академической среды (например Институт Клио молодых историков), большинство из них явно имеет идеологическую подоплёку, и обслуживает мнимые или реальные идеологические запросы. Их деятельность отражает не только научные результаты, но и то, что называется *политикой* памяти.

В настоящее время прежде всего усилиями ИИМ наблюдается попытка переосмыслить древнюю историю мадьяр в старом духе «венгерского ориентализма». Это значит, если не отрицание, то по крайней мере уменьшение роли финно-угорской тематики, утверждение, что венгры происходят не с Урала, а Средней Азии, новый информацион-

¹⁹ См. 16 ссылку.

²⁰ Это только частично соответствует действительности, ведь российская академическая реформа 2013 г. все таки предлагала некие компромиссы. Взамен для ликвидации существующей системы предлагалось значительное повышение зарплат. В Венгрии во время «реформ» не было никакого компромиссного элемента.

ный виток о гунно-мадьярском родстве, «перекрашивание» венгерской истории, агрессивные нападки на представителей академической науки.²¹

Однако, нет худа без добра. В результате информационной кампании последних лет в обществе возрос интерес к венгерской истории и даже можно сказать, что историком стало быть «модно».

Как всё это относится к России? В России целый ряд учёных занимаются венгерской тематикой, прежде всего на Урале (в Казани, Перми, Уфе, Екатеринбурге, Челябинске, Тюмени). В этой ситуации значение их работ многократно возрастает не только с точки зрения фактологии, но и в историографическом смысле.

References

- ABLONCZY BALÁZS, *Keletre, magyar!* [To the East, Hungarians!] (Budapest: Jaffa, 2016).
- GYÓNI GÁBOR, "Hungarian Traces in Place-Names in Bashkiria", *Acta Ethnographica Hungarica* 53 (2008): 279-305. <https://doi.org/10.1556/AEthn.53.2008.1.13>
- GYÓNI GÁBOR, *A magyarság hajnalán* [At the Dawn of the Hungarians] (Budapest: MTA BTK, 2019).
- HORVÁTH-LUGOSSY G. „A Turul-dinasztia titkai” [The Secrets of the Turul-Dynasty], *Magyarságkutató Intézet* <https://mki.gov.hu/hu/hirek-hu/sajto-hu/feltarulnak-a-turul-dinasztia-titkai-nagyinterju-a-magyarsagkutato-intezet-eredmenyeirol-uj-projektjeirol-ellenszelrol-tudomanyos-kanonokrol-a-magyar-ostortenet-kutatasok-multjarol-es-jelenerol> (Accessed 30. 01. 2022)
- JANKÓ JÁNOS, *Utazás Osztjâkföldre* [Journey to the Land of the Ostyaks] (Budapest: Néprajzi Múzeum, 2000).
- A. KOMAR, *Istoriia i arkheologiiia drevnikh mad'iar v epokhu migracii* [The History and Archeology of Early Hungarians in the Era of Migration] (Budapest: MTA BTK, 2018).
- LANGÓ PÉTER, *Amit elrejt a föld... A 10. századi magyarság anyagi kultúrájának régészeti kutatása a Kárpát-medencében* [What the Earth Hides... Research on the Material Culture of the Hungarians of the 10th Century in the Carpathian Basin] (Budapest: L'Harmattan, 2007).
- V. V. НАРОЛ'СКИХ, *Oчерки по этнической истории* [Essays on Ethnic History] (Kazan': Kazanskaia nedvizhimost', 2015).
- B. ОВЧИННИКОВА, G. GYÓNI, *Protovengry na Urale* [The Proto-Hungarians in the Urals] (Ekaterinburg: Urals'kii gosudarstvennyi unisversitet, 2008).

21 Например, HORVÁTH-LUGOSSY G., „A Turul-dinasztia titkai”, *Magyarságkutató Intézet* <https://mki.gov.hu/hu/hirek-hu/sajto-hu/feltarulnak-a-turul-dinasztia-titkai-nagyinterju-a-magyarsagkutato-intezet-eredmenyeirol-uj-projektjeirol-ellenszelrol-tudomanyos-kanonokrol-a-magyar-ostortenet-kutatasok-multjarol-es-jelenerol> (Дата обращения 30. 01. 2022 г.)

PUSZTAY JÁNOS, *Az „ugor-török háború” után* [After the “Ugro-Turkic war”] (Budapest: Gondolat, 1977).

RÓNA-TAS ANDRÁS, *A magyarság korai története* [The Early History of the Hungarians] (Szeged: JATE, Magyar Őstörténeti Kutatócsoport, 1995).

RÓNA-TAS ANDRÁS, *A honfoglaló magyar nép. Bevezetés a korai magyar történelem ismeretébe* [The Conquering Hungarian People: An Introduction to Early Hungarian History] (Budapest: Osiris, 1997).

SUDÁR BALÁZS (ed.), *Magyarok a honfoglalás korában* [Hungarians in the Era of Conquest] (Budapest: Helikon, 2015).

SUDÁR BALÁZS, „Lehet, hogy teljesen félreértettük eddig a magyarok őstörténetét” [We May, Until Now, Have Completely Misunderstood the Prehistory of the Hungarians] 444. *hu* <https://444.hu/2015/02/27/lehet-hogy-teljesen-felreertettuk-eddig-a-magyarok-ostortenetet> (Accessed 30.01.2022)

SZŰCS JENŐ, *A magyar nemzeti tudat kialakulása* [The Formation of the Hungarian National Consciousness] (Szeged: Magyar Őstörténeti Könyvtár, 1992).

SZVÁK GYULA, *Orosz concerto. Mikrohistoriográfiai etűd* [Russian Concerto: An Etude on Microhistoriography] (Budapest: Russica Pannonicana, 2021).

A. ZELENKOV, G. GYÓNI, N. MATVEEVA, „Problemy izucheniia proiskhozhdeniia mad’iar” [Problems Surrounding the Origins of the Hungarians], *Rossiiskaia arkhologiiia*, no. 2 (2021): 147–166.

PÉTER CSUNDERLIK

MEMORY POLITICS ISSUES IN RELATION TO THE HUNGARIAN SOVIET REPUBLIC (1919)¹

Although the Hungarian Soviet Republic lasted only 133 days, it continues to have an enormous effect on Hungarian history. During the counterrevolutionary Horthy Era the whole episode was depicted as a horror story, for example by Cécile Tormay. In the socialist period, by contrast, during the Rákosi and Kádár dictatorships, the Hungarian Soviet Republic became the most glorious chapter of Hungarian history. Both representations were distorted, as right-wing storytellers emphasized the terror perpetrated by the dictatorship of the proletariat and excluded the other aspects of the Hungarian Soviet Republic, while after 1945 the red terrorists became heroes, and Communist Party historians focused on the commune's social and culture policies, like the opening of baths and theaters for the proletarians and tried to forget the fact that farmers who resisted the changes were executed. Unlike these storytellers, we must put the Hungarian commune back into its historical context. The proclamation of the dictatorship of the proletariat was not a coup d'état carried out by alien, communist agents, as it is represented in the current memory policy of the Orbán government; the Hungarian Soviet Republic was in fact a product of the chaotic and desperate situation in Hungary following the country's defeat in the First World War, when the disappearance of Greater Hungary became a reality. This was also, however, a period when intellectuals agreed that world revolution was on the horizon, and believed that the 20th century would be socialist, just as the 19th century had been capitalist.

Keywords: Hungarian Soviet Republic, memory policy, World War I, Bolshevism, Béla Kun

Péter Csunderlik, PhD – historian, assistant professor at Eötvös Loránd University (Budapest) and research fellow at the Institute of Political History (Budapest). Email: csunderlik.peter@btk.elte.hu. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6439-5182>

1 This study was supported by the János Bolyai Research Scholarship of the Hungarian Academy of Sciences.

This study is a written version of a lecture given at a conference devoted to memory politics in Central and Eastern Europe and Russia held at ELTE on September 30th and October 1st, 2021.

*Citation: PÉTER CSUNDERLIK, "Memory Politics Issues in Relation to the Hungarian Soviet Republic (1919)", *RussianStudiesHu* 4, no. 2 (2022): 10 pp. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2022.4.16.*

On a cloudy day in March 1919, a densely written manifesto addressed “To All!” appeared all over Budapest, the newly independent capital of the Hungarian People’s Republic, which had come into existence after the collapse of the Austro-Hungarian Monarchy.

The manifesto contained a message from a hitherto unheard-of political body, the Revolutionary Governing Council (RGC). It claimed to speak on behalf of a new political party, the Hungarian Socialist Party (Magyarországi Szocialista Párt, MSZP). This new party had been created the night before through a secret amalgamation of two parties which had been fighting each other during the previous months. One party was the Social Democratic Party of Hungary (Magyarországi Szociáldemokrata Párt, MSZDP), which had been the party of the Hungarian Trade Union movement for decades. The other partner in this union was the Communist Party of Hungary (Kommunisták Magyarországi Pártja, KMP), which had only been created a few months earlier, enjoyed no representation in the government, possessed rather limited roots within the Hungarian labor movement, and whose leaders had been under arrest until the night before.

This manifesto proclaimed the end of the Hungarian People’s Republic, which had been set up only a few months earlier following the so-called Aster Revolution (“őszirózsás forradalom”) of October 31, 1918 – a highly popular uprising that had declared Hungary’s independence from Austria, put an end to the monarchy and initiated a republican, parliamentary path to democratic governance in Hungary. The manifesto of the Revolutionary Governing Council declared that the Hungarian proletariat had seized control and replaced the People’s Republic by the Republic of Councils: The Hungarian Soviet Republic.²

March 21st 1919, marks the beginning of a revolutionary experiment in Hungary that has been known under a variety of names: the Budapest Commune, the Hungarian Republic of Councils as well as the Hungarian Soviet Republic. Although the Hungarian Soviet Republic lasted only 133 days, it had an enormous effect on Hungarian history.³ Counterrevolutionary

2 The most complete adaptation of the history of the Hungarian Commune to date is HAJDU TIBOR, *A Magyarországi Tanácsköztársaság* [The Hungarian Soviet Republic] (Budapest: Kossuth, 1969). A shortened version of this work has been published in English: TIBOR HAJDU, *The Hungarian Soviet Republic* (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1979).

3 On how the Hungarian Soviet Republic has been remembered: APOR PÉTER, *Az elképzelt köztársaság. A Magyarországi Tanácsköztársaság utóélete, 1945–1989* [A Visioned Republic: The Afterlife of the Hungarian Soviet Republic, 1945–1989] (Budapest: MTA BTK Történettudományi Intézet, 2014). In English: PÉTER APOR, *Fabricating Authenticity in Soviet Hungary: The Afterlife of the First Hungarian Soviet Republic in the Age of State*

politicians and intellectuals referred to this period as the low point, the nadir of Hungarian national history. According to the counterrevolutionary Admiral Miklós Horthy, the man who took over the country after the Dictatorship of the Proletariat collapsed on August 1st 1919, the preceding four months were considered the most shameful period in the nation's 1000-year history, a period when Budapest "got dressed up in red rags." During the counterrevolutionary Horthy Era, it was portrayed entirely as a horror story, for example in Cécile Tormay's *Bujdosó könyv* [An Outlaw's Diary], published 1920–1921.⁴

According to the official interpretation of the Horthy regime, the rise of left-wing political forces to power in 1918–1919 resulted in no more than anarchy, chaos, and red terror, and the country's resurrection only began under the leadership of Miklós Horthy.⁵ This counterrevolutionary "founding myth" was untrue as it blamed "leftist political forces" for Trianon while in fact these groups were still powerless when the dismemberment of Hungary was decided by the Entente powers. Furthermore, there was no "united left." The Horthy system created this image of the enemy by assuming that the liberals, the moderate Social Democrats, and the Communists were one and the same. This message was most powerfully formulated by Gyula Szekfű in his work *Három nemzedék* [Three Generations], published in 1920, according to which revolutions and disintegration were caused not by the loss of the First World War but by liberalism, which had weakened the immune system of the nation.⁶

The Monument to the National Martyrs (Nemzeti Vértanúk emlékműve), inaugurated in 1934 on the Square of Martyrs and erected in memory of the "victims" of the revolutions of 1918–1919 and restored by the Orbán regime, also carries these counterrevolutionary messages. One side of the monument shows the figure of Hungária, with the inscription "Martyrs

Socialism (London: Anthem Press, 2015).; CSUNDERLIK PÉTER, A „vörös farsangtól” a „vörös tatárjárásig”. A Tanácsköztársaság a korai Horthy-korszakpamflet- és visszaemlékezés-irodalmában [From the “Red Carnival” to the “Red Invasion:” The Hungarian Soviet Republic in the Pamphlet and Remembrance Literature of the Early Horthy Era] (Budapest: Napvilág, 2019).

4 See CSUNDERLIK, A „vörös farsangtól” a „vörös tatárjárásig”, 73–75.

5 On the Hungarian right-wing cult of Miklós Horthy, see TURBUCZ DÁVID, *A Horthy-kultusz, 1919–1944* [The Cult of Horthy, 1919–1944] (Budapest: MTA BTK Történettudományi Intézet, 2014).

6 See GERGELY ROMSICS, *The Memory of the Habsburg Empire in German, Austrian, and Hungarian Right-Wing Historiography and Political Thinking, 1918–1941* (Boulder: Co., East European Monographs, 2010), 586–593.

of the Nation 1918–1919” below, while on the other side a muscular man symbolizing “Hungarianness” wrestles with a monster symbolizing “Bolshevism.” The names of the “citizens slaughtered during the proletarian rule” are inscribed on the monument, starting with István Tisza.⁷

However, Count István Tisza was murdered by soldiers returning from the front on October 31st 1918, well over four and a half months before the proclamation of the Hungarian Soviet Republic. Tisza, therefore, was not a victim of the terror of the proletarian dictatorship.⁸ The “Monument to the National Martyrs” extends the period of red terror back to the months of the Károlyi government, thus assuming that the People’s Republic and the Soviet Republic shared a common identity. This supposed linkage was also served by the legend of the “transfer of power,” according to which Mihály Károlyi handed over power to Béla Kun as President of the Republic, when, according to the sources, he did not in fact do so.⁹

Entirely in keeping with the Orbán regime’s memory policy with regard to Horthy and the 1918–1919 revolutions, the restoration of the monument, which was demolished in 1945, highlighted only one aspect of the diverse period of the revolutions, namely political violence. The old topoi of the Horthy regime have been resurrected under the Orbán regime. According to these right-wing topoi, the political and military collapse was caused by the conspiracy of power-seeking leftist groups (the real cause was defeat in the First World War), and these “anti-national forces” were able to take over because they killed István Tisza (who was not actually killed by Mihály Károlyi and the revolutionaries). These topoi suggest that terror raged in the left-wing country (which can be mainly attributed to the brutalizing effects of the First World War) and deny that there was a significant difference between Károlyi’s People’s Republic and the Hungarian Soviet Republic of Béla Kun. They deny that political violence stemmed not only from the left, but also from the right in the form of white terror. What’s more, the monument does not commemorate the victims of white terror. It suggests there was only red terror in Hungary after the First World War.

In contrast to the Horthy Era, in the socialist period the Hungarian Soviet Republic became regarded as the most glorious chapter of

7 PÓTÓ JÁNOS, *Az emlékeztetés helyei. Emlékművek és politika* [Commemorative Sites: Monuments and Politics] (Budapest: Osiris, 2003).

8 See PÖLÖSKEI FERENC, *A rejtélyes Tisza-gyilkosság* [The Mysterious Murder of István Tisza] (Budapest: Helikon, 1988), 100–121.

9 HAJDU TIBOR, *Ki volt Károlyi Mihály?* [Who Was Mihály Károlyi?] (Budapest: Napvilág, 2012), 120–121.

Hungarian history during the Rákosi and Kádár dictatorships after 1949. In *Az elképzelt köztársaság* [The Imagined Republic], published in 2014, Péter Apor explored the reception, interpretation and representation of the Hungarian Soviet Republic between 1945 and 1989, focusing on two problems especially. On the one hand, Apor highlighted that, after 1945, far from being a “glorious” chapter in Hungarian history, the commune was rather embarrassing for the communist “homecoming cadres from Moscow.” As a result, the Communists at first refrained from commemorating the anniversary of the proclamation of the Hungarian Soviet Republic. The “malformed” rehabilitation of the Hungarian Soviet Republic started after 1949 (with magnifying the role of Mátyás Rákosi and scapegoating Béla Kun) but building a genuine cult of remembrance around it began only after 1956. Only during the Kádár era did the Hungarian Soviet Republic become a main point of reference in collective memory as the event which preceded the White Terror, described by the holders of power as the precursor of the 1956 “Counterrevolution.” The history of the commune of 1919 and the subsequent “White Terror” were reread and retold from the perspective of the “lessons” of the revolution of 1956 at that time.¹⁰

Right-wing storytellers emphasized the terror perpetrated by the proletarian dictatorship and excluded other aspects of the Hungarian Soviet Republic. However, after 1949, the red terrorists became heroes, and Party historians focused on the social and culture policies of the commune, like the openings of baths and theaters for the proletarians, while also trying to forget the executions of farmers who resisted the changes. In contrast to these storytellers, we need to put the Hungarian commune back into its historical context, as the proclamation of the dictatorship of the proletariat was not a coup d'état orchestrated by alien communist agents, as the current memory politics of the Orbán regime represents it. Why did the Hungarian Soviet Republic come into existence? How could a dictatorship of the proletariat have been proclaimed in a land which had remained a fundamentally semi-feudal agricultural country, despite rapid industrialization during the age of Dualism having resulted in the emergence of an industrial center around Budapest? That ominous manifesto with the title ‘*To All!*’ pretty much told the truth when it stated the following:

“It is the complete collapse of the bourgeoisie and the failure of the earlier coalition governments that has forced Hungary’s workers and

10 APOR, *Az elképzelt köztársaság*, 29–96.

peasants to take this final step. Capitalist production has come to a standstill in our country. From now on, the workers and peasants of Hungary are no longer willing to serve as slaves of finance capital and large landowners. Only socialism and communism can save this country from the anarchy of total collapse. We realize that we are launching this revolution under international circumstances that can only be described as catastrophic. The Paris Peace Conference has decided to place almost the entire territory of our country under military occupation. The Entente treats the current lines of occupation as the country's final post-war borders. Consequently, our capital's access to food and fuel is cut off. Our ability to feed our citizens or to heat our homes is denied. Under these circumstances, we have no other recourse than to give power to the people, to declare the dictatorship of the proletariat, and let the proletariat and our poor agrarian laborers seize power and govern themselves."¹¹

The motivation behind the establishment of the Hungarian Soviet Republic and its widespread initial popularity can only be understood through an examination of the period following the First World War. By 1919, most Hungarians were convinced that the catastrophe of the First World War was the death knell of global capitalism and that the only way forward was socialism. This was the view not only of the most influential student organization in Hungary, the atheist-freethinker Galileo Circle (established in 1908),¹² and of theorists of the Hungarian labor movement, but also of many conservative politicians, such as Count Albert Apponyi. It is an empirically verifiable historical fact that socialism was broadly welcomed in Hungary at the end of WWI by the widest spectrum of Hungarian society. Socialism's allure in Hungary was not the monopoly of the working classes

11 See GÁBOR SÁNDORNÉ, HAJDU TIBOR, SZABÓ GIZELLA (szerk.) *A magyar munkásmozgalom történetének válogatott dokumentumai. Hatodik kötet. A Magyar Tanácsköztársaság 1919. március 21.–1919. augusztus 1. Első rész. 1919. március 21. – 1919. június 11.* [Selected Documents of the History of the Hungarian Labor Movement. Volume 6: The Hungarian Soviet Republic. Part 1. March 21st, 1919–11th June 1919.] (Budapest: Kossuth, 1959), 3–4.

12 On the history of the left-wing radical student circle established in 1908, whose first leader was Károly Polányi, and in which Ilona Duczynska later played an important role between 1917–1919 cf. CSUNDERLIK PÉTER, *Radikálisok, szabadgondolkodók, ateisták. A Galilei Kör (1908–1919) története* [Radicals, Freethinkers, Atheists: A History of the Galileo Circle (1908–1919)] (Budapest: Napvilág, 2017). On the life of Károly Polányi cf. GARETH DALE, *Karl Polanyi: A Life on the Left* (New York: Columbia University Press, 2016). <https://doi.org/10.7312/dale17608>

or the landless peasantry. Even Count Albert Apponyi – later the leader of the Hungarian counterrevolutionary delegation at the Paris Peace Conference – wrote at the end of 1918, ‘Returning to the old system is out of the question. We are part of the great socialist world revolution, and what we are experiencing is only the local part of this world process’.¹³

This era’s widely embraced socialistic mood explains how world-famous Marxist philosopher György Lukács, son of a millionaire financier, could turn from a bourgeois philosopher who rejected violent means into the chief ideologist of the Dictatorship of the Proletariat, and how he would come to openly support the use of violence by the winter of 1918–1919. It was this widespread attraction to socialism at the end of First World War that explains why populist writer Dezső Szabó, darling of the Hungarian Right in the 1930s and 1940s, could serve as a “prophet of Communism” in 1919. We should also not forget bourgeois writer Sándor Márai, a favorite artist of the culture policy of the first Orbán government, who had also been a communist around the age of eighteen, before he became a well-known conservative intellectual.¹⁴

Tamás Kóbor, a liberal-conservative Hungarian writer and one of the supporters of István Tisza, reflected on the proclamation of the Hungarian Soviet Republic in the following words: “It was a last desperate act of the crew of a steamship that had been swept away, without food or coal, after being confronted with the incompetence of its commanding officers’.¹⁵ Kóbor – who published his diary of 1919 after the fall of the Hungarian Commune under the title *About Bolshevism during Bolshevism* – was right.

The despair in Hungary in 1919 was triggered by the apparent “collapse” of a “bourgeois world” which many had believed to be everlasting and indestructible. The “incompetence of the officers,” to quote Tamás Kóbor, referred to the political chaos and the inability of the ruling political establishment to get the country back on its feet after a disastrous war and in the midst of an enormous socio-economic and military crisis at a time when the historical “Greater Hungary” seemed to be disappearing.

13 LITVÁN GYÖRGY (szerk.), *Károlyi Mihály levelezése. I. kötet. 1905–1920* [The Correspondence of Mihály Károlyi. I. kötet. 1905–1920], (Budapest: Akadémiai kiadó, 1978), 357.

14 See HATOS PÁL, *Az elátkozott köztársaság. Az 1918-as összeomlás és az őszirózsás forradalom története* [The Cursed Revolution: A History of the Collapse and the Aster Revolution of 1918], (Budapest: Jaffa, 2018), 15–17.

15 KÓBOR TAMÁS, *A bolsevismusról a bolsevismus alatt* [About Bolshevism during Bolshevism] (Budapest: Franklin Társulat, 1919), 52.

To understand the depths of the despair that triggered the Budapest Commune, it is worth reflecting on the dramatic lines of Árpád Tóth, who would later become known as an apolitical impressionist poet. He too was mesmerized by the “Red God” in 1919, and in his poem *Az új Isten* [The New God], written just days after the start of the Commune and published in the journal *Nyugat* [West], he welcomed communism: “From the Red East towards the pale West He bellows, / I have come! / The Red God has arrived.”

Faith in the strength of the “Red God” also explains why even many of the conservative-nationalist army officers of the Austro-Hungarian Monarchy – the future military elite of the counterrevolutionary Horthy Era – sided with the internationalist Commune at the end of the War. Back in March 1919, many of them were also convinced that the territorial integrity of the bleeding, wounded country that was Hungary could only be protected by a “New God” from “the East.”

Left-wing social democrats, progressive writers, conservative civilians and right-wing military officers were unanimous in their belief that the Soviet-Russian Red Army would help end the violation of Hungary’s territories by the Entente. This single, unshaken belief that the Russian Red Army would countervail the Republic’s humiliating betrayal by “The West” united the left, the right and the center in Hungary in March 1919. Soviet troops would put an end to the vivisection of Hungary, to the unilateral military dismemberment by the Entente realized by neighboring troops from Czechoslovakia, Romania and Serbia and would save the newly formed Republic of Councils from destruction and set the brutalized country on the path to sustainable economic development and social justice.¹⁶

Most citizens of Budapest immediately understood and agreed with the message of the leaflet “*To All!*” issued by the Revolutionary Governing Council on March 21st 1919. They accepted its argument that the Dictatorship of the Proletariat was necessitated by the successive failures and incompetence of the “previous coalition government.” Most agreed with its main thesis, namely that the leading politicians of the traditional Hungarian political elites had been discredited, and that “bourgeois politicians” had been unable to deal with the difficult challenges they were

16 HATOS PÁL, *Roszfűk világforradalma. Az 1919-es Magyarországi Tanácsköztársaság története* [The Bad Boys’ World Revolution: A History of the Hungarian Soviet Republic of 1919] (Budapest: Jaffa, 2021), 61–62.

faced with after they were catapulted into power by the Aster Revolution in 1918. The collapse of the bourgeois government was inevitable.¹⁷

It is fairly safe to say that if Hungary had not fallen into such a deep abyss in 1919, if the circumstances in which the citizens of this country found themselves had not been as hopeless as they were, the Revolutionary Governing Council would not have been so wholeheartedly embraced by the Hungarian people in the first weeks of the Commune.

It was the intensity of the pain stemming from post-war collapse and the sense of hopelessness in the country that led to the proclamation of the Hungarian Soviet Republic. It was an unprecedented historical situation (the collapse of the political-economic-social order after the loss of the First World War) that compelled the citizens of Hungary – the proletariat, the landless peasants, tens of thousands of students, artists, intellectuals, displaced war veterans, the bourgeoisie and even segments of the aristocracy and nobility – to try something they had never tried before: they agreed that their only defense against “the total anarchy of collapse” was “socialism-communism.’ This was the natural reaction of people driven to the brink. When Fidesz party historians claim that the proclamation of the proletarian dictatorship was only a plot by foreign-funded agents of foreign interests and did not enjoy support within the country, they are depriving us of our past. They want to sell us all a spy novel and pass it off as history.

References

APOR PÉTER, *Az elképzelt köztársaság. A Magyarországi Tanácsköztársaság utóélete, 1945–1989* [A Visioned Republic: The Afterlife of the Hungarian Soviet Republic, 1945–1989] (Budapest: MTA BTK Történettudományi Intézet, 2014).

PÉTER APOR, *Fabricating Authenticity in Soviet Hungary: The Afterlife of the First Hungarian Soviet Republic in the Age of State Socialism* (London: Anthem Press, 2015).

BORSÁNYI GYÖRGY, *Októbertől márciusig. Polgári demokrácia Magyarországon, 1918* [From October to March: Bourgeois Democracy in Hungary, 1918] (Budapest: Kossuth, 1988).

CSUNDERLIK PÉTER, *Radikálisok, szabadgondolkodók, ateisták. A Galilei Kör (1908–1919) története* [Radicals, Freethinkers, Atheists: A History of the Galileo Circle (1908–1919)] (Budapest: Napvilág, 2017).

17 See BORSÁNYI GYÖRGY, *Októbertől márciusig. Polgári demokrácia Magyarországon, 1918* [From October to March: Bourgeois Democracy in Hungary, 1918] (Budapest: Kossuth, 1988).

CSUNDERLIK PÉTER, A „vörösfarsangtól” a „vöröstatárjárásig”. A Tanácsköztársaság a korai Horthy-korszak pamflet- és visszaemlékezés-irodalmában [From the “Red Carnival” to the “Red Invasion:” The Hungarian Soviet Republic in the Pamphlet and Remembrance Literature of the Early Horthy Era] (Budapest: Napvilág, 2019).

GARETH DALE, *Karl Polanyi: A Life on the Left* (New York: Columbia University Press, 2016). <https://doi.org/10.7312/dale17608>

HAJDU TIBOR, *Ki volt Károlyi Mihály?* [Who Was Mihály Károlyi?] (Budapest: Napvilág, 2012).

TIBOR HAJDU, *A Magyarországi Tanácsköztársaság* [The Hungarian Soviet Republic] (Budapest: Kossuth, 1969).

TIBOR HAJDU, *The Hungarian Soviet Republic* (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1979).

HATOS PÁL, *Az elátkozott köztársaság. Az 1918-as összeomlás és az őszirózsás forradalom története* [The Cursed Revolution: A History of the Collapse and the Aster Revolution of 1918] (Budapest: Jaffa, 2018).

HATOS PÁL: *Rosszfiúk világforradalma. Az 1919-es Magyarországi Tanácsköztársaság története* [The Bad Boys' World Revolution: A History of the Hungarian Soviet Republic of 1919] (Budapest: Jaffa, 2021).

KÓBOR TAMÁS, *A bolsevismusról a bolsevismusalatt* [About Bolshevism during Bolshevism] (Budapest: Franklin Társulat, 1919).

LITVÁN GYÖRGY (szerk.), *Károlyi Mihály levelezése. I. kötet. 1905–1920* [The Correspondence of Mihály Károlyi. Vol 1. 1905–1920], (Budapest: Akadémiai kiadó, 1978).

GÁBOR SÁNDORNÉ-HAJDU TIBOR-SZABÓ GIZELLA (szerk.) *A Magyar munkásmozgalom történetének válogatott dokumentumai. Hatodik kötet. A Magyar Tanácsköztársaság 1919. március 21.–1919. augusztus 1. Első rész. 1919. március 21. – 1919. június 11.* [Selected Documents of the History of the Hungarian Labor Movement. Vol 6: The Hungarian Soviet Republic. Part 1. March 21st 1919 -11th June 1919.] (Budapest: Kossuth, 1959).

JÁNOS PÓTÓ, *Az emlékeztetés helyei. Emlékművek és politika* [Commemorative Sites: Monuments and Politics] (Budapest: Osiris, 2003).

PÖLÖSKEI FERENC, *A rejtélyes Tisza-gyilkosság.* [The Mysterious Murder of István Tisza] (Budapest: Helikon, 1988).

TURBU CZ DÁVID, *A Horthy-kultusz, 1919–1944* [The Cult of Horthy, 1919–1944] (Budapest: MTA BTK Történettudományi Intézet, 2014).

ATTILA JAKAB

HIGH-RANKING CATHOLIC PRIESTS AND THE ANTI-JEWISH ACT OF 1938: MEMORY POLITICS AND THE REINTERPRETATION OF THE PAST IN TODAY'S HUNGARIAN CATHOLIC CHURCH¹

Budapest has had the honour of hosting the International Eucharistic Congress on two occasions: in 1938 and in 2021. As it prepared for the Eucharistic Congress, originally planned in 2020 but postponed to 2021, the Hungarian Catholic Church could have used the occasion as an opportunity to confront its own past and clarify the role of the Catholic Church and the associated media in the creation of antisemitic public opinion. It didn't do this. Instead, it focused on obscuring the responsibility of the Catholic high-ranking priests at the time of the adoption of the first anti-Jewish Act. To this end, the Church History Committee of the Esztergom-Budapest Archdiocese in 2020 published a book whose aim was to refute the generally accepted view that the Catholic high-ranking priests voted for the first anti-Jewish Act in 1938. The Hungarian churches in general deliberately refused to face up to the fact that the Catholic, Reformed and Lutheran high-ranking priests supported the adoption of the anti-Jewish Act. What's more, a year later, in 1939, they also supported and voted through the second anti-Jewish Act. Then, during the deportations of 1944, they did nothing either for the Jews or for those of their own Christian faithful who had been racially categorised as Jews. This book ought to have attempted to reinterpret the past of the Catholic Church, but it failed to do so. At the time of the 2021 Eucharistic Congress of Budapest no historical or social debate took place to discuss the attitude of the Hungarian Christian churches towards the Jews in the Horthy era. This was a missed opportunity that clearly revealed that the churches (especially the Catholic Church) have no intention of facing up to their ugly past.

Keywords: 1938 anti-Jewish Act, 1938 Eucharistic Congress, József Mindszenty, Jusztinián Serédi, Gyula Glattfelder, Eugenio Pacelli, Antisemitism

Attila Jakab, Ph.D. – historian, Eötvös Loránd University – Holocaust Memorial Centre Budapest. Email: attilajakab66@gmail.com

1 This study is a written version of a lecture given at a conference devoted to memory politics in Central and Eastern Europe and Russia held at ELTE on September 30th and October 1st, 2021.

Citation: ATTILA JAKAB, "High-Ranking Catholic Priests and the Anti-Jewish Act of 1938: Memory Politics and the Reinterpretation of the Past in Today's Hungarian Catholic Church", *RussianStudiesHu* 4, no. 2 (2022): 13 pp. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2022.4.15

Budapest has twice had the honour of hosting the International Eucharistic Congress: in 1938 and in 2021. Between these two events, there has been – without claiming to be exhaustive – a world war, a cold war, the end of colonialism and the collapse of socialist regimes in Eastern Europe. The world has been in a state of flux for decades; globalisation is now an inescapable fact. The two congresses therefore took place in entirely different historical circumstances.

In his report on the 51st International Eucharistic Congress in Manila in 1937, Zoltán Nyisztor (1893–1979) – a well-known figure in Hungarian Catholicism between the two world wars – expressed the following expectations for the forthcoming event in Budapest: “The preparation and propaganda of the Hungarian Holy Year should not be limited to emphasising the Eucharistic idea, but should also be an expression of Hungarian life and values, of the attractive, distinctive and individual characteristics of Hungarian Catholicism. From this point of view, I would strongly recommend that the programme of the Congress should include specific features and institutions of millennial Hungarian Catholicism which have been cultivated only on Hungarian soil and have blossomed from Hungarian souls.”²

In Nyisztor’s expectations, the Catholic and the national are inextricably linked. He couldn’t have known that at the time he was writing, Prime Minister Kálmán Darányi (1936–1938) had initiated a debate on the “Jewish question” in Szeged,³ an issue which effectively determined Hungarian public life until 1945. It was in this social climate of anti-Jewish sentiment that the supreme leadership of the Catholic Church in Hungary proclaimed the start of the Eucharistic Holy Year on 23 May 1937, the aim of which was the purification and betterment of Hungarian Catholics.

Social reality was quite different from the expectations voiced above. This supposedly Christian country did not show any spontaneous enthusiasm for the Congress. Even the Catholic priests did not take the preparations seriously. But what will forever mark the 1938 Eucharistic Congress in Budapest is the proclamation of the first anti-Jewish

2 NYISZTOR ZOLTÁN, „A manilai eucharisztikus világkongresszus” [The World Eucharistic Congress in Manila], *Magyar Kultúra* 24, no. 8 (20 April 1937): 237.

3 See JAKAB ATTILA, „A zsidókérdésről... mindenki tudja, hogy van” (Darányi Kálmán 1937. április 18-i szegedi beszédének sajtóvisszhangja), in *Holokauszt, csend, beszéd, emlékezet, üzenet (Tanulmányok a holokauszt recepció köréből)*, ed. KELEMEN ZOLTÁN (Szeged: Universitas-Szeged Kiadó, 2019): 131–145.

Act.⁴ This law started the legal process that resulted in the systematic disenfranchisement and economic and social exclusion of the Jews in Hungary. The law was initially rejected by Christian Party Members of Parliament because they didn't consider it radical enough. From then on, the "Jewish question" occupied a more important place in the Catholic public press than the Eucharistic Congress itself.

The parish priest of Zalaegerszeg and papal domestic prelate József Mindszenty, later to be Cardinal Archbishop of Esztergom and Primate of Hungary, organised a meeting of Catholic priests on the first days of May 1938 in Budapest. The declaration adopted illustrates very well the ecclesiastical social climate of the time: "We see the Jewish question as a social, economic and ideological question. For fifty years, when the world of usury was at its peak, we and our predecessors sided with Istóczy⁵ and later with the People's Party even when virtually everyone in the country was liberal pro-Jewish. It was the Christian Party, which we supported, that brought the only race protection act, the *numerus clausus*⁶, for which it suffers odium to this day."⁷

4 E.g. YEHUDA DON, "The Economic Effect of Antisemitic Discrimination: Hungarian Anti-Jewish Legislation, 1938–1944", *Jewish Social Studies* 48, no. 1 (1986): 63–82.

5 Győző Istóczy (1842–1945), founder of the first Hungarian Anti-Semite Party in 1883. See <https://www.encyclopedia.com/religion/encyclopedias-almanacs-transcripts-and-maps/istoczy-gyozodeg> (Accessed February 2, 2022).

6 "Act XXV/1920, the so-called *numerus clausus* law, which was passed by the Hungarian National Assembly in September 1920, has the dubious merit of being the first antisemitic law of the post-First World War era. With the ostensible aim of reducing the overcrowding of Hungarian universities after the Treaty of Trianon, the law pegged enrolment to the ratio of 'races' and 'nationalities' in the general population. (...) The law's quota of six percent for Jewish students drastically reduced the previous high representation of Jews at university faculties. It also led to the flight of thousands of Hungarian Jewish students (the so-called NC exiles) to universities abroad, robbing the country of many future leading lights of Western academia. Despite the persistent obfuscations and myths surrounding it, historians agree that the law's breach of the principle of equal citizenship paved the way for the openly discriminatory anti-Jewish laws enacted in Hungary in the late 1930s and, ultimately, the Hungarian Holocaust." *The Numerus Clausus in Hungary*, <https://www.vwi.ac.at/index.php/en/96-english-site/research/research-interests/621-the-numerus-clausus-in-hungary> (Accessed July 1, 2022). See *The Numerus Clausus in Hungary: Studies on the First Anti-Jewish Law and Academic Anti-Semitism in Modern Central Europe*. (Research Reports on Central European History, 1), ed. VICTOR KARÁDY and PETER NAGY TIBOR (Budapest: Centre for Historical Research, History Department of the CEU, 2012) (<https://mek.oszk.hu/11100/11109/11109.pdf>; Accessed July 1, 2022).

7 „A katolikus papság a szociális reformokért. Országos értekezleten foglalkozott a kor bajjaival és emlékirattal fordult az illetékesekhez”, *Nemzeti Újság*, 5 May 1938, 5.

As it prepared for the Eucharistic Congress, originally planned in 2020 but postponed to 2021, the Hungarian Catholic Church had an opportunity to confront its own past and clarify the role of the Catholic Church and the associated media in the creation of antisemitic public opinion. It didn't do this. Instead, it focused on obscuring the responsibility of the Catholic high-ranking priests at the time of the adoption of the first anti-Jewish Act. To this end, in 2020 the Church History Committee of the Esztergom-Budapest Archdiocese published a book edited by the head of the Diocesan Archives, András Hegedűs, and entitled: *“He Became a Companion of Our Wandering’: The 1938 Eucharistic World Congress in Budapest.”*⁸

The authors and the editor undertook to present the events of the congress in detail, the work that went into preparing for it and organising it, and what it left in its wake, using the tools of historical science, art history and architecture. The editor, András Hegedűs, clearly stated the aim of the volume: to change how the Congress of 1938 is remembered, freeing it from misconceptions and Marxist historical interpretations.⁹ Only one worthwhile historical monograph had previously been written on the Congress of 1938 – Jenő Gergely's *World Eucharistic Congress in Budapest – 1938*.¹⁰

The primary purpose of the volume edited by Hegedűs, is quite clear: to refute the generally accepted view that the Catholic high-ranking priests voted for the first anti-Jewish Law. The editor argues that the minutes of the session of the Upper House of Parliament don't include a list of participants. According to him, the exact reconstruction of events shows that the Catholic bishops didn't participate in the session of the Upper House (May 24, 1938), therefore they didn't vote for the bill.

Hegedűs expressed this opinion in an interview published on the Catholic website *Hungarian Courier*. The title of the interview comes very close to a falsification of history: “Strengthening the Church on the Eve of Suffering.”¹¹

8 „Vándorlásunk társa lett”. Az 1938-as Eucharisztikus Világkongresszus Budapesten, ed. ANDRÁS HEGEDŰS, (Esztergom–Budapest: Esztergom-Budapesti Főegyházmegye Egyháztörténeti Bizottsága, 2020).

9 „Az 1938-as Eucharisztikus Kongresszus történelmi szemmel” <https://www.iec2020.hu/hu/hirek-sajto/az-1938-eucharisztikus-kongresszus-torteneszi-szemmel> (Accessed February 2, 2022).

10 GERGELY JENŐ, *Eucharisztikus Világkongresszus Budapesten – 1938* (Budapest: Kossuth Kiadó, 1988).

11 „Mege erősíteni az Egyházat a szenvedések előestéjén – Könyv az 1938-as eucharisztikus kongresszusról,” <https://www.magyarokurir.hu/hirek/megeerositeni-az-egyhzat-szenved>

The question is: what kind of suffering? In Nazi Europe the Church, as an institution, was never persecuted. Several Christian figures – even clergymen, monks and nuns – were persecuted, even murdered, but the institution itself was not targeted.

This is even truer for Horthy's Hungary, where the churches were integrated into political and social power. In Horthy's Hungary no one even thought to persecute the churches or cause them any suffering.¹² According to the historian Jenő Gergely, "The part played in society by the Catholic Church, its economic position and its participation in state power unambiguously proved that it represented an organic part of the administration. It identified with [the administration's] political mentality and political actions. The church, in fact, identified itself with power, which had become more comprehensive in the Horthy era than ever before. (...) ...there was hardly any area of Hungarian civil society, state, economy or public life where the Catholic church did not play a part in some form. In this way the church had become a consolidating factor, a power maintaining the regime, and as a result, it enjoyed both the blessings and odium of participation in power. That odium became a real burden when the power was dissolved, and the civil system was condemned to fall."¹³

The coincidence of the Eucharistic Congress and the first anti-Jewish Act, which came into force on 29 May 1938 – while a solemn mass was celebrated at Heroes' Square by the papal legate Cardinal Eugenio Pacelli (the future Pope Pius XII), who had high hopes for a "Christian" Hungary – shocked no one, neither in society nor in the churches. In this solemn celebration one could see the symbiosis of the State and the Church under the auspices of a triumphant Catholicism. Zsigmond Mihalovics¹⁴ formulated this in these terms: "Our country is still imbued with the spirit of Saint Stephen. We are a Christian state in the true and proper sense of the word. Our nation and our state know and recognise the transcendent world order according to the revealed truth. It views the state and the nation itself in subordination to it. It seeks to live in cooperation with the Church as the earthly body

desek-eloestejen-konyv-az-1938-as-eucharisztikus-kongresszusrol (Accessed February 2, 2022).

12 See for ex. FAZEKAS CSABA, "Collaborating with Horthy: Political Catholicism and Christian Political Organizations in Hungary", in *Political Catholicism in Europe, 1918–45*, ed. WOLFRAM KAISER and HELMUT WOHNOUT (London-New York: Routledge, 2004): 160–177.

13 GERGELY JENŐ, *Katolikus egyház, magyar társadalom, 1890–1986* (Budapest: Tankönyvkiadó, 1989), 55, 73.

14 National Director of the *Actio Catholica* and Executive Director of the General Committee for the Preparation of the 1938 World Eucharistic Congress.

of Christ. It lives in harmony with the universal Church and its head, as well as with the Hungarian Catholic Church, composed of the Catholic faithful and the Catholic high priests of the Hungarian nation. We are free to transmit Christian teachings and to work freely in accordance with them to create a Christian culture. Our freedom of movement is not limited in order to form the social classes and the public life. We are still basically Saint Stephen's country."¹⁵

In his book, the editor András Hegedűs may even have been right in his claim that the Catholic High-Ranking Priests did not physically vote for the anti-Jewish Act at the Upper House session given that was the day the papal legate, Cardinal Pacelli, arrived at the Eastern Railway Station, after which he participated in a sacramental visit to the Coronation Main Church (or Mátyás Church). In my opinion, however, the attitude of the Catholic High-Ranking Priests on the anti-Jewish Law is more important than the fact of the vote. The book edited by András Hegedűs doesn't say a single word about the fact that the Christian (Catholic, Reformed and Lutheran) high-ranking priests supported the adoption of the anti-Jewish Act, and that their viewpoint was widely reported in the religious and political newspapers of the time.¹⁶

What's more, a year later the second anti-Jewish Act was also supported and voted through. Then, during the deportations of 1944, the Catholic church did nothing either for the Jews or for those of their own Catholic faithful who had been racially categorised as Jews; it allowed them to be loaded into cattle wagons and sent to Auschwitz. The Reformed and Lutheran bishops did the same.

What happened in reality? In the session of the 24 May 1938 the Upper House of the parliament debated and voted on the final text of the Act, which had been drafted by the Lower House of Parliament. In reality, this session had no real stakes. The debate was already closed. A few days later (on the 29 May), during the events of the Eucharistic Congress, the first Hungarian anti-Jewish Act (the XVth) was adopted and enacted. This law, entitled "to ensure a more effective balance in social and economic life", restricted the percentage of Jews in intellectual professions (physicians, engineers, lawyers) to 20 percent and maximised their number to this

15 MIHALOVICS ZSIGMOND, „Noblesse oblige”, *Egyházi Lapok* 61, no. 7–8 (August 1938): 161–162.

16 JAKAB ATTILA, „Az ország békéjét és nyugalmát és biztonságát szolgálja.” *A magyarországi egyházi sajtó a zsidótörvények idején (1938–1942)*, (Budapest: Holocaust Dokumentációs Központ és Emlékgyűjtemény Közalapítvány, 2021): 38–66.

amount also in any commercial, financial and industrial companies having more than ten white-collar employees.

In my opinion the question is: from a historical and social point of view what does it mean that the high-ranking Catholic priests weren't present at the last session of the Upper House, and didn't vote physically? András Hegedűs's intention in focusing on a single day, the 24 May 1938 session of the Upper House, is clear: to communicate to Hungarian society and the public that the high-ranking Catholic priests did not vote for the Act; and to suggest by this that they were against it. This is completely wrong.

This book was an abortive attempt at reinterpreting the past of the Catholic Church. At the time of the 2021 Eucharistic Congress of Budapest no historical or social debate took place on the attitude of the Hungarian Christian Churches towards the adoption of the first anti-Jewish Act in 1938. This was a missed opportunity that clearly revealed that the churches (and especially the Catholic church) have no intention of facing up to their ugly past.

What was the attitude of the high-ranking priests and Catholic opinion to the anti-Jewish Act? I can say that it was highly positive. Even if the high-ranking priests were not present at the session held on 24 May 1938, they had expressed their opinion clearly a few days earlier (on 20 May) in the Joint Committee of the Upper House, as was reported by the Catholic daily *Nemzeti Ujság* (National Newspaper), on 21 May 1938.

In this article the cardinal-archbishop Jusztinián Serédi, with a comment and some reservations concerning the baptism, expressly accepted the anti-Jewish Law. Gyula Glattfelder, bishop of Csanád, was also for the law. He even explained his position:

“There is no doubt that in the worldwide anti-Semitic storm, Jews are reaping what they themselves have sown. The radical Jewish youth in the freethinking and Galilei circles, in the Masonic lodges and destructive presses, have shaken and deadened all religious and moral factors. They have waged a relentless struggle against altar and throne, until, by undermining and overthrowing their authority, they have succeeded in overthrowing the rule of law and with it the security of civil and business life. Historical justice is not always obvious, but there is a logic to events. (...)

The public authorities must restore the spiritual balance of the nation with courageous and honest, enlightening and regulating power. From this point of view, it must be applauded that the bill seeks to

give Christianity a proportionate share in the press. It is only desirable that, if Christian journalists achieve the proportion they rightly claim, *they should ensure the dominance of Christian ethics in the Hungarian press*. For if the Jews are withdrawn from the editorial staff, but what we call the *Jewish spirit*, which disrupts and discredits morality and discipline, remains, the trouble and scandal will only increase.

The best hope that these various concerns about the bill, which are on the minds of many, can be eliminated is offered by that deficiency of the bill which leaves the detailed action in the hands of the government. (...) Perhaps it is this hope that motivates me most to adopt the substantive measures of the bill."¹⁷

For Hungarian society and the Catholic public there wasn't any doubt that the high-ranking Catholic priests were in favour of the anti-Jewish Act. In fact, they gave a public justification of the law, reported by the contemporary press.

The top echelons of the Catholic priesthood accepted the anti-Jewish bill knowing full well that this would cause widespread consternation at the Holy See. The reason was that the bill, at the time of the Eucharistic Congress, also classified those baptised since 1919 as racially Jewish, denying the baptism. The Holy See's astonishment was reported by István Hanauer, Bishop of Vác (†1942) in a letter dated 1 May 1938 to Primate Jusztinián Serédi: "The Hungarian Jewish law, no doubt through a clumsy article in the *Osservatore Romano*, which compared our Jewish law with the German and Romanian persecution of Jews, caused a general outcry in the Holy See. The Embassy Counsellor Luttor was immediately summoned to the State Secretariat for clarification. During my brief audience, the Holy Father¹⁸ also raised this issue with concern. I tried to reassure him that there would be no such Hitlerian persecution of the Jews in our country and that no atrocities of any kind would be committed. It seems to me that what offended them most, and what they saw as an offence against dogma, just now, at the time of the Eucharistic Congress, is that those who have been baptised since 1919 are counted by law as Jews, and therefore their baptism is not recognised."¹⁹

17 „Serédi hercegprímás, Glattfelder püspök és Imrédy miniszterelnök beszéltek a Felsőház egyesített bizottságában”, *Nemzeti Ujság*, 21 May 1938, 1–4.

18 Pope Pius XI (†10 February 1939).

19 EPL. Cat. D/c-1990/1938. Cited by GERGELY, *Eucharisztikus*, 62.

This astonishment of the Holy See did not disturb the cooperation between the Hungarian state and the Catholic Church at the time of the Eucharistic Congress.

It is interesting to read that – according to a memorandum dated 26 May – before Cardinal Pacelli left Rome, he assured the Chief Rabbi of Rome, David Prato, that during the Budapest Congress he would exert influence on Hungarian Catholics to get the Upper House to reject the bill, or at least to make significant changes to it.²⁰

In reality, the bill was adopted by the Upper House on the day of Pacelli's arrival in Budapest. There is no evidence that the cardinal would have tried to do anything about the bill. During the Congress, the anti-Jewish law was certainly not one of his concerns.

On the day the bill was adopted by the Upper House, Cardinal Pacelli said that he considered Hungary a “great people”, and that: “religion makes the citizens good by teaching them to see in their ruler a ray of God's majesty and to obey the higher powers as they obey Christ”²¹

The anti-Jewish law was accepted not only by the high-ranking priests, but also by Catholic public opinion itself. It was expected to bring a change of spirit and of system in Hungarian economic life; that is, to replace Jews with Christians. This hope was formulated by Dániel Stoltz in *Hungarian Culture*, a journal published by the Jesuits, at the same time as the adoption of the anti-Jewish Act and the Eucharistic Congress. According to Stoltz, “the problem with our economic life is not only that its leaders and managers are overwhelmingly non-Hungarians and non-Christians – and the higher we go, the more oppressive the preponderance – but that the spirit prevailing there is not only foreign but also contrary to both our Hungarianism and our Christianity.”

To effect complete change and renewal, the author says, this “alien” spirit had to be eradicated. Stoltz, who was a master of coded speech, and who never once wrote the word “Jew” in his study, saw – with what might be called “prophetic” foresight – the first anti-Jewish Act as the beginning of a process of “regime change.”²² He wasn't wrong.

20 CSÍKI BALÁZS, „Jubileumi esztendő és katolikus megújulás a Horthy-korszakban”, in *A 20. század egyház- és társadalomtörténetének metszéspontjai. Tanulmányok a pécsi egyházmegye 20. századi történetéből*, ed. BÁNKUTI GÁBOR, VARGA SZABOLCS and VÉRTESI LÁZÁR (Pécs: PPHF Pécsi Egyháztörténeti Intézet, 2012): 135–157.

21 „Köszöntöm ezt a nagy népet!” – mondotta Pacelli bíboros-legátus a Világkongresszus fogadó ünnepségén” [‘I greet this great people,’ said Cardinal-Legate Pacelli at the welcoming ceremony of the World Congress], *Nemzeti Ujság*, 25 May 1938, 3.

22 STOLTZ DÁNIEL, „Százalék és szellem”, *Magyar Kultúra* 25, no. 10 (20 May 1938): 296.

The top-ranking Catholic priests, those who were members of the Upper House, accepted the first anti-Jewish Act, debated and passed by Parliament between 18 and 24 May 1938, without raising serious objections.

As for the second anti-Jewish Act of 1939, they actually voted for it. This law no longer conceived of Jewishness as a religion but as a race. Its aim was the elimination of Jews from economic and social life. The consequences were severe restrictions on Jewish livelihoods.²³

What can we conclude? The 1938 anti-Jewish Act “enshrined into law the prejudice against Jews, thus legitimising a seriously negative stereotype which no one could now contest.”²⁴ The Catholic Church has done nothing to combat anti-Jewish prejudice. Neither has the Reformed or Evangelical Church. Just as the Christian churches have not said or done anything about the political use of the adjective “Christian” (used for the designation of non-Jews) or the political misrepresentation of Christianity. In fact, contemporary Hungarian society does not perceive any anachronism between the Eucharistic Congress and the anti-Jewish Act.

To sum up, in 1938 the Christian churches in Hungary as institutions legitimised – “sanctified”, so to speak – institutionalised and legalised racial antisemitism. They did not protest at the beginning of the process, and were active participants in it through their high-ranking priests.

What is happening today, decades later?

We can say that in the Hungarian Catholic Church – and likewise in the Reformed or Lutheran Churches – there does not exist any memory policy about the attitudes of their organisations during the Horthy era vis-à-vis the Jews. Church leaders do not wish to examine their consciences because this would mean questioning themselves about the fact that their predecessors contributed to the poisoning of public opinion, especially through the press, and that they accepted racial categorisation, including of the faithful, as well as remaining silent while Jews were deprived of their rights, were excluded from society, and deported. Deported Christian Jews numbered several tens of thousands.

If it wanted to adopt a real memory policy, the Catholic Church should have asked itself: how could the exclusionary and discriminatory anti-Jewish Act be inserted into the process of promoting the spiritual renewal of Hungarian society during the 1938 Eucharistic Congress?

23 See also JAKAB, „Az ország békéjét”, 67–82.

24 PELLE JÁNOS, *A gyűlölet vetése. A zsidótörvények és a magyar közvélemény 1938–1944* (Budapest: Európa Könyvkiadó, 2001): 55.

In my opinion, at that time, in 1938, spiritual renewal and an anti-Jewish attitude were not contradictory. The concept of the “new emancipation” which appeared at that time, wanted, in fact, to restore the pre-1867 situation; before the Jewish emancipation. The ultimate goal was that members of the “Christian-national middle class” take over the economic and cultural role and place of the Jews. As this wasn’t in line with free competition, they had to be helped by legislation. In fact, this was the only way to achieve this.

The Catholic Spiritual Renewal of 1938 and the anti-Jewish Act are, in fact, the starting point for a process aimed at a “change of elite.” Its initiators didn’t come out of the ranks of the Reformed Church by accident. The idea of the pure “racial Hungarian” was strongly present in the Hungarian Reformed Church. The Catholic Church leadership didn’t distance itself from this, but supported it in everything.

Last but not least, the splendour of the Eucharistic Congress in 1938 concealed a moral crisis of both Hungarian society and Hungarian Catholicism behind a highly choreographed stage set. In my opinion it was the same with the 2021 Eucharistic Congress, which was – in fact – a kind of remake of the 1938 Congress. The universal Catholic Church has evolved, while the Hungarian Catholic Church has not moved on: it still represents collusion with political power, social insensitivity, and animosity towards any otherness.

In 1938 Flóris Kűhár OSB (1893–1943), a prominent ecclesiastical personality in the Horthy era, expressed this collusion very persuasively. Unfortunately, his words, even today, have lost none of their relevance.

“We don’t wish to boast, but we believe that every pilgrim to the Congress from abroad must have realized that there is no country in Europe or further afield where Christianity is as pervasive in the life of state and society as it is in our own. The liberal nineteenth century tried to loosen up the millennial-old links between Church and State, by which the kingdom of St. Stephen had educated the Hungarian people to Christianity, but Church and State have never been separated in our country, and in public education, in public administration, in legislation, there is still real cooperation between the two factors of a kind that was never more harmonious in other states even in the Middle Ages.”²⁵

25 KÜHÁR FLÓRIS, „Az eucharisztikus kongresszus tanulságai”, *Magyar Szemle* 33, no. 2 (June 1938): 106.

References

„A katolikus papság a szociális reformokért. Országos értekezleten foglalkozott a kor bajaival és emlékirattal fordult az illetékesekhez” [The Catholic Clergy for Social Reform: A National Conference Addressed the Problems of the Age and Sent an Account of it to the Authorities], *Nemzeti Újság*, 5 May 1938, 5.

„Az 1938-as Eucharisztikus Kongresszus történeti szemmel” [The 1938 Eucharistic Congress through the Eyes of a Historian], <https://www.iec2020.hu/hu/hirek-sajto/az-1938-eucharisztikus-kongresszus-torteneszi-szemmel> (Accessed February 2, 2022).

CSÍKI BALÁZS, „Jubileumi esztendő és katolikus megújulás a Horthy-korszakban” [Jubilee Years and Catholic Renewal in the Horthy Era], in *A 20. század egyház- és társadalomtörténetének metszéspontjai. Tanulmányok a pécsi egyházmegye 20. századi történetéből*, ed. BÁNKUTI GÁBOR, VARGA SZABOLCS and VÉRTESI LÁZÁR (Pécs: PPHF Pécsi Egyháztörténeti Intézet, 2012), 135–157.

YEHUDA DON, “The Economic Effect of Antisemitic Discrimination: Hungarian Anti-Jewish Legislation, 1938–1944.” *Jewish Social Studies* 48, no. 1 (1986): 63–82.

FAZEKAS CSABA, “Collaborating with Horthy: Political Catholicism and Christian Political Organizations in Hungary”, in *Political Catholicism in Europe, 1918–45*, ed. WOLFRAM KAISER and HELMUT WOHNOUT (London–New York: Routledge, 2004), 160–177.

GERGELY JENŐ, *Eucharisztikus Világkongresszus Budapesten – 1938* [World Eucharistic Congress in Budapest – 1938], (Budapest: Kossuth Kiadó, 1988).

GERGELY JENŐ, *Katolikus egyház, magyar társadalom, 1890–1986* [Catholic Church, Hungarian society, 1890–1986] (Budapest: Tankönyvkiadó, 1989).

JAKAB ATTILA, „»A zsidókérdésről... mindenki tudja, hogy van« (Darányi Kálmán 1937. április 18-i szegedi beszédének sajtóvisszhangja)” [‘About the Jewish Question... Everyone Knows That There Is One’ (Echoes in the Press of Kálmán Darányi’s Speech in Szeged on 18 April 1937)], in *Holokauszt, csend, beszéd, emlékezet, üzenet (Tanulmányok a holokauszt recepció köréből)*, ed. KELEMEN ZOLTÁN (Szeged: Universitas-Szeged Kiadó, 2019): 131–145.

JAKAB ATTILA, „»Az ország békéjét és nyugalomát és biztonságát szolgálja«. A magyarországi egyházi sajtó a zsidótörvények idején (1938–1942)” [‘It Serves the Peace and Tranquillity and Security of the Country.’ The Christian Media in Hungary at the Time of the Anti-Jewish Acts (1938–1942)], (Budapest: Holocaust Dokumentációs Központ és Emlékgyűjtemény Közalapítvány, 2021).

„»Köszöntöm ezt a nagy népet!« – mondotta Pacelli bíboros-legátus a Világkongresszus fogadó ünnepségén” [‘I Greet this Great People’ Said Cardinal-Legate Pacelli at the Welcoming Ceremony of the World Congress], *Nemzeti Újság*, 25 May 1938, 1–4.

KÜHÁR FLÓRIS, „Az eucharisztikus kongresszus tanulságai” [Lessons from the Eucharistic Congress], *Magyar Szemle* 33, no. 2 (June 1938): 105–107.

„Megerősíteni az Egyházat a szenvedések előestéjén – Könyv az 1938-as eucharisztikus kongresszusról” [Strengthening the Church on the Eve of Suffering: A Book about the 1938 Eucharistic Congress], <https://www.magyarurir.hu/hirek/megerositeni-az-egy-hazat-szenvedesek-elostejen-konyv-az-1938-as-eucharisztikus-kongresszusról> (Accessed February 2, 2022).

MIHALOVICS ZSIGMOND, „Noblesse oblige”, *Egyházi Lapok* 61, no. 7–8 (August 1938): 161–162.

NYISZTOR ZOLTÁN, „A manilai eucharisztikus vilá kongresszus” [The World Eucharistic Congress in Manila], *Magyar Kultúra* 24, no. 8 (20 April 1937): 237–241.

PELLE JÁNOS, *A gyűlölet vetése. A zsidótörvények és a magyar közvélemény 1938–1944* [Sowing the Seeds of Hatred: The Jewish Laws and Hungarian Public Opinion 1938–1944] (Budapest: Európa Könyvkiadó, 2001).

„Serédi hercegprimás, Glattfelder püspök és Imrédy miniszterelnök beszéltek a Felsőház egyesített bizottságában” [Primate Serédi, Bishop Glattfelder and Prime Minister Imrédy Spoke in the Joint Committee of the Upper House], *Nemzeti Újság*, 21 May 1938, 1–4.

STOLTZ DÁNIEL, „Százalék és szellem” [Percentage and Spirit], *Magyar Kultúra* 25, no. 10 (20 May 1938): 296–297.

„Vándorlásunk társa lett”. *Az 1938-as Eucharisztikus Vilá kongresszus Budapesten* [‘He became a companion of our wandering’. *The 1938 Eucharistic World Congress in Budapest*], ed. ANDRÁS HEGEDŰS, (Esztergom–Budapest: Esztergom-Budapesti Főegyházmegye Egyháztörténeti Bizottsága, 2020).

ÁKOS FÓRIS

HEROES? VICTIMS? PERPETRATORS? CHANGES IN THE IMAGE OF HUNGARIAN SOLDIERS FIGHTING ON THE EASTERN FRONT¹

Between 1941 and 1945, hundreds of thousands of soldiers of the Hungarian Royal Army fought against the Red Army. Perception of these soldiers has changed significantly since World War II. In examining this, I distinguish three different views: that they were heroes, that they were victims, and that they were perpetrators. A hero cult had already emerged in connection with Hungarian soldiers before the war against the Soviet Union. Hungarian society revered veterans of the War of Independence of 1848-1849 and the First World War as heroes. The Horthy regime in particular was characterized by militarism. After the total defeat of Hungary in World War II, power and society in Hungary could no longer consider those who fought against the Soviet Union as heroes. In addition, it was not clear how the new political elite and Hungarian public society would judge the soldiers. An anti-fascist hero cult could not be based on the Hungarian soldiers since significant resistance did not emerge within the Honvéd Army on the Eastern front. The war crimes committed against the Soviet civilian population were not dealt with, as this would have made it more difficult for the Hungarian-Soviet relationship to develop. In the years of state-socialism, the roles played in the war by officers and enlisted men were differently interpreted. Officers were seen as guilty, while rank-and-file soldiers were regarded as victims of the Horthy-fascist regime. According to this narrative, Horthyist military officers committed their sins not primarily against the Soviet population but against the Hungarian people.

Keywords: Second World War, history of Hungary, memory politics, state socialism, hero cult, Soviet history

Fóris Ákos – Researcher at the Clio Institute Budapest. Lecturer at Eötvös Loránd University (ELTE). E-mail: foris.akos@btk.elte.hu. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7943-6656>

1 This study is a written version of a lecture given at a conference devoted to memory politics in Central and Eastern Europe and Russia held at ELTE on September 30th and October 1st, 2021.

Citation: Ákos FÓRIS, “Heroes? Victims? Perpetrators? Changes in the Image of Hungarian Soldiers Fighting on the Eastern Front”, *RussianStudiesHu* 4, no. 2 (2022): 14 pp. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2022.4.19

During the Second World War, hundreds of thousands of soldiers of the Royal Hungarian Army served and fought on the Eastern Front. In the 80 years since the war, public perception of these soldiers has changed dramatically. In my paper, I will look at the changes to and key features of their image from the Second World War until the period following the regime change. I will focus on the perception of Hungary's combat and occupation activities in the Soviet territories during the war against the Soviet Union. Thus, I will not examine the perception of war crimes committed in the reoccupied territories or how fighting in Hungary is remembered. It is also beyond the scope of my study to examine memory politics in relation to the Hungarian Labor Service.

In line with the title of the study, I will interpret how the soldiers were perceived in relation to three key concepts. The concept of the hero is one of the oldest topoi in European culture. With the emergence of nation states, we can discover two changes concerning the concept of the hero compared to the one in the ancient and Christian cultures. On the one hand, heroism increasingly came to mean heroism linked to the nation, the latter definition also being linked to the state. Think of the increased number of military decorations or the emergence of the definition of 'the heroic dead.' On the other hand, the hero himself has become democratized. We are no longer talking about superhuman heroes; with the advent of the modern mass army, a cult has been created in relation to enlisted men, previously regarded as the "scum of society."² The other key concept is sacrifice, which can mean sacrificing one's life for one's country, for the nation, i.e., a heroic death, or, after a lost war, can refer to the victims of a regime that sacrificed its soldiers and other citizens for meaningless or immoral purposes.³ Moreover, the mass violence and genocide against civilians that accompanied the wars of the 20th century has led to soldiers increasingly being represented as perpetrators of war crimes.⁴

Even before the Second World War, Hungarian society and public opinion had a strong militaristic tradition. When entering the war, a well-

2 SINKÓ KATALIN, „A nemzeti emlékmű és nemzeti tudat változásai”, *Művészettörténeti Értesítő* 32. no. 4 (1983): 185–201., TANGL BALÁZS, „Ezredideológiák és ezredkultúrák a cs. (és) kir. hadseregben”, *Hadtörténelmi Közlemények* 129, no. 3 (2016): 674–78.

3 REINHART KOSELLECK, “Die Diskontinuität der Erinnerung”, *Deutsche Zeitschrift für Philosophie* 47, no. 2 (1999): 215–6. <https://doi.org/10.1524/dzph.1999.47.2.213>

4 Cf. GERŐ ANDRÁS, „Három az egyben: hősi halott, áldozat, felelős”, in *Hindu istenek, szíami tigrisek. Balogh András 70 éves*, ed. MAJOROS ISTVÁN, ANTAL GÁBOR, HÁDA BÉLA, HEVŐ PÉTER, MADARÁSZ ANITA (Budapest: ELTE BTK Új- és Jelenkori Egyetemes Történeti Tanszék, 2014), 177–194.

established press and war reporting system was ready to interpret the war against the Soviet Union. The image of the Defense Forces in public and even in private conversations was also regulated by criminal law. This meant that charges of defamation and subversion of public order could be brought against anyone criticizing the army. Under these circumstances, the Hungarian public's image of Hungarian soldiers was highly simplistic and schematic.

Beyond the representation of classical military virtues, interpretation of the actions of Hungarian soldiers was based on antagonistic opposites. On one side stood the Hungarian soldier defending the Christian Hungarian homeland; on the other, there was the red menace of the Soviet regime preparing to invade Europe. Since Hungary had no territorial claims or other conflicts with the Soviet Union, the Hungarian soldier's mission was perceived negatively. That is, the Hungarian soldier was not primarily fighting for something but against something. The image of the Soviet enemy arose both from the anti-Soviet and antisemitic public life of the Horthy regime and was adapted to the image of the enemy in the Nazi worldview. A peculiar feature of war propaganda is that several elements of revisionist propaganda – such as the defense of the millennial borders of Hungary and the image of Greater Hungary – appeared in the construction of the meaning of the war, even though Hungary fought together with Slovakia and Romania against the Soviet Union.⁵

It was ordered in April 1942 that the names of the heroic dead of the “operations since 1938” should be added to the First World War memorials.⁶ Otherwise, the state authorities basically made these losses a taboo

5 MOLNÁR SIMON, „Konstruált katonatípusok a második világháború magyar sajtójában: Magyarországi időszaki sajtó 1943. évi lapszámái alapján”, Szakdolgozat (Budapest: Zsigmond Király Egyetem Kommunikáció- és Művelődéstudományi Intézet, 2018) https://www.academia.edu/37331163/Konstru%C3%A1lt_katonat%C3%ADpusok_a_m%C3%A1sodik_vil%C3%A1gh%C3%A1bor%C3%BA_magyar_sajt%C3%B3j%C3%A1ban;PIHURIK_JUDIT,Naplók_és_memoárok_a_Don-kanyarból,_1942–1943. (Budapest: Napvilág, 2015), 29–44; TURBUCZ DÁVID, „Horthy Miklós vezérkultusza és a háborús propaganda”, in *1944/1945: Társadalom a háborúban: Folytonosság és változás Magyarországon*, ed. BÓDY ZSOMBOR, HORVÁTH SÁNDOR (Budapest: MTA BTK TTI, 2015), 260–263.

6 „A m. kir. belügyminiszter 1942. évi 28.282. számú rendelete, a hősi halottak emlékének megörökítéséről”, *Rendeleték Tára* 76 (1942): Bp. 974–975.; „24.364/el.22.-1942. számú körrendelet. A hősi halottak emlékének megörökítése”, *Honvédségi Közlöny* 69, no. 20. (May 5, 1942): 235.; These decrees were repealed in 1944 in reference to Act XX of 1942. „A m. kir. belügyminiszter 47.219/1943. B. M. rendelete. A hősi halottak emlékének megörökítéséről szóló 28.282/1942. B. M.1) számú rendelet hatályon kívül helyezése”, *Belügyi Közlöny* 49, no. 3 (January 16, 1944): 76–77.

subject, apart from the commemoration of the death of the deputy regent, which was promulgated in law.⁷ This can be seen not only in the concealment of casualty figures but also in the avoidance of depicting the wartime suffering of Hungarian soldiers.

There was no public discussion of Hungarian soldiers in the role of perpetrators; only in the context of the January 1942 raid in the south of Hungary did the issue of atrocities come up in Parliament.⁸ The civilian and military authorities were also careful not to publish reports or photographs that reported or depicted executions, even if they approved of the events. In at least one case, a book was censored because of an account of a mass killing,⁹ and photographs of executions were banned at the front.¹⁰

The crimes committed by Hungarians were reported in various enemy sources: in reports of the Telegraph Agency of the Soviet Union (TASS),¹¹ local press in the territories liberated from Hungarian rule,¹² diplomatic reports,¹³ and internal military propaganda.¹⁴ However, the Soviets did not thematize these issues in the broader public sphere, unlike the German mass murders. That may have been because the primary aim was for

7 „1942. évi XX. törvénycikk a hősi halált halt vitéz nagybányai Horthy István kormányzóhelyettes úr emlékének és a nemzet hálájának megőrkítéséről”, in *1942. évi törvénycikkek*, ed. DEGRÉ MIKLÓS, VÁRADY-BRENNER ALAJOS (Budapest: Franklin Társulat, [1942/1943]), 161–164.

8 VIGH KÁROLY, „Bajcsy-Zsilinszky Endre és a »hideg napok«, *Történelmi Szemle* 11, no. 1–2 (1968) 81–103.

9 FÓRIS ÁKOS, „»A zsidó aranka a keresztény lucernán« – a dnyepropetrovszki zsidóság megsemmisítésének magyar leírása”, in *Holokausz, csend, beszéd, emlékezet*, üzenet, ed. KELEMEN ZOLTÁN (Szeged: Universitas Szeged Kiadó, 2019), 173–85.

10 FÓRIS ÁKOS, „Fotódokumentumok a magyar megszálló csapatok szovjet területeken elkövetett bűncselekményeiről”, *Az antiszemitizmus történeti formái a cári birodalomban és a Szovjetunió területén*, ed. KRAUSZ TAMÁS, BARTA TAMÁS (Budapest: Russica Pannonica, 2014): 341–343., UNGVÁRY KRISZTIÁN, *Magyar megszálló csapatok a Szovjetunióban 1941–1944. Esemény – elbeszélés – utóélet* (Budapest: Osiris Kiadó, 2015), 224–225.

11 TASS report about the Hungarian war crimes quoted in Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltár K 428 t.) 2395. sz. Házi Tájékoztató, 1941. július 3. 19 óra 40 perc; 7030. sz. Házi Tájékoztató, 1942. december 30. 11 óra 30. perc

12 E.g., KRAUSZ TAMÁS, VARGA ÉVA MÁRIA (eds.), *A magyar megszálló csapatok a Szovjetunióban.: Levéltári dokumentumok 1941–1947*. (Budapest: L'Harmattan, 2013), 489–490.

13 FÓRIS ÁKOS, „A megszállt szovjet területek kérdése a magyar polgári szerveknél”, in *Az első világháború irodalmi és történelmi aspektusai a kelet-európai régióban*, ed. FODOR JÓZSEF PÉTER, MAROSI RENÁTA, MIKLÓS DÁNIEL, PÉRO KRISZTINA, SZABÓ ROLAND (Budapest: Trefort-kert Alapítvány, 2017), 77–78.

14 E. g., Центральний архів Міністерства оборони Російської Федерації Фонд: 6863, Опись: 150638, Дело: 8, Л. 35. Журнал боевых действий 311 гв. сп.

Hungarians to oppose their German ally.¹⁵ For this reason, the Soviets primarily highlighted the war responsibility of the Germans, and the war crimes committed by the Hungarian and other German-Allied armies in the Soviet Union received less attention.

After Hungary's defeat in the war, perception of both the war against the Soviet Union and the Horthy regime changed radically. The cult of the heroic dead was primarily reserved for the benefit of the Soviet and Allied soldiers who liberated Hungary. The creation of new, anti-fascist heroes from Hungarian soldiers was problematic because there was no demonstrable resistance until the Arrow Cross Party took power.¹⁶ Béla Illés also noted bitterly in a post-war article that the number of Hungarians who fought alongside the Soviets during the Russian civil war was significantly higher than in the later conflict: "We cannot speak of thousands, or even hundreds, during the Great Patriotic War, but only a few."¹⁷ The number of "heroes" that could be counted was further reduced because many Hungarian military officers who fought against the German occupiers or defected to the Soviets were convicted in political trials in the 1940s and 1950s.¹⁸

In this way, Hungarian soldiers could only be considered as victims or perpetrators. Interestingly, both Mátyás Rákosi and Gyula Háy gave detailed accounts of mass murder by the Hungarian occupying forces in their lectures to Hungarian soldiers who were taken prisoner of war by the Soviets during the war.¹⁹ However, the post-war Sovietization of Hungarian power and society did not address the issue of responsibility. Several factors contributed to this failure. On the one hand, neither the new Hungarian state power nor the Soviet Union had any interest in bringing the crimes against the Soviet population into the public consciousness, as this

15 NYIKOLAJ GYERZSALUK, „A magyar antifasiszták részvétele a frontpropagandában”, *Had-történeti Közlemények* 26, no. 3 (1979): 425–52.; PIHURIK JUDIT, „»Agitgránátok« – antifasiszta propaganda a szovjet hadifogolytáborokban”, *Múltunk* 65. no. 1 (2020) 35–58.

16 BARTHA ÁKOS, *Véres város. Fegyveres ellenállás Budapesten 1944–1945* (Budapest: Jaffa, 2021); SZAKÁLY SÁNDOR, „A katonai ellátási mozgalom Magyarországon a második világháború éveiben”, *Honvédségi Szemle* 41, no. 9. (September 1987): 12–19.

17 ILLÉS BÉLA, „Magyarok a Szovjet Hadseregben 1941–1945”, *Szabad Hazánkért* 3, no. 3–4 (March–April 1955): 10.

18 OKVÁTH IMRE (ed.), *Katonai perek a kommunista diktatúra időszakában, 1945–1958. Tanulmányok a fegyveres testületek tagjai elleni megtorlásokról a hidegháború kezdeti időszakában* (Budapest: Történeti Hivatal, 2001).

19 HÁY GYULA, *Partizánok tükre* (Moszkva: Idegennyelvű Irodalmi Kiadó, 1943); RÁKOSI MÁTYÁS, *A magyar jövőért* (Budapest: Szikra, 1945).

would have hindered the improvement of Hungarian-Soviet relations.²⁰ The case of the People's Court against Károly Sztatkovszky is a typical example of this attitude. The case against Sztatkovszky was brought because he was found with photographs in which he is seen standing with a "serene expression" next to hanging partisans. The Budapest People's Court did not convict him for war crimes, but he was convicted under Article 13 of the Law on the People's Court for "engaging in activities [...] which are conducive to obstruction of peace or cooperation among peoples after the war."²¹

On the other hand, the primary ideological basis for the post-war prosecution was that the perpetrators of war crimes committed their acts not only against specific victims but also against the Hungarian people. This is how a view was developed that separated responsibility for war crimes from the "Hungarian people" and defined it on a nationality or class basis.²² On the one hand, this has encouraged the perception, which has persisted until recent years, that Hungarian soldiers were more humane than Germans in their treatment of the population of the occupied territories. Only the writer Béla Illés, who had returned from the Soviet Union, held a contrary view in Hungarian public opinion.²³ On the other hand, a radical distinction was made between the responsibility borne by officers and conscripts. While officers were a burden to the new state power because of their social status and often German origins, privates were seen as the social base of the new regime. In this way, a worker or peasant could only commit crimes under the guidance of his commanders.

The conflict between officers and enlisted men was most visibly highlighted during the trial of Gusztáv Jány, the commander of the Hungarian 2nd Army. Due to the meaninglessness and the high casualties of the fighting around 1,500 kilometres away from the Hungarian border, the defeat of this army by the Don River (the so-called "Don Bend") became the

20 Cf. KRAUSZ TAMÁS, „Előszó: Az elhallgatott népiértés”, in *A magyar megszálló csapatok a Szovjetunióban. Levéltári dokumentumok 1941–1947*, ed. KRAUSZ TAMÁS, VARGA ÉVA MÁRIA (Budapest: L'Harmattan, 2013), 20–23.

21 Budapest Főváros Levéltára XXV.1.a 1530/1945. Budapesti Népbíróság ítélete Sztatkovszky Károly ügyében. 1945. július 18.

22 Cf. FÓRIS ÁKOS, „A Szovjetunió elleni háború képe a háború utáni felelősségre vonásban,” in *Háborúk és békék: hagyomány és megújulás a szláv népek történelmében és kultúrájában V. A 2015-ös tudományos felolvasóülés anyaga*, ed. SZABÓ TÜNDE, SZILI SÁNDOR (Szombathely: Szláv Történelmi és Filológiai Társaság, 2015), 78–91; UNGVÁRY, *Magyar megszálló csapatok*, 416–417.

23 E. g., ILLÉS BÉLA, „Voronyezstől Budapestig”, *Új Szó* 3, no. 9 (1947. január 12.; January 12, 1947), 1.

symbol of the Eastern Front after the war.²⁴ The former army commander personified the officers who sent their enlisted men to their deaths on the Eastern Front.²⁵ However, during the trials, there was no emphasis on the question of responsibility concerning the 2nd Army's actions against the civilian population, even when testimonies and documents revealed such activities.²⁶

However, the victim status of the Hungarian soldiers meant that public commemoration was not allowed, nor were monuments erected to the fallen Hungarian soldiers. This was because it was feared that the war against the Soviet Union would also be legitimized by commemorating the fallen soldiers. Thus, in the case of the crimes of the officers and the Germans, the ordinary soldiers were presented as victims, but the issue of the fallen soldiers remained taboo in public discourse until István Nemeskürty's *Requiem for an Army*, and no memorials were erected until the period of regime change.

Although former "Horthyist" officers were treated as class enemies and prosecuted for real war crimes and charges of espionage in the 1950s,²⁷ the role of the Hungarian Defense Forces in the Second World War was not dealt with in detail in the public sphere. The war against the Soviet Union came to the fore again in the 1950s and 1960s. In 1958, a collection of sources was published under the title "The Destruction of the 2nd Hungarian Army at the Don."²⁸ The importance of this book is shown by the fact that the foreword was written by Ferenc Münnich, Prime Minister of Hungary, and Péter Bokor directed a documentary film based

24 Cf. FÓRIS, ÁKOS "'The Sacrificed Army' – The Hungarian 2nd Army Between Memory and History", *Міжнародні зв'язки України: наукові пошуки і знахідки* 30 (2021): 304–324. <https://doi.org/10.15407/mzu2021.30.304>; OLASZ LAJOS, „A Don-kanyar és a történelmi emlékezet”, in *Hely, identitás, emlékezet*, ed. KESZEI ANDRÁS (Budapest: L'Harmattan, 2015), 419–441.

25 FÓRIS, "'The Sacrificed Army'", 313–314; Szabó Péter, *Magyarok a Don-kanyarban. A magyar királyi 2. honvéd hadsereg története (1942–1943)* (Budapest: Kossuth, 2019), 496–498; SZAKÁLY SÁNDOR: „Három dokumentum a 2. magyar hadsereg doni katasztrófájáról”, *Hadtörténelmi Közlemények* 28, no. 4 (1981): 638–642.

26 VARGA LÁSZLÓ, „Forradalmi törvényesség. Jogszolgáltatás 1945 után Magyarországon”, *Beszélő* 4, no. 11 (November 1999): 57–73.

27 PIHURIK JUDIT, „Katonadolog 1945–1962. A „horthysta katonatiszt:” bűnbak vagy ellenség?”, in *Bűnbak minden időben. Bűnbakok a magyar és az egyetemes történelemben*, ed. GYARMATI GYÖRGY, LENGVÁRI ISTVÁN, PÓK ATTILA, VONYÓ JÓZSEF (Pécs: Kronosz Kiadó, Magyar Történelmi Társulat, Állambiztonsági Szolgálatok Történelmi Levéltára, 2013), 456–72.; RAINER M. JÁNOS, *Századosok* (Budapest: Osiris Kiadó, 2018), 150–208.

28 HORVÁTH MIKLÓS (ed.), *A 2. magyar hadsereg megsemmisülése a Donnál* (Budapest: Zrínyi Katonai Könyv- és Lapkiadó, 1958).

on the documents in the book, entitled *Death Bend*.²⁹ Münnich saw the relevance of the book in the fact that the “counter-revolution of 1956” had shown that “the youth brought up since liberation” no longer knew “the immense crimes committed by the rulers of the counter-revolution.” These crimes were, however, committed not primarily against the Soviet Union but against the Hungarian people. In his interpretation, the Horthy regime had sent “tens of thousands of Hungarian workers, peasants and progressive intellectuals” to their deaths. Here we see the idea, later more widely disseminated by István Nemeskürty, that the Hungarian political and military leadership had the deliberate aim of killing opponents of the regime on the front line. This contrast is further underlined by the fact that, in Münnich’s interpretation, the Soviet forces also showed “mercy” towards the Hungarians, even at the cost of sacrificing their own soldiers.³⁰ Although the 2nd edition of the volume mentioned earlier was the first to report on the army’s anti-partisan fighting, it did not report on the crimes committed by Hungarian soldiers.³¹

In the end, the memory of the soldiers of the 2nd Army was not made a topic of public discussion by the book mentioned earlier, but by István Nemeskürty’s *Requiem for an Army*, written in 1972.³² The author basically followed the Jány trial and the narrative of Münnich in his book. The novel aspect of the book was that it presented the events from the point of view of the soldiers in the regiment, as well as the junior officers and reserve officers. Nemeskürty also drew a parallel with Mohács, i.e., he compared the consequences of the attack of January 1943 with the defeat in battle that brought about the fall of the medieval Hungarian state.³³ The soldiers serving in the “death-row army” were clearly victims of the Horthy regime. However, the book’s final chapter interpreted the defeat as part of a kind of salvation process, claiming that “the Don disaster was an unintended preparatory step in the building of the new Hungary.”³⁴ In this way, the fallen became martyrs of “the people’s Hungary,” and those who joined the resistance because of what happened at the Don thus qualified as heroes.

29 BERNÁTH LÁSZLÓ, „A doni halálkanyar. Kétszázézer magyar katona pusztulásáról készítenek filmet a „Boszorkánykőnyha „alkotói”, *Esti Hírlap* 5, no. 292 (December 5, 1960), 2.

30 HORVÁTH, A 2. *hadserég*, 5–8.

31 HORVÁTH MIKLÓS (ed.), *A 2. magyar hadserég megsemmisülése a Donnál*, 2nd ed. (Budapest: Zrínyi Katonai Könyv- és Lapkiadó, 1959), 351–368.

32 NEMESKÜRTY ISTVÁN, *Requiem egy hadserégért* (Budapest: Magvető, 1973).

33 *Ibid.* 263., 286–87.

34 *Ibid.* 288.

Nemeskürty's writing triggered an explosion of memories. It led to the publication of several memoirs and diaries in the 1970s and Sándor Sára's video interviews with Don veterans. The latter resulted in the 25-part documentary series called *Chronicle*. Although the traumas of war and persecution under the state socialist regime led many soldiers to keep specific issues taboo – such as individual heroism – Sándor Sára's work is still considered the most authentic step in the mental processing of the history of the Eastern Front. While the film nuanced many of the earlier findings, it focused on the victimhood of ordinary soldiers.³⁵

However, the discontinuation of the film series in the last decade of the socialist regime highlighted the limitations of memory policy. In the state party newspaper, János Berecz criticized the lack of attention given to the Soviets fighting for their homeland and the aggression against the Soviet population.³⁶ Major General Mihály Berki, as the chief officer of the Hungarian People's Army, condemned the film's excessive forbearance towards the "Horthy Army".³⁷

Complaints sent to the president of the state television company criticized the inclusion of contemporary film newsreels conveying an interpretation of the Horthy era and the discussion of the relationship between Hungarian soldiers and local women.³⁸ However, comments on the living conditions of the local population and the Stalinist regime or references to the mass deaths of Hungarians taken as prisoners of war by the Soviet Union went beyond the official interpretation of history. The section on the deployment of the 2nd Army was the first to deal in detail with the Hungarian soldiers' treatment of the local population.

Since the fall of the state socialist regime, we can no longer speak of a unified memory policy as in the preceding decades. This has not only led to a pluralism of memories but also to a lack of works and events that canonize the politics of memory. This is also because, with the collapse of the state socialist system, the focus shifted from the period before the Second World War and the attack against the Soviet Union to the consequences of the Second World War and how the Soviet presence changed from liberation to occupation. The past 30 years have given more

35 SÁRKÖZY RÉKA, „Lenyomatok. A Don kanyar emlékezetének filmes narratívája”, in *Bűvőpatakok – A feltárás*, ed. RAINER M JÁNOS (Budapest: 1956-os Intézet, 2012), 166–208.

36 BERE CZ JÁNOS, „A Don-kanyar krónikájához”, *Népszabadság* 41, no. 79 (April 3, 1983): 17.

37 BERKI MIHÁLY: „Példaképek? Ellenállók? Áldozatok?”, *Honvédelem* 34, no. 7 (1983): 92–7.

38 UNGVÁRY KRISZTIÁN (ed.), *A második világháború* (Budapest: Osiris: 2005), 665–668; SÁRKÖZY, “Lenyomatok”, 170.

significant space to the commemoration of fallen soldiers. Even so, such commemorative events recurrently generate unproductive debates about whether the soldiers who died on the Eastern Front died a heroic death for the nation or were sacrificed by the Horthy regime.

A new space for dealing with the past has been opened up by revelations concerning the crimes of the Hungarian Defense Forces on the Eastern Front. Péter Erdélyi's documentary film *Doni-tükör* [Mirror of the Don] approached the history of the 2nd Army not from the perspective of heroism or mourning, but from the local experience of the people living there. Here, the Hungarian soldiers were already seen as oppressors and perpetrators of atrocities. The documentary was not allowed to be broadcast on television – a gesture that showed resistance to the subject.³⁹ In the 2010s, the activities of the Hungarian occupation troops, previously only mentioned on the sidelines, came to the fore. Two historical works – a collection of sources edited by Tamás Krausz and Éva Mária Varga, and a monograph by Krisztián Ungváry – have generated interest beyond the narrow professional sphere. Although the debate between the authors of the two works about the Soviet partisan movement and its activities excited considerable controversy, both volumes highlighted the scale of the mass killings committed by the occupation troops.⁴⁰

Overall, despite the changes in political regimes, it is victimhood that is dominant in the representation of Hungarian soldiers. On the one hand, this reflects the loss suffered by Hungarian society; on the other hand, it is a part of avoiding responsibility. Overcoming the latter would be necessary in order to understand the history of the Second World War from a transnational perspective, leaving behind the frame of grievances and including the viewpoints of former enemies.

References

Budapest Főváros Levéltára (Budapest City Archives, Budapest)
Tsenral'nyi arkhiv Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii (Central Archives of the Russian Ministry of Defense, Podolsk)

39 SÁRKÖZY RÉKA, *Kinek a történelme? Emlékezet, politika, dokumentumfilm* (Budapest: Országos Széchényi Könyvtár, Gondolat Kiadó, 2018), 68–73.

40 KRAUSZ, VARGA, *A magyar megszálló csapatok*; UNGVÁRY, *Magyar megszálló csapatok*.

Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltár (Hungarian National Archives – National Archives of Hungary)

„A m. kir. belügyminiszter 1942. évi 28.282. számú rendelete, a hősi halottak emlékének megörökítéséről”, *Rendeletek Tára* 76 (1942): Bp. 974–975.

„24.364/el.n.22.-1942. számú körrendelet. A hősi halottak emlékének megörökítése”, *Honvédségi Közlöny* 69, no. 20. (May 5, 1942): 235.

„A m. kir. belügyminiszter 47.219/1943. B. M. rendelete. A hősi halottak emlékének megörökítéséről szóló 28.282/1942. B. M.1) számú rendelet hatályon kívül helyezése”, *Belügyi Közlöny* 49, no. 3 (January 16, 1944): 76–77.

„1942. évi XX. törvénycikk a hősi halált halt vitéz nagybányai Horthy István kormányzóhelyettes úr emlékének és a nemzet hálájának megörökítéséről”, in *1942. évi törvénycikkek*, ed. DEGRÉ MIKLÓS, VÁRADY-BRENNER ALAJOS (Budapest: Franklin Társulat, [1942/1943]), 161–164.

BARTHA ÁKOS, *Véres város. Fegyveres ellenállás Budapesten 1944–1945* [Bloody City: Armed Resistance in Budapest 1944–1945] (Budapest: Jaffa, 2021)

BERECZ JÁNOS, „A Don-kanyar krónikájához” [[A Comment] On the Chronicle of the Don Bend], *Népszabadság* 41, no. 79 (April 3, 1983): 17.

BERKI MIHÁLY: „Példaképek? Ellenállók? Áldozatok?” [Role Models? Resisters? Victims?] *Honvédelem* 34, no. 7 (1983): 92–7.

BERNÁTH LÁSZLÓ, „A doni halálkanyar. Kétszáz ezer magyar katona pusztulásáról készítenek filmet a »Boszorkánykonyha« alkotói” [The Don Death Bend: The Creators of *Boszorkánykonyha* Make a Film about the Deaths of Two Hundred Thousand Hungarian Soldiers], *Esti Hírlap* 5, no. 292 (December 5, 1960), 2.

FÓRIS ÁKOS, „Fotódokumentumok a magyar megszálló csapatok szovjet területeken elkövetett bűncselekményeiről” [Photographic Documents Relating to the Crimes Committed by the Hungarian Occupation Forces in the Soviet Territories], *Az antiszemitizmus történeti formái a cári birodalomban és a Szovjetunió területén*, ed. KRAUSZ TAMÁS, BARTA TAMÁS (Budapest: Russica Pannonicana, 2014): 341–343.

FÓRIS ÁKOS, „A megszállt szovjet területek kérdése a magyar polgári szerveknél” [The Issue of the Occupied Soviet Territories and the Hungarian Government Authorities], in *Az első világháború irodalmi és történelmi aspektusai a kelet-európai régióban*, ed. FODOR JÓZSEF PÉTER, MAROSI RENÁTA, MIKLÓS DÁNIEL, PÉRŐ KRISZTINA, SZABÓ ROLAND (Budapest: Trefort-kert Alapítvány, 2017), 63–83.

FÓRIS ÁKOS, „A Szovjetunió elleni háború képe a háború utáni felelősségre vonásban” [The Image of the War against the Soviet Union in Postwar Attempts to Apportion Responsibility], in *Háborúk és békék: hagyomány és megújulás a szláv népek történelmében és kultúrájában V. A 2015-ös tudományos felolvasóülés anyaga*, ed. SZABÓ TÜNDE, SZILI SÁNDOR (Szombathely: Szláv Történelmi és Filológiai Társaság, 2015), 78–91.

FÓRIS ÁKOS, „»A zsidó aranka a keresztény lucernán« – a dnyepropetrovskzi zsidóság megsemmisítésének magyar leírása” [“Jews are Cuscuta, Christians are Lucerne”: The Hungarian Depiction of the Extermination of Jews in Dnipropetrovsk], in *Holokauszt, csend, beszéd, emlékezet*, üzenet, ed. KELEMEN, ZOLTÁN (Szeged: Universitas Szeged Kiadó, 2019), 173–85.

FÓRIS ÁKOS “‘The Sacrificed Army’ – The Hungarian 2nd Army Between Memory and History”, *Mizhnarodni zv’yazky Ukrayiny: naukovi poshuky i znakhidky* 30 (2021): 304–324. <https://doi.org/10.15407/mzu2021.30.304>

GERŐ ANDRÁS, „Három az egyben: hősi halott, áldozat, felelős” [Three in One: Heroic Dead, Victim, Responsible Party], in *Hindu istenek, szíami tigrisek. Balogh András 70 éves*, ed. MAJOROS ISTVÁN, ANTAL GÁBOR, HÁDA BÉLA, HEVŐ PÉTER, MADARÁSZ ANITA (Budapest: ELTE BTK Új- és Jelenkori Egyetemes Történeti Tanszék, 2014), 177–194.

NYIKOLAJ GYERZSALUK, „A magyar antifasiszták részvétele a frontpropagandában” [The Participation of Hungarian Anti-Fascists in Frontline Propaganda], *Hadtörténeti Közlemények* 26, no. 3. (1979): 425–52.

GODÓ ÁGNES, SZTANA BÉLA, „»Nemzetnevelés« és »nemzetvédelem«. Horthysta törekvések a nemzet háborús felkészítésének erkölcsi-politikai biztosítása” [“National Education” and “National Defense”: Horthyist Efforts to Ensure the Moral and Political Preparation of the Nation for War], *Hadtörténelmi Közlemények* 12, no. 3 (1965), 451–481.

HÁY GYULA, *Partizánok tükré* [Mirror of Partisans] (Moszkva: Idegennyelvű Irodalmi Kiadó, 1943).

HORVÁTH MIKLÓS (ed.), *A 2. magyar hadsereg megsemmisülése a Donnál* [The Destruction of the 2nd Hungarian Army at the Don River] (Budapest: Zrínyi Katonai Könyv- és Lapkiadó, 1958).

HORVÁTH MIKLÓS (ed.), *A 2. magyar hadsereg megsemmisülése a Donnál*, [The Destruction of the 2nd Hungarian Army at the Don River] 2nd ed. (Budapest: Zrínyi Katonai Könyv- és Lapkiadó, 1959).

ILLÉS BÉLA, „Magyarok a Szovjet Hadseregben 1941–1945” [Hungarians in the Soviet Army 1941–1945], *Szabad Hazánkért* 3, no. 3–4. (March–April 1955): 10–11.

ILLÉS BÉLA, „Voronyezstől Budapestig” [From Voronezh to Budapest], *Új Szó* 3, no. 9 (1947. január 12.; January 12, 1947), 1.

KRAUSZ TAMÁS, „Előszó: Az elhallgatott népiirtás” [Foreword: The Silenced Genocide], in *A magyar megszálló csapatok a Szovjetunióban. Levéltári dokumentumok 1941–1947*, ed. KRAUSZ TAMÁS, VARGA ÉVA MÁRIA (Budapest: L’Harmattan, 2013), 7–44.

KRAUSZ TAMÁS, VARGA ÉVA MÁRIA (eds.), *A magyar megszálló csapatok a Szovjetunióban.: Levéltári dokumentumok 1941–1947*. [The Hungarian Occupation Troops: Archival Documents 1941–1947] (Budapest: L’Harmattan, 2013).

REINHART KOSELLECK, “Die Diskontinuität der Erinnerung” [The Discontinuity of Memory], *Deutsche Zeitschrift für Philosophie* 47, no. 2 (1999): 213–222. <https://doi.org/10.1524/dzph.1999.47.2.213>

MOLNÁR SIMON, „Konstruált katonatípusok a második világháború magyar sajtójában: Magyarországi időszak sajtó 1943. évi lapszámai alapján” [Constructed Soldier-Types in the Hungarian Press during the Second World War: Based on 1943 Issues of the Hungarian Periodicals], Szakdolgozat (Budapest: Zsigmond Király Egyetem Kommunikáció- és Művelődéstudományi Intézet, 2018) https://www.academia.edu/37331163/Konstru%C3%A1lt_katonat%C3%ADpusok_a_m%C3%A1sodik_vil%C3%A1gh%C3%A1bor%C3%BA_magyar_sajt%C3%B3j%C3%A1ban (Accessed 12.03.2021)

NEMESKÜRTY ISTVÁN, *Requiem egy hadseregért* [Requiem for an Army] (Budapest: Magvető, 1973).

OKVÁTH IMRE (ed.), *Katonai perek a kommunista diktatúra időszakában, 1945–1958. Tanulmányok a fegyveres testületek tagjai elleni megtorlásokról a hidegháború kezdeti időszakában* [Military Trials during the Communist Dictatorship, 1945–1958: Studies on Repression against Members of the Armed Forces in the Early Period of the Cold War] (Budapest: Történeti Hivatal, 2001).

OLASZ LAJOS, „A Don-kanyar és a történelmi emlékezet” [The Don Bend and Historical Memory], in *Hely, identitás, emlékezet*, ed. KESZEI ANDRÁS (Budapest: L’Harmattan, 2015), 419–441.

PIHURIK JUDIT, „»Agitgránátok« – antifasiszta propaganda a szovjet hadifogolytáborokban” [“Agit-Grenades” – Anti-Fascist Propaganda in Soviet Prisoner of War Camps], *Múltunk* 65. no. 1 (2020) 35–58.

PIHURIK JUDIT, „Katonadolog 1945–1962. A „horthysta katonatiszt:” bűnbak vagy ellenség?” [The “Horthyist Officer”: Scapegoat or Enemy? 1945–1962], in *Bűnbak minden időben. Bűnbakok a magyar és az egyetemes történelemben*, ed. GYARMATI GYÖRGY, LENGVÁRI ISTVÁN, PÓK ATTILA, VONYÓ JÓZSEF (Pécs: Kronosz Kiadó, Magyar Történelmi Társulat, Állambiztonsági Szolgálatok Történelmi Levéltára, 2013), 456–72.

PIHURIK JUDIT, *Naplók és memoárok a Don-kanyarból, 1942–1943*. [Diaries and Memoirs from the Don Bend 1942–1943] (Budapest: Napvilág, 2015).

RAINER M. JÁNOS, *Századosok* [Captains] (Budapest: Osiris Kiadó, 2018).

RÁKOSI MÁTYÁS, *A magyar jövőért* [For the Hungarian Future] (Budapest: Szikra, 1945).

SÁRKÖZY RÉKA, *Kinek a történelme? Emlékezet, politika, dokumentumfilm* [Whose History? Memory, Politics, Documentary Films] (Budapest: Országos Széchényi Könyvtár, Gondolat Kiadó, 2018), 68–73.

SÁRKÖZY RÉKA, „Lenyomatok. A Don kanyar emlékezetének filmes narratívája” [Impressions: The Cinematic Narrative of the Memory of the Don Bend], in *Búvópatakok – A fel-tárás*, ed. RAINER M. JÁNOS (Budapest: 1956-os Intézet, 2012), 166–208.

SINKÓ KATALIN, „A nemzeti emlékmű és nemzeti tudat változásai” [Changes to National Monuments and in the National Consciousness], *Művészettörténelmi Értesítő* 32. no. 4 (1983): 185–201.

SZABÓ PÉTER, *Magyarok a Don-kanyarban. A magyar királyi 2. honvéd hadsereg története* [Hungarians at the Don Bend: A History of the Hungarian Royal 2nd Army (1942–1943)] (Budapest: Kossuth, 2019).

SZAKÁLY SÁNDOR, „Három dokumentum a 2. magyar hadsereg doni katasztrófájáról” [Three Documents Relating to the 2nd Hungarian Army’s Disaster at the Don], *Hadtörténelmi Közlemények* 28, no. 4 (1981): 638–642.

SZAKÁLY SÁNDOR, „A katonai ellenállási mozgalom Magyarországon a második világháború éveiben” [The Military Resistance Movement in Hungary during the Second World War], *Honvédségi Szemle* 41, no 9. (September 1987): 12–19.

SZÓTS ZOLTÁN OSZKÁR, *Az első világháború az 1945 előtti magyar történetírásban: Nézőpontok, műfajok, intézmények* [Interpretations of the First World War in Pre-1945 Hungarian Historiography: Viewpoints, Genres, Institutions] (Pécs: Kronosz, 2020), 170–185.

TANGL BALÁZS, „Ezredideológiák és ezredkultúrák a cs. (és) kir. hadseregben” [Regimental Ideologies and Regimental Cultures in the Imperial (and) Royal Army], *Hadtörténelmi Közlemények* 129, no. 3 (2016): 674–78.

TURBUCZ DÁVID, „Horthy Miklós vezérkultusza és a háborús propaganda” [The Leader Cult of Miklós Horthy and War Propaganda], in *1944/1945: Társadalom a háborúban: Folytonosság és változás Magyarországon*, ed. BÓDY ZSOMBOR, HORVÁTH SÁNDOR (Budapest: MTA BTK TTI, 2015).

UNGVÁRY KRISZTIÁN, *Magyar megszálló csapatok a Szovjetunióban 1941–1944. Esemény – elbeszélés – utóélet* [The Hungarian Occupation Troops in the Soviet Union, 1941–1944: Event – Narrative – Afterlife] (Budapest: Osiris Kiadó, 2015).

UNGVÁRY KRISZTIÁN (ed.), *A második világháború* [The Second World War] (Budapest: Osiris, 2005).

VARGA LÁSZLÓ, „Forradalmi törvényesség. Jogszolgáltatás 1945 után Magyarországon” [Revolutionary Legality: The Administration of Justice in Hungary after 1945], *Beszélő* 4, no. 11 (November 1999): 57–73.

VIGH KÁROLY, „Bajcsy-Zsilinszky Endre és a »hideg napok«” [Endre Bajcsy-Zsilinszky and “the Cold Days”], *Történelmi Szemle* 11, no. 1–2 (1968) 81–103.

Essays

Статьи

Tanulmányok

A. M. KLEIMOLA

THE MOSKVA-PHOBIA OF ANNA KOLTOVSKAIA¹

Anna Koltovskaia, briefly Ivan IV's fourth wife in 1572, was sent off to spend her remaining fifty-four years in a convent. She retained her title and state support, as did other discarded royal women, but unlike her counterparts she grasped opportunities to remove herself more and more from contact with court life and devoted her last decades to fulfilling her vow to rebuild the Tikhvin Vvedenskii convent.

Keywords: Anna Koltovskaia, Ivan IV, Mikhail Romanov, Tikhvin Vvedenskii convent, Pokrovskii convent, Goritskii Resurrection convent, Ustiuzhna

Ann Kleimola – Professor Emerita of History at the University of Nebraska. Email: rintintin996@yahoo.com

¹ With gratitude for their assistance to the Center for Russian, East European and Eurasian Studies, University of Illinois, the University of Illinois Libraries, and the University of Illinois Slavic Reference Service.

Citation: A. M. KLEIMOLA, "The Moskva-Phobia of Anna Koltovskaia", *RussianStudiesHu* 4, no. 2 (2022): 10 pp. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2022.4.20

Anna Alekseevna Koltovskaia (1550s?–1626), Ivan IV's fourth wife, remains an elusive figure. Her name appears infrequently in surviving Muscovite sources. We know nothing about her early life, little more about her selection as a royal bride, her marriage, or why the tsar decided after a few months that her probably unexpressed wish to enter a convent had been granted. The experience was unlikely to have left her with fond memories of Moscow or the court, and this seems to be reflected in her grasping opportunities to distance herself further and further from the capital. In later life she came into her own as the remarkably successful patron of the Tikhvin Vvedenskii convent. She rebuilt her community after it was destroyed during the Time of Troubles, in the process carving out for herself a life very different from that of other royal women dispatched into religious life.

Anna was the daughter of a Kolomna provincial cavalryman who died in the 1550s fighting the Crimean Tatars. She perhaps came to the court's attention as a runner-up in the bride-show which preceded Ivan's marriage to Marfa Sobakina on 28 October 1571. Marfa died on 13 November, and by spring the tsar requested ecclesiastical permission for an uncanonical fourth marriage. His marriage to Anna took place sometime before May 31, and on June 1 the couple left for Novgorod.²

Anna apparently had been raised in the provinces, had no relatives at court or in the capital, and no one to help her navigate her new role. Suddenly she was married to a complex autocrat twice her age, surrounded by a court that included Ivan's sons, more distant relatives, kin of her predecessors Marfa Sobakina and Mariia Temriukovna, her own brother, uncle, and cousins, and royal favorites including the Godunovs and B. Ia. Bel'skii, Maliuta Skuratov's nephew. The marriage evidently was rocky from the beginning. Anna apparently had no idea of what was expected of a tsaritsa. In contrast to her predecessors, she is not recorded as having given any gifts or donations to the churches and monasteries they visited, while the tsar made generous donations in memory of his first three wives. She was not included when Ivan visited the Iur'ev Monastery and was allowed to pray in St. Sophia's only at night. Ivan departed for the

2 L. E. MOROZOVA, *Zhenshchiny i vlast' v Moskovskom tsarstve XV-nachala XVII v.* (Moscow: Akademicheskii proekt; fond "Mir," 2018), 284–86; RUSSELL MARTIN, *A Bride for the Tsar: Bride-Shows and Marriage Politics in Early Modern Russia* (DeKalb: Northern Illinois University Press, 2012), 139–40. <https://doi.org/10.1515/9781501756658> No wedding description has survived.

capital on August 15, after learning about the Muscovite victory over the Tatars at Molodi, leaving Anna to follow. That fall the marriage was over.³

Anna became the nun Dar'ia, but surviving sources give no reason for the divorce or information about her tonsure. Some historians have concluded that she took her vows at the small northern Tikhvin Vvedenskii convent,⁴ but more probably Dar'ia followed earlier royal discards to the Pokrov Convent in Suzdal'. The testament of the Pokrov nun Aleksandra, widow of Vasilii Petrovich Iakovl' (Iakovlev), dated September-October 11, 1574, possibly attests to her presence. Aleksandra bequeathed a silver reliquary cross to "the tsaritsa," unnamed, and a silver reliquary panagia to "the appanage princess."⁵ If the bequests were to sisters at the convent, Dar'ia is the most likely "tsaritsa" candidate. The alternative possibility, tsarevich Ivan Ivanovich's first wife Evdokiia Saburova, may not have arrived in Suzdal' until 1575.⁶ Dar'ia's successor Anna Vasil'chikova married Ivan in 1574/75, probably in January 1575, and was sent to Pokrov sometime before her death in 1577.⁷ The "appanage princess" was probably Vladimir Staritskii's first wife.⁸ In any case, Dar'ia was in Suzdal' in 1584 when Ivan IV died, living in a religious community that was closely tied to the court.

Perhaps sensing a change of attitude in Moscow, Dar'ia petitioned tsar Fedor to allow her to move to the Goritskii Resurrection convent in Beloozero. Fedor ordered transport for her,⁹ and a royal charter dated 16 May 1586 granted the village Nikol'skoe to Tsaritsa Dar'ia, Abbess Dar'ia, and the sisters.¹⁰ Her grant was part of a pattern. Royal women consigned to religious life retained not only their titles but a claim on state support. In 1587 Fedor conferred the village Berezhki in Suzdal' province upon the

3 MOROZOVA, *Zhenshchiny*, 288–290.

4 See MARTIN, *A Bride*, 141; IAKOV I. BEREDNIKOV, "Kratkoe izvestie o Tikhvinskom Vvedenskom monastyre," *Syn Otechestva*, no. 16 (1832): 77–78. Berednikov does not discuss Dar'ia's vows, but notes her arrival at Tikhvin only between 1598 and 1604.

5 *Akty Pokrovskogo Suzdal'skogo devich'ego monastyria XVI–nachala XVII veka* [hereafter APSDM], ed. A. V. ANTONOV, A. V. MASHTAFAROV (Moscow: Fond Sviaz' Epokh, 2019), 97, no. 75.

6 According to Martin, most assume Saburova was repudiated in 1575; others conclude 1572; MARTIN, *A Bride*, 136–37.

7 See MARTIN, *A Bride*, 146, 151–52.

8 Tonsured c. 1555, died at Pokrov c. 1597; E. Iu. KATASONOVA, "Chetyre pokrova kontsa XVI v. iz masterskoi Suzdal'skogo Pokrovskogo monastyria," *Ubrus. Tserkovnoe shit'e: istoriia i sovremennost'*, no. 17–18 (June, December 2012): 35–37.

9 APSDM, 152, no. 129.

10 *Akty istoricheskie* [hereafter AI], 5 vols. (St. Petersburg: v tip. II otd-niia sobstvennoi E. I. V. Kantseliarii, 1841–1842), I: 411–14, no. 217.

Pokrov nun Aleksandra, the first wife of Tsarevich Ivan.¹¹ When Mariia Vladimirovna, daughter of Vladimir Staritskii, widow of “King” Magnus of Livonia, was lured back to Muscovy, she was made the nun Marfa, sent to the Podsosenskii Bogoroditskii convent near the Trinity-Sergius monastery in 1588, and granted the Suzdal’ village Lezhnevo.¹²

Dar’ia moved again early in the Time of Troubles (Smuta), putting even more distance between herself and the court. The Goritskii convent chronicle briefly notes a number of royal women who were transferred in and out about the turn of the century: Ivan Ivanovich’s widows Aleksandra and Praskov’ia, Ivan IV’s last wife Mariia Nagaia, Marfa Nikitichna Cherkasskaia with her nephew, the future tsar Mikhail Romanov, and possibly Mikhail’s mother, the nun Marfa.¹³ Goritsy’s location on the Sheksna brought heavy river traffic and also travellers going to and from the huge Kirillo-Belozerskii monastery, which was closely tied to the capital. Dar’ia petitioned Boris Godunov for permission to move to the Tikhvin Vvedenskii convent, vowing to rebuild the community, which was short of provisions and staff after the three-year famine of 1601-03 and had lost its former votchina holdings to the neighboring Uspenskii monastery. Godunov gave permission and in a grant of 22 July 1604 restored the convent’s lands.¹⁴ Two of Dar’ia’s nieces, Princesses Leonida and Aleksandra, daughters of Grigorii Gagarin, came to join her in the convent.¹⁵ The tsaritsa apparently went to Moscow in 1607,¹⁶ probably seeking assistance in dealing with the consequences of the Smuta. On 16 February 1608 tsar Vasilii Shuiskii reconfirmed the grant previously issued by Fedor and Boris Godunov.¹⁷

The Swedish occupation of Novgorod in 1611 brought war closer, and in June 1613 Tikhvin was occupied. On 14 September the convent burned down.

11 APSDM, 178–79, no. 160, and 193–94, no. 179.

12 V. V. ZVERINSKII, *Material dlia istoriko-topograficheskogo issledovaniia o pravoslavnykh monastyrakh v Rossiiskoi imperii 3* (St. Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i Komp, 1897), 198, no. 2182; Iu. D. RYKOV, “Potomki kniazia Vladimira Andreevicha Staritskogo i sud’ba ego docheri Marii (v inochestve—Marfy), korolevy Livonskoi,” *Rossiiskaia genealogiia* 8 (2020): 29–30.

13 See “Letopis’ Goritskogo monastyrja,” in Kirillov: *Istoriko-literaturnyi al'manakh 1* (Vologda: “Rus’,” 1994) (<https://www.booksite.ru/fulltext/kir/ill/ov1/17.htm>, accessed 21 August 2021).

14 *AI* 2, no. 49.

15 MOROZOVA, *Zhenshchiny*, 291. Leonida died 7 May 1675; her will is in the archives of the Russian State Library: Rossiiskaia gosudarstvennaia biblioteka. OR F. 178. 1 k. 10996 ed. 9.

16 The text of her *podorozhnaia* (explanation) is in the Russian State Archives; RGADA. F 141, Op. 1, 1606, No. 1, L. 10.

17 *AI* 1, no. 217.

Dar'ia and the sisters had to flee to forest dug-outs. Russian troops liberated Tikhvin quickly, but the convent was gone.¹⁸ Fortunately for Dar'ia and her community, the new tsar, Mikhail Romanov, and especially his mother, the nun Marfa Ivanovna, were well disposed toward them. Marfa herself knew such conditions first-hand, having been forcibly tonsured in Godunov's reign and exiled north of Lake Onega.¹⁹ The tsar may have been generous because of his mother's experiences; Marfa may have found it useful to support childless relatives of the previous dynasty who were not a threat; and Dar'ia, as Isolde Thyrêt pointed out, "carefully manipulated her prestige as tsaritsa to further the fortunes" of her convent.²⁰ Over the next decade the Romanovs' campaign to "claim their heritage" as alleged descendants of the old dynasty gave added reason to provide for "their grandfather's" widow.

Dar'ia and the sisters were transferred to the neighboring small northern mining town Ustiuzhna-Zhelezopol'skaia, which had supported several royal widows: the wife of Ivan IV's brother Iurii, the last wife of Tsarevich Ivan Ivanovich and Ivan IV's last wife (Mariia Nagaia).²¹ Dar'ia's predecessors had enjoyed the income but lived in Moscow convents; Dar'ia, in contrast, intended to build a refuge for her community in Ustiuzhna.²² The tsar directed local officials to arrange accommodations for the Tsaritsa and her people,²³ and awarded her the village Nikiforovskoe for her lifetime, but she was not to bequeath it to relatives or donate it to the convent for memorial prayers.²⁴ At the end of 1614 she wrote to boyar B. M. Saltykov, the tsar's cousin, complaining that local authorities had not allocated the space she needed for cells, housing for her servitors, and outbuildings for household needs.²⁵ She called on him again in 1615 to intercede with the

18 *Novgorodskiiia letopisi: tak nazvannia Novgorodskaia vtoraiia i Novgorodskaia tret'ia lietopisi*, ed. A. F. ВУЧКОВ (St. Petersburg: Izd. Arkheograficheskoi kommissii, 1879), 2: 363–73, 432–33.

19 *AI* 3, no. 41.

20 ISOLDE THYRÊT, "The Royal Women of Ivan IV's Family and the Meaning of Forced Tonsure," in *Servants of the Dynasty: Palace Women in World History*, ed. ANNE WALTHALL (Berkeley, Los Angeles and London: University of California Press, 2008), 163–64. <https://doi.org/10.1525/california/9780520254435.003.0008>

21 MOROZOVA, *Zhenshchiny*, 291–92.

22 *Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udelnykh kniaziei XIV-SVI vv.* (Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1950), 443, no. 104, p. 443.

23 *Ukaznye gramoty gorodovym voevodam i prikaznym liudiam 1613-1626 gg.* [hereafter UGGV], ed. I. V. PUGACH (Moscow: Izdatel'stvo "Krug", 2012), 13, no. 26.

24 *AI* 3, no. 41.

25 IA. I. BEREDNIKOV, "Pis'ma 4-i supругi Ivana Vasil'evicha Groznogo boiarinu Saltikovu," *Syn Otechestva* 32 (1829): 333–46.

tsar and his mother for help in overcoming the foot-dragging of Ustiuzhna officials.²⁶

In addition to lodgings, the tsar granted Dar'ia additional support. A memo of 29 December 1613 ordered local officials in Ustiuzhna to give her a monetary payment of 30 rubles and to purchase her annual supplies: 5 *grivenki*²⁷ of pepper, 10 *puds*²⁸ of spring honey, 16 long sturgeons, 2 barrels of pike, a cask of German herring, 2 *puds* of caviar in woven wood containers, 13 *cheti* of cracked wheat, 6 *cheti* of fine rye flour, 40 *cheti* of ordinary rye flour, 3 *cheti* of buckwheat groats, 3 *cheti* of oatmeal, a *chetvert'* of red winter wheat, 3 *cheti* of hemp seeds, 3 *cheti* of peas, 4 *cheti* of gluten-free oat flour, 10 *cheti* of oat flour, 10 *cheti* of barley malt, and 5 *cheti* of rye malt.²⁹ The list of provisions is comparable to Ivan IV's grant of everyday supplies for the nuns who accompanied Evfrosin'ia Staritskaia to Goritsy after her tonsure; but Dar'ia did not receive the luxury foods, spices, and wines that Ivan had specified for celebrations of church holiday feasts at Goritsy.³⁰ On 23 July 1614 the Ustiuzhna officials were ordered to send to Moscow records of their income and expenditures, tavern and customs revenues, and a record of revenues, expenses, and arrears from 1613/14. They were reminded that they were responsible for paying for firearms manufactured in Ustiuzhna, the tsaritsa's household, and salaries for the *strel'tsy*.³¹ In April 1615 the tsar again wrote to Ustiuzhna, noting that Dar'ia, the widow of "our grandfather of blessed memory" (a reference to the Romanovs' alleged relationship to Ivan IV, serving to build legitimacy through fictive direct descent from the old dynasty), had petitioned him regarding non-payment of her annual grant for 1614/15.³² He wrote yet again on 18 August, after another petition from Dar'ia about non-payment. On 1 January 1616 Mikhail once more ordered his local officials to take care of the tsaritsa. Dar'ia had petitioned that despite his two previous decrees she had still not received her allotment for 1614/15. They were to give it to her in full for the current year, 1615/16, and report to Moscow when the

26 BEREDNIKOV, "Pis'ma," 334–37, 341 n. 1; THYRËT, "Royal Women," 164–65.

27 A *grivenka* equals one Troy pound, approximately 0.82 aivoirdupois pound and 0.373 kilogram.

28 A *pud* was 36 pounds, a *chet/chetvert'* six *puds*, 216 pounds.

29 *Ukaznye gramoty*, 28, No. 60.

30 On the Goritsy provisions see ANN KLEIMOLA, "The Road to Beloozero: Ivan IV's Reconciliation with the 'Devil in a Skirt,'" *Russian History* 42, no. 1 (2015): 64–81. <https://doi.org/10.1163/18763316-04201007>

31 *UGGV*, 23, no. 48.

32 *UGGV*, 26, no. 56.

delivery was complete.³³ Dar'ia had to petition again in 1620; in response Tsar Mikhail on 12 February 1620 ordered the Ustiuzhna officials to give the tsaritsa her monetary grant and provisions for 1619/20 and in accord with her request to provide transport and an escort to take her to her Tikhvin convent.³⁴ After she returned to Tikhvin, the Ustiuzhna authorities were to give her an additional 167 rubles, 14 altyns and 4 den'gi³⁵ instead of buying her provisions for her. On 10 January 1624 the tsar yet again had to remind the Ustiuzhna authorities to pay the tsaritsa's subsidy.³⁶ Dar'ia thus encountered recurring difficulties in obtaining the promised support.

Delays in payment and the tsar's repeated efforts to press local officials were undoubtedly connected with the problems besetting gun production in Ustiuzhna. During the Smuta the local metallurgical industry had fallen on hard times as smiths dispersed, materials became expensive and scarce, and guns cost more to make than the government was willing to pay. Moscow fell back on force. In 1615 the voevoda was threatened with being held personally responsible. He petitioned, citing rising costs and only three working smiths in town; the others were in jail, on *pravezh*, being flogged with rods for refusing to work.³⁷ Similar orders and threats continued in 1616 and 1617. The price rose from 20 altyns per gun to 30.³⁸ The authorities were undoubtedly hard pressed to cover these costs along with salaries, payments to the strel'tsy, and other obligations in addition to Dar'ia's grant.

Despite all obstacles Dar'ia proved herself a competent administrator and Tikhvin recovered. Beginning about 1617, or perhaps earlier, Dar'ia had a running dispute with local elected officials in the Ustiuzhna urban settlement (*posad*) over residents the officials claimed were tax-payers and Dar'ia said were peasants registered on her land.³⁹ The dispute reflects the problems arising from depopulation during the Smuta and efforts on both sides to retain dues-paying workers. After numerous petitions

33 UGGV, 29–30, no. 64.

34 UGGV, no. 152, pp. 67–68.

35 The ruble, *altyn* and *den'ga* were monetary counting units. A ruble equalled 100 Novgorodian or 200 Moscow *den'gi*, while an *altyn* equalled six *den'gi*.

36 UGGV, 114, no. 244.

37 UGGV, 24–26, nos. 52–55, 57; see also I. V. PUGACH, "Ustiuzhna Zhelezopol'skaia v XVI–XVII vekakh," in *Ustiuzhna: Kraevedcheskii al'manakh* 5 (Vologda: "Legiia," 2002), before note 181, and 6 (Vologda: "Legiia," 2002), before note 20 [www.booksite.ru Accessed 17 February 2021].

38 UGGV, 45, no. 101; 36, no. 79; 39, no. 86; 40, no. 88.

39 UGGV, 40–41, no. 89.

and counter-petitions the matter was finally resolved in 1623 and Dar'ia's peasants were returned.⁴⁰

The tsaritsa went to court on behalf of her peasants as well. In 1617 she petitioned Moscow on behalf of her people who were accused of stealing livestock and horses.⁴¹ In 1618 Dar'ia's gentry servitor (*syn boiarskii*) Never Zabelin brought suit against a group of town residents, claiming that in 1616/17 they had borrowed 76 rubles for trading activities from his lady's peasants, a short-term loan without a promissory note. The debt had not been repaid, and Zabelin requested that the borrowers be put on bond and sent to Moscow for trial.⁴² Dar'ia herself was solidly entrenched in the "interlocking webs of credit and debt" characteristic of Early Modern communities. In these societies "balanced precariously on a fragile web of credit," people took their debt obligations seriously, listing the money they owed in their wills.⁴³ Muscovite testators likewise gave the matter considerable attention, listing both what they owed ("give to") and what others owed them ("take from").⁴⁴ In her 1626 testament Dar'ia listed loans made "to my peasants because of their poverty" and to others, 120 rubles to 13 people, to be collected by her executors for the Vvedenskii convent treasury.⁴⁵

In her last years the Romanovs treated her as an honored member of the family. In May 1623 she received a gift of a gilded silver bowl with a goblet, ten *arshiny* (1=28 inches) of velvet and patterned silk, forty sables and 100 rubles.⁴⁶ The court dispatched her relatives to bring her gifts in celebration of royal weddings. At the end of September 1624 D. Koltovskii brought her gifts from Mikhail's marriage to Mariia Vladimirovna Dolgorukaia and in February 1626 Prince D. Gagarin brought presents from the tsar's second marriage to Evdokiia Luk'ianovna Streshneva.⁴⁷

40 UGGV, 106–07, no. 231.

41 BEREDNIKOV, "Pis'ma," 338–41; THYRËT, "Royal Women," 164–65.

42 UGGV, 45–46, no. 103.

43 See EMILY KADENS, "Pre-Modern Credit Networks and the Limits of Reputation," *Iowa Law Review* 100, no. 6 (2015): 2429–55.

44 See DANIEL KAISER, "Forgive us our Debts: Debts and Debtors in Early Modern Russia," *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* 50 (1995): 155–83.

45 IA. A. BEREDNIKOV, "Dukhovnoe zaveshchanie chetvertoi suprugii tsaria Ioanna Vasil'e-vicha," *Syn Otechestva*, no. 5 (1829): 266.

46 A. V. MASHTAFAROV, "Dariia," in *Pravoslavnaia entsiklopediia* 14 (Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnaia entsiklopediia, 2006): 199–201, citing RGADA. F. 396. Oruzheinaia palata. P. 2. No. 208-A. L. 394ob–396.

47 MASHTAFAROV, "Dariia," 199–201; *Dvortsovye razriady*, 2 vols. (St. Petersburg: v tip. II Otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskago Velichestva Kantseliarii, 1850–1851), 1: 774;

It is likely that Tsar Mikhail's mother offered Dar'ia a place in one of the Moscow convents, as she had for others,⁴⁸ but the tsaritsa remained at Tikhvin and successfully rebuilt her community, providing cells for the sisters and restoring the granary, mill, stable and cowshed, along with residences for priests and servants.

In her March 1626 testament, Dar'ia designated donations to 19 monasteries and churches (all in the North: Solovki, Beloozero, Novgorod, and the Tikhvin area) for memorial prayers, setting aside 30 rubles for her burial service, commemoration, and alms to the poor. She bequeathed the land and fisheries granted her by the tsar to the convent, despite the prohibition in the charters, and on June 29, shortly after her death in May, Tsar Mikhail and his father Patriarch Filaret approved the property transfer "for the sake of her soul."⁴⁹ Dar'ia called the Tikhvin Vvedenskii convent her *obeshchanie*, the community she had vowed to protect, and she kept her promise. It was a project to which she devoted years of her life. At the same time, it gave her life a purpose and enabled her to make use of her talents and abilities. Hers was a life well lived, and she did it her way.

References

Akty istoricheskoe, 5 vols. [Historical Acts. 5 vols.] (St. Petersburg: v tip. II otd-niia sobstvennoi E. I. V. Kantseliarii, 1841–1842).

Akty Pokrovskogo Suzdal'skogo devich'ego monastyria XVI–nachala XVII veka [Acts of the Convent of the Intercession (Pokrovsky Monastery) of the 16th – Early 17th Centuries], ed. A. V. ANTONOV, A. V. MASHTAFAROV (Moscow: Fond Sviaz' Epokh, 2019).

IA. A. BEREDNIKOV, "Dukhovnoe zaveshchanie chetvertoi suprugii tsaria Ioanna Vasil'evicha", [Spiritual Testament of the Fourth Wife of Tsar Ivan Vasilyevich], *Syn Otechestva*, no. 5 (1829): 266.

IAKOV I. BEREDNIKOV, "Kratkoe izvestie o Tikhvinskom Vvedenskom monastyre", [Brief Information about the Tikhvin Vvedensky Monastery], *Syn Otechestva*, no. 16 (1832): 77–78.

IA. I. BEREDNIKOV, "Pis'ma 4-i suprugii Ivana Vasil'evicha Groznogo boiarinu Saltikovy", [Letter from the 4th Wife of Ivan Vasil'evich the Terrible to the Boyar Saltikova], *Syn Otechestva* 32 (1829): 333–46.

Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udelnykh kniazei XIV–XVI vv. [Spiritual and Contractual Charters of the Great and Appanage Princes of the 14–16th Centuries] (Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1950).

THYRËT, "Royal Women," 165–66. Dar'ia's run-ins with Ustiuzhna residents perhaps are behind the difficulties, leading to robbery and beatings, that Dmitrii Koltovskii suffered when trying to arrange transport back to Moscow after visiting Tikhvin; see UGGV, 136, no. 285, and 138, no. 290.

48 MOROZOVA, *Zhenshchiny*, 292–93.

49 BEREDNIKOV, "Dukhovnoe zaveshchanie"; *AI* 3, no. 142; THYRËT, "Royal Women," 166–67.

Dvortsovye razriady, 2 vols. [Palace Ranks, 2 vols.] (St. Petersburg: v tip. II Otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskago Velichestva Kantseliarii, 1850–1851).

EMILY KADENS, “Pre-Modern Credit Networks and the Limits of Reputation”, *Iowa Law Review* 100, no. 6 (2015): 2429–55.

DANIEL KAISER, “Forgive us our Debts: Debts and Debtors in Early Modern Russia”, *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* 50 (1995): 155–83.

E. Iu. KATASONOVA, “Chetyre pokrova kontsa XVI v. iz masterskoi Suzdal’skogo Pokrovskogo monastyria”, [Four Covers of the Late 16th Century from the Workshop of the Suzdal Intercession Monastery] *Ubrus. Tserkovnoe shit’e: istoriia i sovremennost’*, no. 17-18 (June, December 2012): 35–37.

ANN KLEIMOLA, “The Road to Beloozero: Ivan IV’s Reconciliation with the ‘Devil in a Skirt’”, *Russian History* 42, no. 1 (2015): 64–81. <https://doi.org/10.1163/18763316-04201007>

“Letopis’ Goritskogo monastyria,” [Chronicle of the Goritsky Monastery] in *Kirillov: Istoriko-literaturnyi al’manaxh* 1 (Vologda: “Rus’,” 1994) (<https://www.booksite.ru/full-text/kir/ill/ov1/17.htm>, accessed 21 August 2021).

A. V. MASHTAFAROV, “Dariia”, [Daria] in *Pravoslavnaia entsiklopediia* 14 (Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr “Pravoslavnaia entsiklopediia, 2006): 199–201.

L. E. MOROZOVA, *Zhenshchiny i vlast’ v Moskovskom tsarstve XV-nachala XVII v.* [Women and Power in the Muscovy of the 15th–Early 17th Centuries] (Moscow: Akademieskii proekt; fond “Mir,” 2018), 284–86.

RUSSELL MARTIN, *A Bride for the Tsar: Bride-Shows and Marriage Politics in Early Modern Russia* (DeKalb: Northern Illinois University Press, 2012), 139–40. <https://doi.org/10.1515/9781501756658>

Novgorodskii letopisi: tak nazvannia Novgorodskaia vtoraiia i Novgorodskaia tret’ia letopisi, [Novgorod Chronicles: So Are the Names of the Second Novgorod and Third Novgorod Chronicles] ed. A. F. BYCHKOV (St. Petersburg: Izd. Arkheograficheskoi kommissii, 1879).

I. V. PUGACH, “Ustiuzhna Zhelezopol’skaia v XVI-XVII vekakh” [Ustyuzhna Zhelezopol’skaya in the 16th–17th Centuries] in *Ustiuzhna: Kraevedcheskii al’manaxh* 5 (Vologda: “Legiia,” 2002), before note 181, and 6 (Vologda: “Legiia,” 2002), before note 20 [www.booksite.ru Accessed 17 February 2021].

Russian State Archives of Ancient Documents, F 141, F. 396.

Iu. D. RYKOV, “Potomki kniazia Vladimira Andreevicha Staritskogo i sud’ba ego docheri Marii (v inochestve—Marfy), korolevy Livonskoi”, [Descendants of Prince Vladimir Andreevich Staritsky and the Fate of his Daughter Maria (in monasticism – Martha), Queen of Livonia] *Rossiiskaia genealogiia* 8 (2020): 29–30.

ISOLDE THYRËT, “The Royal Women of Ivan IV’s Family and the Meaning of Forced Tonsure”, in *Servants of the Dynasty: Palace Women in World History*, ed. ANNE WALTHALL (Berkeley, Los Angeles and London: University of California Press, 2008), 163–67. <https://doi.org/10.1525/california/9780520254435.003.0008>

Ukaznye gramoty gorodovym vovodam i prikaznym liudiam 1613–1626 gg. [Decree Letters to City Governors and Clerks of 1613–1626], ed. I. V. PUGACH (Moscow: Izdatel’stvo “Krug”, 2012).

V. V. ZVERINSKII, *Material dlia istoriko-topograficheskogo issledovaniia o pravoslavnykh monastyriakh v Rossiiskoi imperii* 3 [Material for Historical and Topographic Research on Orthodox Monasteries in the Russian Empire 3] (St. Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i Komp, 1897).

ENDRE SASHALMI

THE LATE-EIGHTEENTH-CENTURY EUROPEAN BALANCE OF POWER AND RUSSOPHOBIA IN THE ENGLISH MEDIA: THE OCHAKOV CRISIS (1791)¹

This study intends to show how Russophobia was presented in English visual and written media through the lens of the most important political doctrine of 18th-century foreign policy: the idea of the balance of power. Using the Ochakov crisis (1791) as a case study, it analyses the most relevant satirical prints pertinent to this issue and explains their iconography. Special emphasis is placed on the representation of Russia as a bear, as well as Catherine II's depiction in the guise of a bear or with the features of a bear. In addition to the visual sources mentioned, an interesting segment of the written media is examined to show how Russophobia surfaced in the articles of a popular magazine.

Keywords: balance of power, public opinion, satirical prints, Russophobia, the bear as an allegory of Russia, Ochakov crisis

Endre Sashalmi – D.Sc. in History, Professor, Institute of History, Faculty of Humanities, University of Pécs; Director of Institute, Institute of History; Member of Department, Department of Medieval and Early Modern History. E-mail: endresashalmi@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1490-074X>

1 This article was written in the framework of a scholarship provided by the Research Institute of Politics and Government at the University of Public Service (Hungary). Project title: *Notions of the 'Bad Ruler' in Russian Thought between 1700–1825 in a European Perspective with a Special Emphasis on Tyranny*.

This study is a written version of a lecture given at a conference devoted to memory politics in Central and Eastern Europe and Russia held at ELTE on September 30th and October 1st, 2021.

*Citation: ENDRE SASHALMI, "The Late-Eighteenth-Century European Balance of Power and Russophobia in the English Media: The Ochakov Crisis (1791)", *RussianStudiesHu* 4, no. 2 (2022): 12 pp. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2022.4.18*

DOI: 10.38210/RUSTUDH.2022.4.18

INTRODUCTION

In the present study I analyse some English satirical prints on the European balance of power connected with the so-called Ochakov crisis (1791) which marked the “Genesis of Russophobia in Britain” (to borrow the title of John Howes Gleason’s book²), and examine this phenomenon in articles published by the journal *The Gentleman’s and London Magazine*.

I address the following issues:

[1], Russia’s place in eighteenth-century English balance-of-power thinking with a focus on [2], visual representations of this theme, namely, Russia’s allegorical depiction as a bear, and Catherine II’s representation with the features of a bear; [3], the negative figure of the bear in Western animal symbolism and its application in English satirical prints of Catherinian Russia.

The second issue is well-studied in Russian historiography,³ however, Russia’s place in English balance-of-power thinking, with the exception of the last decade of the eighteenth century, has received less attention in English historiography, and the third aspect, the iconographical dimension, has not been raised so far in the literature to the best of my knowledge. The satirical prints connected with the so-called Ochakov crisis are important because they mark the point at which all these elements came together, culminating in the phenomenon of Russophobia. The same theme dominated the article series published in *The Gentleman’s and London Magazine*, giving an overview of Russian history from its beginnings to 1791. The Ochakov crisis took its name from an unimportant port on the northern shore of the Black Sea occupied by Russian troops in 1788 during the Russo-Turkish War of 1787-1792. When William Pitt the Younger unexpectedly demanded its restoration to the Ottoman Empire in the spring of 1791, backed by a threat of naval mobilisation against Russia, a diplomatic crisis developed. The crisis was resolved favourably for Russia thanks to the Russian ambassador to London, Count Vorontsov, whose skilful manipulation of public opinion through the English media,

2 JOHN HOWES GLEASON, *The Genesis of Russophobia in Great Britain: A Study of the Interaction of Policy and Opinion* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1950). <https://doi.org/10.4159/harvard.9780674281776>

3 The Russian literature on this issue was very nicely summarised by TÓTH SZERGEJ, “Egy ideológiai metafora története: az orosz medve”, in *Állati jelek, képek és terek*, ed. SZIRMAI ÉVA, TÓTH SZERGEJ, ÚJVÁRI EDIT (Szeged: Szegedi Egyetemi Kiadó, 2018), 277–295.

as well as his cooperation with Pitt's parliamentary opposition, took war mobilisation off the agenda.⁴ Space precludes analysis of all the satirical prints connected to the Ochakov crisis; discussion is limited to those most pertinent to the emergence of Russophobia, and to aspects of iconography essential to understanding a given satirical print.⁵

The idea of "balance of power" was a central theme in British politics in the eighteenth century, not only with regard to inter-state relations but also domestic politics. Regarding the role of the different media concerning foreign policy, Jeremy Black noted that, although "pamphlets continued to be written and published and in some respects revived in the 1790s, the role of pamphlets in the discussion of foreign policy declined, while that of newspapers became more important."⁶ Although the growing impact of newspapers in shaping public opinion has not been questioned, there is no agreement among historians as to the importance of satirical prints or the identity of their intended audience. Eirwen Nicholson, for instance, discarded the view that the satirical prints were addressed to the common folk, and saw the political decision-makers instead as the principal target group, treating satirical prints as a "Westminster-oriented" medium.⁷

|

Perhaps it does not come as a surprise that Russia entered into English balance-of-power thinking during the last phase of the Great Northern War (1700–1721), when Russia emerged victorious not only on the battlefield but also at sea. After the decisive Russian victory over Sweden in the sea battles of Hangö (1714) and Grengam (1716), growing concern over her power raised alarm in Britain, clearly indicating that Russia was seen as part of the European states system. Advocating the need to tame Russian expansion in the Baltic, some newspapers invoked the (by then

4 ALEXANDER WORONZOFF-DASHKOFF, "Simon Vorontsov and the Ochakov Crisis of 1791", in *Intellectual and Political Elites of the Enlightenment*, ed. TATIANA V. ARTEMYEVA, MIKHAIL I. MIKESHIN (Helsinki: Helsinki Collegium for Advanced Studies, 2014) *Studies across Disciplines in the Humanities and Social Sciences* 16: 170–183.

5 The satirical prints cited in this study are readily available on the internet.

6 JEREMY BLACK, *Debating Foreign Policy in Eighteenth-Century Britain*, (Farnham: Ashgate, 2011), 28.

7 EIRWEN NICHOLSON, "Consumers and Spectators: The Public of the Political Print in Eighteenth-Century England", *History* 81, no. 261 (January, 1996): 5–21. here 14, 19. <https://doi.org/10.1111/j.1468-229X.1996.tb01683.x>

commonplace) concept of balance of power in 1719. The *Weekly Journal or British Gazetteer* stated that “from the earliest period of our naval power, Britain...lookt upon a just Balance between the northern powers to be a fundamental interest of her state;” while the *Weekly Packet*, making the same claim, asserted that in case of the Russian conquest of Sweden “the Balance of Europe will certainly be destroy’d on that side.”⁸ By mid-century Russia’s place as a great power in the European balance of power was beyond doubt. In 1744, during the War of the Austrian Succession (1740-1748), the British Minister Plenipotentiary, Thomas Robinson, spoke of the “just and necessary influence which the court of Russia ought to have, and will have, in the affairs of Europe.”⁹ And when in 1756, in the year marking the beginning of the Seven Years’ War (1756–1763), a book written by Richard Rolt and called “A new Dictionary of Trade and Commerce, Compiled From the Information of the Most Eminent Merchants, and From the Works of the Best Writers on Commercial Subjects, in all Languages” was published in London, it contained a two-page entry on the “Ballance of power”. It gave a detailed definition of the concept, and after tracing its history addressed the problem of balance in its mid-eighteenth-century context, stating that the preservation of the existing balance of power in Europe depended on the maintenance of three regional balances: “The first (...) is the ballance of the north, where the potency of Russia is principally to be apprehended. (...) The second ballance of power is in Germany. (...) The third ballance is in Italy; (...)”.¹⁰ This assessment clearly shows an awareness of Russia’s position.

Despite Russia’s ever growing importance in European affairs after 1763,¹¹ “serious Anglo-Russian hostility” began only in 1791: “The notion that Russian expansion might be a serious threat to British interests surprised both parliament and the nation when in that year the government presided over by the younger Pitt requested supply for a naval mobilization.”¹² Up to

8 Quoted from JEREMY BLACK, “The Theory of the Balance of Power in the First Half of the Eighteenth Century: A Note on Sources”, *Review of International Studies* 9, no.1 (1983): 55–61, here 58. <https://doi.org/10.1017/S0260210500115736>

9 Quoted from BLACK, “The Theory of the Balance of Power,” 61. e.n.17.

10 RICHARD ROLT, *A new Dictionary of Trade and Commerce, Compiled From the Information of the Most Eminent Merchants, and From the Works of the Best Writers on Commercial Subjects, in all Languages*. (London, 1756), entry: “Ballance of power”

11 For this issue see, JEREMY BLACK, “Britain’s Foreign Alliances in the Eighteenth Century”, *Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies* 20, no. 4 (Winter 1988): 573–602. <https://doi.org/10.2307/4050198>

12 GLEASON, *The Genesis of Russophobia*, 9.

this time Russia had been treated more as a commercial partner than a rival to Britain, but from 1791 Russian expansion towards the warm seas at the expense of the Ottomans was seen as a threat to British interests in the East. This newly perceived Russian danger led to the publication of a series of articles in *The Gentleman's and London Magazine* presenting Russian History from Kievan Rus' to 1791, and their tone was clearly interventionist in the name of the balance of power. Concerning Russia's place in Europe, the very first paragraph of the sixth part of the series declared:

“We now reach that aera [sic] in which Russia assumes a new and extraordinary character. We have seen with philosophic satisfaction, her noble struggles to shake off the ignominious fetters of barbarism; we have witnessed, with applause, her attempt to gain a name in the scale of nations; and have generously admitted her modest claims to protection and support. We have now to view her, not only as a Great Empire, successfully urging her right to competition with the proudest Potentates, but arrogantly acting as the imperious DICTATRESS of EUROPE.”¹³

A serious warning came in the conclusion of the next article in the series: “It is, perhaps, the very country of all others, in which an ambitious Monarch might best indulge prospects of success, the dangerous and alluring projects of foreign conquest, and universal dominion.”¹⁴ The phrase, “universal dominion” (or “universal empire” and “universal monarchy”) was a well-known cliché in European balance-of-power thinking at the beginning of the eighteenth century, when it was associated with the expansionist policies of Louis XIV, who was accused of striving for “universal monarchy.”¹⁵ The remedy to this threat was seen in the principle of a European balance of power, and it was precisely this balance that was thought to be threatened in 1791 by Russia due to her supposed design to

13 *The Gentleman's and London Magazine*, “Chapter VI. Conduct of Russia towards Britain in the last War. Policy of Britain to counteract his Views.” <https://play.google.com/books/reader?id=LPORAAAAYAAJ&pg=GBS.PA588-IA2&hl=en> (Accessed December 6, 2021), 523.

14 “Chapter VII. The Present State of Russia. Its National Character, Resources and Power.” *The Gentleman's and London Magazine*, 590.

15 Recently, BRIGITTA SCHVÉD, “The Concepts of Universal Monarchy and Balance of Power in Charles Davenant's *An Essay Upon The Ballance of Power* (1701)”, *Specimina nova. Pars Prima: Sectio Mediaevalis* (Pécs, 2019), 251–263.

take Constantinople – a theme also prominent in satirical prints – and partition the Ottoman Empire. As “universal monarchy” was conceived as tyranny, rulers who were striving for it were treated as ‘bad rulers.’

||

The bear as an *attribute* but not as a *symbol of Russia* was widespread in the sixteenth-seventeenth centuries in European written and visual sources, and the most important genres of this latter category were engravings and maps: the figure of the bear in these images had no ideological meaning whatsoever but served simply “as an illustration or ornament, as the characteristic animal of a far and exotic country.”¹⁶ The association of the bear with Russia became quite common by the early eighteenth century in English imagery too, but it had not yet become Russia’s symbol or allegory. Considered specifically within a political context, the bear enters English satirical prints clearly from the 1730s onwards, reflecting the growing importance of Russia in European affairs: “already from the 1730s the first engraved sheets make their appearance in London where Russian empresses are depicted in the guise of crowned bears.”¹⁷ And it was in English satirical prints of 1739–1740 on the European balance of power in which the participant states in the “race” were identified in the guise of animals (e.g., France as a fox, the Ottoman Empire as an elephant, etc.) that Russia was depicted as a bear. In a satirical print of 1739 (entitled *The European Race. Heat III.*) the bear, standing on his back feet, fights with the elephant, while in a 1740 satirical print (entitled *The European State Jockies. Running a Heat for the Ballance of Power*) the bear kicks the ‘nether regions’ of the elephant with his back legs, symbolising thereby the outcome of Russia’s War with the Ottoman Empire (1735–1739). Therefore, it can be stated that satirical political iconography closely followed the growing awareness of Russia’s being a great power. “But the bear as the image of Russia became traditionally used in political graphics from the beginning of the last third of the eighteenth century.”¹⁸ Concomitant to

16 Тóтн, “Egy ideológiai metafora története”, 282.

17 АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ РОССОМАХИН - ДЕНИС ГРИГОРЬЕВИЧ ХРУСТАЛЁВ, Россия как Медведь: Истоки визуализации (XVI-XVIII века) <http://cens.ivanovo.ac.ru/almanach/rossomahin-khrustalev-2008.htm>, <http://cens.ivanovo.ac.ru/almanach/rossomahin-khrustalev-2008.htm> (Accessed November 20, 2018).

18 РОССОМАХИН- ХРУСТАЛЁВ, Россия как Медведь,

this phenomenon was the increasingly negative depiction of the bear, personified by Catherine as the embodiment of vices associated with the bear. These tendencies are especially clearly recognisable in satirical prints of the Ochakov crisis.

III

How did the iconographical change come about which turned the image of the bear from neutral or even exotic into highly negative? And what were the iconographical factors/traditions which made it relatively easy to apply the negative image of the bear to Russia/Catherine? The answer to the second question lies, in my view, in the negative image of the bear long present in western animal symbolism: "In the Bible the bear symbolized divine anger. From the early medieval period it was conceived primarily as *diabolic*, often conceived as the *devil* himself. As an *exemplum of sin*, in late medieval and early Renaissance sources the bear was associated with *Gluttony* due to his famous love of honey, with *Lust* due to his supposed libidinous tendencies, and occasionally with *Anger*."¹⁹ These negative features (*Gluttony*, *Lust*, *Anger*, and also *Malice*) are strikingly apparent in satirical prints of the 1790s mocking Catherine II in connection with various political events (the Ochakov crisis of 1791, the third partition of Poland, 1795²⁰), and due to Catherine's expansive foreign policy and the contemporary image of her sexual behaviour (*Lust*).

I contend that the answer to the first question might be found in the most popular emblem book of early modern Europe, that is, in Cesare Ripa's *Iconologia*, called the Bible of early modern emblematicism. It is well-known that the English translation of *Iconologia*, published as *Iconologia or Morall Emblems* (London, 1709), which was a very simplified version of Cesare Ripa's work, was used as a handbook by cartoonists. Therefore, it is plausible to suppose that it was a possible source of iconographical panels for the representation of vices associated with the bear, and

19 SIMONA COHEN, *Animals as Disguised Symbols in Renaissance Art* (Leiden: Brill, 2009), 220. The emphasis is mine E. S. <https://doi.org/10.1163/ej.9789004171015.i-319>

20 A satirical print of 1794, for instance, called *Queen Catherine's Dream*, depicts the empress as seated on a throne and looking at the Devil, who is offering her Warsaw, holding it in his left hand, and Constantinople (held higher) in his right hand. Although the Devil had been present in balance-of-power satirical prints as early as 1739–1740, it was not connected to Russia before the 1790s.

hence contributed to shaping the visual image of Catherine in the satirical prints. In the 1709 edition of *Iconologia* we find the following allegorical description of vices associated with the bear which are most pertinent to the iconographies of satirical prints to be discussed below.

*Fig. 170. (Ira) Anger: "A young Man, round shoulder'd, his Face bloated, sparkling Eyes, a round Brow, a sharp Nose, wide Nostrils ; he is arm'd, his Creft is a Boar's [i.e., Bear's] Head; from which issues Fire and Smoak; a drawn Sword, in one Hand, and a lighted Torch in the other, all in red. Young, subject to Anger. The Bear is an Animal much inclined to Wrath; The Sword shews that Anger presently lays hold on it. The puft Cheeks, that Anger often alters the Face, by the Boiling of the Blood; and inflames the Eyes."*²¹

*Fig. 220. (Malicia) Malice: "An old Hag, very ugly...Peacock on one side, and a raging Bear on the other."*²²

Iconographic panels such as *ugly old Hag, round Brows, sharp Nose, wide Nostrils, puft Cheeks* are recurrent in the satirical prints of Catherine, who is depicted either *as a bear, or with a bear, or else, in a dress decorated with bear fur*.

One of the satirical prints best depicting Catherine's quest (Gluttony) for imperial expansion is entitled *An Imperial Stride*.²³ The scheme of the satirical print (as the author of the description in the catalogue writes) may well have been derived from the following paragraph from an article published in March 1791 in *The Bon Ton Magazine*: "The Empress of Russia is said to be intent placing one *foot* upon Petersburg, and the *other* upon Constantinople. What a delight must the Imperial stride afford to the curious inhabitants of the intermediate countries."²⁴ And Sir W. Young, in a parliamentary speech concerning the Ochakov crisis, pictured Catherine as a "female colossus, standing with one foot on the banks of the Black Sea, and the other on the coast of the Baltic."²⁵ This graphic expression

21 *Iconologia or Morall Emblems by Caesar Ripa* (London: Benj. Motte, 1709), 43. <https://resources.warburg.sas.ac.uk/pdf/noh390b2714105.pdf>. The emphasis is mine: E.S. Anger is erroneously depicted here in the figure of a male, as the *female* allegorical personification is the correct form in Ripa's original.

22 *Iconologia or Morall Emblems*, 55. The emphasis is mine: E.S.

23 Descriptions of the satirical prints used, except for one, are contained in the *Catalogue of Political and Personal Satires Preserved in the Department of Prints and Drawings in the British Museum*. Vol. VI. (1784-1792): <https://archive.org/details/catalogueofprint06brituoft/page/n8/mode/1up>

24 *Catalogue of Political and Personal Satires*, No. 7843 (777)

25 *Catalogue of Political and Personal Satires*, No. 7843 (777)

seems to reinforce Nicholson's statement on the main target group of political satirical prints, namely that they were, first of all, addressed to those who were sitting in the British Houses of Parliament. The satirical print in question depicts Catherine as a colossal figure with one foot in Russia and the toe of the other planted on the top of the crescent moon atop the Hagia Sophia in Constantinople. She is represented as an old woman with a prominent nose, in a dress decorated with bear fur. Below her skirt there are European crowned heads (including the pope) identified by their symbols of power and dress. They utter sentences which have a frivolous secondary meaning due to the fact that they are looking upward, i.e., under Catherine's skirt – the Turkish Sultan being the only exception, whose words ("The whole Turkish Army wouldn't satisfy her") are directly loaded with a sexual content.

Russophobia, although in a humorous manner, is best illustrated in the satirical print called *The Russian bear and her invincible rider encountering the British legion*,²⁶ which also carries a frivolous sexual message. The rider is Catherine's lover, Potemkin, while the bear is depicted with the crowned head of Catherine. Catherine utters the following words: "Shiver their lances into a thousand pieces, my dear Potemkin! I always vanquish when ridden by you!" Potemkin is ready to strike at Catherine's opponents with his sabre raised above his head. Catherine's face, looking at their opponents standing with levelled spears (some of them broken), shows anger, and one of the bear's legs is raised to attack. The opponents are King George III, Salisbury (Lord Chamberlain), followed by Edward Thurlow (Lord Chancellor) and William Pitt behind them; after them come two bishops wearing mitres, and one of them says: "From Russian Bears, good Lord, deliver me!"

Russophobia is also strong in the satirical print called *The Northern Bugga Bo* [bugaboo].²⁷ Catherine is represented here as an ugly old woman (again in a frivolous context) standing with one foot on the northern shore

26 *Catalogue of Political and Personal Satires*, No. 7844 (778)

27 *The Northern Bugga Bo* [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:The_Northern_Bugga_Bo_\(BM_1990,0623.19\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:The_Northern_Bugga_Bo_(BM_1990,0623.19).jpg), (Accessed December 6, 2021)

of the Black Sea and the other on the southern shore, while leaning down to embrace the Baltic with her hands. Catherine is depicted as urinating liquid with the inscription *Black C.* on it into a chamber pot, while expelling the Sultan (called the *Grand Turk*) explosively from her anus through a cannon-like object that bears the name of *Potemkin*. The accompanying texts refer to her imperial ambitions (aiming to seize even Constantinople) which would be difficult to halt, as the inscription under the title of the satirical print summarises the utterances of the people depicted:

“The Empress only wants to secure her Back frontiers, and then she will Stretch over the Black Sea, embrace with her arms the Baltic, and deluge the Ottoman Empire.”

In the fourth satirical print, *The Balance of Power. Or the Posterity of Immortal Chatham Turn'd Posture Master*,²⁸ Pitt stands on a rope and holds a long balancing pole in both hands with the Sultan sitting on one end and Catherine on the other. Again, this is a sexually loaded satirical print, and this content becomes apparent in reading the utterances of the two male persons, employed to ridicule Catherine's image as a lusty woman. The balancing pole, in fact, has the secondary meaning of representing the male organ. The sultan says: “My dear Billy, do help me to make another push, and I will give you half of my Seraglio.” Catherine is depicted as an old woman, with round brows, an image reinforced by Pitt's saying: “The Old Hag cannot move me, and Seraglios cannot bribe me. I have nothing to do with these matters. My Pole will always remain level.”

CONCLUSION

Russophobia is clearly present in both the written and the visual sources analysed here, but in the satirical prints, not surprisingly, it is

²⁸ *Catalogue of Political and Personal Satires*, No. 7846 (780)

expressed in a humorous manner. One even has the impression that this phenomenon is presented in the satirical prints as an idea to be ridiculed, which reflects the oppositional standpoint of these prints. (It is known, for instance, that James Gillray, the author of the last visual image, at that time produced cartoons for the Opposition.) The message of the articles in *The Gentleman's and London Magazine*, on the other hand, is clearly interventionist and reflects the government view.

References

PRIMARY SOURCES

Catalogue of Political and Personal Satires Preserved in the Department of Prints and Drawings in the British Museum. Vol. VI. (1784–1792): <https://archive.org/details/catalogueofprint06brituoft/page/n8/mode/1up> (Accessed December 6, 2021)

The Northern Bugga Bo [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:The_Northern_Bugga_Bo_\(BM_1990,0623.19\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:The_Northern_Bugga_Bo_(BM_1990,0623.19).jpg) (Accessed December 6, 2021)

The Gentleman's and London Magazine. <https://play.google.com/books/reader?id=LPORAAAAYAAJ&pg=GBS.PA588-IA2&hl=en>, (Accessed December 6, 2021)

Iconologia or Morall Emblems by Caesar Ripa (London: Benj. Motte, 1709) <https://resources.warburg.sas.ac.uk/pdf/noh390b2714105.pdf> (Accessed December 6 2021)

RICHARD ROLT, *A new Dictionary of Trade and Commerce, Compiled From the Information of the Most Eminent Merchants, and From the Works of the Best Writers on Commercial Subjects, in all Languages*. (London, 1756)

SECONDARY SOURCES

JEREMY BLACK, "The Theory of the Balance of Power in the First Half of the Eighteenth Century: A Note on Sources", *Review of International Studies* 9, no. 1 (1983): 55–61. <https://doi.org/10.1017/S0260210500115736>

JEREMY BLACK, "Britain's Foreign Alliances in the Eighteenth Century", *Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies* 20, no. 4 (Winter 1988): 573–602. <https://doi.org/10.2307/4050198>

JEREMY BLACK, *Debating Foreign Policy in Eighteenth-Century Britain* (Farnham: Ashgate, 2011).

SIMON COHEN, *Animals as Disguised Symbols in Renaissance Art* (Leiden: Brill, 2009). <https://doi.org/10.1163/ej.97890004171015.i-319>

JOHN HOWES GLEASON, *The Genesis of Russophobia in Great Britain: A Study of the Interaction of Policy and Opinion* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1950). <https://doi.org/10.4159/harvard.9780674281776>

EIRWEN NICHOLSON, "Consumers and Spectators: The Public of the Political Print in Eighteenth-Century England," *History* 81, no. 261 (January, 1996): 5–21. <https://doi.org/10.1111/j.1468-229X.1996.tb01683.x>

ANDREI ANDREEVICH ROSSOMAKHIN, DENIS GRIGOR'EVICH KHRUSTALEV, *Rossiiia kak Medved': Istoki vizualizatsii (XVI–XVIII veka)* [Russia as a Bear: Sources of Visualisation (XV–XVII cc.)]

<http://cens.ivanovo.ac.ru/almanach/rossomahin-khrustalev-2008.htm> (Accessed November 20, 2018).

SCHVÉD BRIGITTA, “The Concepts of Universal Monarchy and Balance of Power in Charles Davenant’s *An Essay Upon The Ballance of Power* (1701)”, *Specimina nova. Pars Prima: Sectio Mediaevalis* (Pécs, 2019): 251 – 263.

TÓTH SZERGEJ, “Egy ideológiai metafora története: az orosz medve” [The History of an Ideological Metaphor: The Russian Bear]; in *Állati jelek, képek és terek*, ed. SZIRMAI ÉVA, TÓTH SZERGEJ, ÚJVÁRI EDIT (Szeged: Szegedi Egyetemi Kiadó, 2018), 277–295.

ALEXANDER WORONZOFF-DASHKOFF, “Simon Vorontsov and the Ochakow Crisis of 1791”, in *Intellectual and Political Elites of the Enlightenment*, ed. TATIANA V. ARTEMYEVA, MIKHAIL I. MIKESHIN (Helsinki: Helsinki Collegium for Advanced Studies, 2014) *Studies across Disciplines in the Humanities and Social Sciences* 16: 170–183.

SOURCES OF VISUAL MATERIALS.

Image 1, William Dent: The Northern Bugga Bo. [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:The_Northern_Bugga_Bo_\(BM_1990,0623.19\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:The_Northern_Bugga_Bo_(BM_1990,0623.19).jpg)

Image 2, James Gillray: The Balance of Power. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:The_balance_of_power._-_or_-_The_posterity_of_the_immortal_Chatham,_turn%27d_posture_master_by_James_Gillray.jpg

А. Л. ЮРГАНОВ

**ФРАНЦУЗСКИЙ РОМАН ВИКТОРА ГЮГО «ОТВЕРЖЕННЫЕ»,
ИЛИ, ПОЧЕМУ ЭТОТ РОМАН НРАВИЛСЯ СЛАВЯНОФИЛУ
ФЕДОРУ ДОСТОЕВСКОМУ? РАЗМЫШЛЕНИЯ ИСТОРИКА-
РУСИСТА¹**

**VICTOR HUGO'S FRENCH NOVEL *LES MISÉRABLES*,
OR WHY DID THE SLAVOPHILE FYODOR DOSTOEVSKY
LIKE THIS NOVEL? REFLECTIONS OF A RUSSIAN HISTORIAN**

This article examines the philosophical problem of “Russia and Europe” in the context of the new realities of the global move towards uniting mankind, which cannot but be a problem for every cultural and historical community that has the right to remain itself. This process can be considered through the example of the convergence of two literary novels and their authors, Victor Hugo and Fyodor Dostoevsky: one, the author who created the nationally colored novel *Les Misérables*, and the other the author of the novel *The Idiot*, in which the problem of “Russia and Europe” has become one of the most important. The article examines how the logic of “connection” differs from the logic of “gathering”, both in literary works and in the global process of political cultural integration.

Keywords: Fyodor Mikhailovich Dostoevsky, Victor Hugo, the novel “Les Misérables”, the novel “The Idiot”, globalization.

Andrei L. Yurganov – D.Sc. in History, professor, Russian State University for the Humanities.
E-mail: lurganov@yandex.ru

1 This study is a written version of a lecture given at a conference devoted to memory politics in Central and Eastern Europe and Russia held at ELTE on September 30th and October 1st, 2021.

Citation: A. L. YURGANOV, “Frantsuzskii roman Viktora Giugo “Otvverzhennye”, ili, pochemu etot roman nraivilsia slavianofilu Fedoru Dostoevskomu? Razmyshleniia istorikarusista [Victor Hugo’s French Novel *Les Misérables*, or Why Did the Slavophile Fyodor Dostoevsky Like This Novel? Reflections of a Russian historian], *RussianStudiesHu* 4, no. 2 (2022): 10 pp. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2022.4.17.

Сегодня мир переживает драму *собираения человечества* во всечеловеческое – и этому процессу можно и нужно найти смысловой аналог: литературный, театральный. Роман «Отверженные» Виктора Гюго, вызывающий большой интерес у современного режиссера, готовящего его постановку на сцене московского театра «Современник», способен стать таким «большим текстом», отвечающим высшим запросам.

Но вот парадокс, – сам роман Гюго, – отражение национального духа Франции, французский национальный символ. Почему же он так нравился Льву Толстому и Федору Достоевскому, особенно последнему – ярому славянофилу?

Главный «злодей» в романе, Жавер, как это ни странно, выражает своим мышлением культурно-исторический дух Франции. Почему так? Потому что в основе самосознания Жавера – «законничество», самый традиционный элемент не только государства французского, но и французской революции тоже! И хотя Гюго не объясняет это сам, но история революций во Франции хорошо известна – помимо Гюго: революционное выступление 1832 г., описанное в романе, связано было с тем, что возникло общественное мнение (в среде республиканцев) о нарушении Луи-Филиппом Конституции 1830 г. ...

Ни Толстой, ни Достоевский не были склонны раздавать комплименты другим писателям. И уж тем более, не стали бы хвалить роман за то, что он хорошо выражает собой «французский дух». Толстой в свое время написал критическую статью о «Короле Лире» – и Шекспира не пожалел!

Достоевский не стал бы хвалить роман Гюго за ярко выраженную революционность, потому что он не был сторонником «баррикад», и к атеизму французскому – основе всех революций во Франции – относился очень враждебно. Что же тогда? Достоевский писал о романе:

«Его мысль есть основная мысль всего искусства девятнадцатого столетия, и этой мысли Виктор Гюго как художник был чуть ли не первым провозвестником. Это мысль христианская и высоко-нравственная, формула ее – восстановление погибшего человека, задавленного несправедливо гнетом обстоятельств, застоя веков и общественных предрассудков. Эта мысль – оправдание униженных и всеми отринутых парий общества. Конечно, аллегория немислима в таком художественном произведении, как например «Notre-Dame de Paris». Но кому не придет в голову, что Квазимодо есть олицетворение пригнетенного и презираемого

средневекового народа французского, глухого и обезображенного, одаренного только страшной физической силой, но в котором просыпается наконец любовь и жажда справедливости, а вместе с ними и сознание своей правды и еще непечатых, бесконечных сил своих. Виктор Гюго чуть ли не главный провозвестник этой идеи «восстановления» в литературе нашего века. По крайней мере он первый заявил эту идею с такой художественной силой в искусстве. Виктор Гюго бесспорно сильнейший талант, явившийся в девятнадцатом столетии во Франции»².

Обратимся к роману Достоевского «Идиот», опубликованному через шесть лет после романа Гюго, в 1868 г.

В романе содержится важное обстоятельство – князь Мышкин противопоставляет Россию и Запад, и говорит так, что во всей его речи слышится именно Достоевский. Это противопоставление может открыть нам окно в мир той симпатии, которую испытывал Достоевский к роману «Отверженные».

Князь Мышкин предлагает основу для сравнения в самом начале романа: страшный эпизод, когда человеку вот-вот отрежут голову на французской гильотине. Против чего протестует Достоевский? Против «законничества»!

Убийство за убийство: это закон, это приговор, сухой остаток, ничего личного. Так казнили короля Людовика XVI – по приговору суда. Разве это было сделано без закона? Нет! Никакого варварства. Что же беспокоило Достоевского? Князя Мышкина? Проблема «четверти секунды»!

Если Гюго утверждал в романе, что общество и государство, держа людей в нищете – именно по этой причине – не имеют права судить людей, то Достоевский шел гораздо дальше – он говорил о преступном законе, который лишает жизни человека, пусть даже совершившего тяжкое преступление. Эту концепцию князь Мышкин проговаривает дважды в романе.

«– Знаете ли что? – горячо подхватил князь, – вот вы это заметили, и это все точно так же замечают, как вы, и машина для того выдумана, гильотина. А мне тогда же пришла в голову одна

2 Ф. Достоевский, *Собрание сочинений в пятнадцати томах* (Л.: «Наука», 1993). Т. 11: Публицистика 1860-х годов, с. 61.

мысль: а что, если это даже и хуже? Вам это смешно, вам это дико кажется, а при некотором воображении даже и такая мысль в голову вскочит. Подумайте: если, например, пытка; при этом страдания и раны, мука телесная, и, стало быть, все это от душевного страдания отвлекает, так что одними только ранами и мучаешься, вплоть пока умрешь. А ведь главная, самая сильная боль, может, не в ранах, а вот, что вот знаешь наверно, что вот через час, потом через десять минут, потом через полминуты, потом теперь, вот сейчас – душа из тела вылетит, и что человеком уж больше не будешь, и что это уж наверно; главное то, что наверно. Вот как голову кладешь под самый нож и слышишь, как он склизнет над головой, вот эти то четверть секунды всего и страшнее. Знаете ли, что это не моя фантазия, а что так многие говорили? Я до того этому верю, что прямо вам скажу мое мнение. Убивать за убийство несоразмерно большее наказание, чем самое преступление. Убийство по приговору несоразмерно ужаснее, чем убийство разбойничье. Тот, кого убивают разбойники, режут ночью, в лесу или какнибудь, непременно еще надеется, что спасется, до самого последнего мгновения. Примеры бывали, что уж горло перерезано, а он еще надеется, или бежит, или просит. А тут, всю эту последнюю надежду, с которой умирать в десять раз легче, отнимают наверно; тут приговор, и в том, что наверно не избежешь, вся ужасная то мука и сидит, и сильнее этой муки нет на свете. Приведите и поставьте солдата против самой пушки на сражении и стреляйте в него, он еще все будет надеяться, но прочтите этому самому солдату приговор наверно, и он с ума сойдет или заплачет. Кто сказал, что человеческая природа в состоянии вынести это без сумасшествия? Зачем такое ругательство, безобразное, ненужное, напрасное? Может быть, и есть такой человек, которому прочли приговор, дали помучиться, а потом сказали: «Ступай, тебя прощают». Вот эдакой человек, может быть, мог бы рассказать. Об этой муке и об этом ужасе и Христос говорил. Нет, с человеком так нельзя...».³

Такая постановка вопроса не может не удивлять: разбойник-убийца менее ужасен, чем карающая гильотина французского государства, не оставляющая никакой надежды, ибо это формальное основание

3 Ф. Достоевский, *Идиот* (М.: Издательство АСТ, 2017), с. 22–23.

приговора. В формальном законе нет правды – а значит нет ничего человеческого.

Сравним эту в высшей степени необычную мысль Достоевского с тем, как Гюго «строил» образ Жавера, пережившего большое разочарование в том, что человеческое в людях оказалось неожиданно выше формального закона... Жавер не вынес всей правды о «законе», ибо поклонялся ему, как верующий язычник поклоняется избранному фетишу. Гюго так описал минуты жизни Жавера перед тем, как он покончил с собой:

«Его удивляло, что Жан Вальжан оказал ему милость, и ужасало, что он, Жавер, в свою очередь помиловал Жана Вальжана.

Что с ним такое стало? Он искал прежнего самого себя и не находил.

Что теперь делать? Выдать Жана Вальжана нельзя, оставить Жана Вальжана на свободе тоже неправильно. В первом случае человек, облеченный доверием правительства, опускался еще ниже преступника, во втором – каторжник поднимался выше закона и попираал его ногой. В обоих случаях позор ложился неизгладимым пятном на Жавера. Какой ни сделать выбор, это все равно падение. Жизнь определяет границы, перешагнуть за которые невозможно, за этими крайними точками уже нет жизни: там бездна. Жавер как раз и стоял на одной из этих точек.

Больше всего его угнетало то, что он вынужден был думать. К этому побуждала его даже сама сила этих противоречивых ощущений. Он не привык думать, и это состояние было для него в высшей степени болезненным.

В процессе мышления всегда есть известная доля внутреннего сопротивления, и ему было досадно сознавать это.

Он всегда считал бесполезным и унижительным думать о чем бы то ни было, не входящем в узкую сферу его обязанностей, но думать, вспоминая истекший день, было для него и вовсе мучением. А между тем после таких потрясений все-таки надо было заглянуть в свою совесть и дать отчет самому себе о самом себе.

При одном воспоминании о том, что он сделал, его кидало в дрожь. Он, Жавер, признал справедливым вопреки всем полицейским правилам, вопреки закону отпустить Жана Вальжана на волю, он нашел, что так будет для него самого лучше, он поставил свои личные интересы выше долга: как назвать такой проступок?

Каждый раз, как он вспоминал о содеянном, которому он не мог подыскать даже подходящего названия, он весь вздрагивал. Как ему теперь быть? Оставалось только одно средство: вернуться как можно скорее на улицу Омм Армэ и снова арестовать Жана Вальжана. Очевидно, так именно и следовало поступить, но он не мог. Что-то его удерживало. Что же это такое? Что именно? Неужели на свете существует что-нибудь другое, кроме суда, приведения в исполнение приговоров, полиции и власти? Жавер был сбит с толку.

Каторжник, личность которого является священной! Каторжник, который избежит кары правосудия! И все это благодаря Жаверу! Разве не ужасно, что Жавер, созданный для того, чтобы карать, и Жан Вальжан, созданный для того, чтобы терпеть кару, разве не ужасно, чтобы оба этих человека, всецело подчиненные закону, дошли до того, что оба стали выше закона? Что же это такое, наконец! Совершаются такие чудовищные вещи, и никто не будет наказан! Жан Вальжан, более сильный, чем весь социальный строй, остается на свободе, а он, Жавер, будет продолжать есть хлеб правительства!

Эти мысли постепенно сводили его с ума...

Он говорил себе, что это так и должно быть, что бывают исключения, что власти могли ошибиться, что закон мог быть неправильно применен в данном конкретном случае, что все не может быть включено в свод законов, что возможны и такие неожиданности, с которыми нельзя не считаться, что добродетель каторжника могла поймать в сети добродетель чиновника, что этот необычайный человек и в самом деле мог быть таким необычайным, что судьба иногда ставит такие западни, и он с отчаянием думал, что ему уже не удастся уберечь себя, чтобы снова как-нибудь не попасться в такую же ловушку... Он был вынужден признать, что добро существует. Этот каторжник был добр. И он сам — удивительная вещь! — тоже только что совершил доброе дело...»⁴.

Мир сегодня пытается объединиться в единое человечество. Вопрос – на каких основаниях? Смысл «всечеловеческого» (понятие введенное и обоснованное российским философом А.В. Смирновым⁵) я вижу

4 В. Гюго, *Отверженные* (СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019), с. 647–651.

5 А. Смирнов, *Всечеловеческое vs. общечеловеческое* (М.: ООО «Сандра»: Издательский Дом ЯСК, 2019).

в противопоставлении двух основных логических процедур, не имеющих контекстуальных оснований, но действующих, как таблица умножения: либо люди *соединяются* – это одна логика, либо они *собираются* – это другая логика. Разница велика и даже абсолютна: *соединяются* в организацию (партийную или иную), *собираются* в человечестве (оставаясь изначально разными).

Вечный вопрос о России и Европе, о притяжении и отталкивании, по-прежнему в центре внимания.

Роман Виктора Гюго задел Федора Достоевского не только изображением униженных и оскорбленных, но прежде всего – «русской» постановкой вопроса о «правде» (или о «восстановлении человека»), которая может быть выше «закона» ... Французская национальная культура создала культ «законничества», против которого и был написан роман Гюго, социальный роман-протест против несправедливости. Дух Франции, французских революций XIX столетия, выражает не Жан Вальжан, а отрицательный персонаж романа – Жавер, ибо ни одна революция после Великой Французской, не проходила без апелляции к «закону», который выше любого монарха.

Гюго показал впервые, что «законничеству» (особенно после принятия Кодекса Наполеона) не хватает социальной правды жизни. Достоевский хвалил роман за стремление к «правде», поскольку в русской традиции не было никогда духа формального «законничества».

Если взглянуть на русскую средневековую историю, то можно увидеть в ней господство обычного права и только корректирующее значение всяких «правд», судебных, которые лишь уточняли и дополняли не оговариваемое в письменном виде обычное право. Русский мыслитель Федор Карпов выразил это состояние отсутствующего в правовой традиции формального «законничества» таким афоризмом:

«Милость без правды малодушество есть,
а правда без милости мучительство,
и обе они разрушают царство
и всякое общежитие.
Но милость, правдой поддерживаемая,
а правда, милостью укрощаемая, сохраняют царю царство
на многие дни».

Ну чем Федор Карпов не Достоевский XVI в.? Русская традиция – это традиция саморегулирующихся понятий, а не завершенных юридических формул, как во Франции, где синтез варварских правд и римского права породил уникальную историческую традицию.

«Русская цивилизация» – по словам князя Мышкина – это все то, что против принципа законного насилия на Западе! И тут – Достоевский и Гюго в некотором смысле совпадают.

Роман «Отверженные» – роман отчасти исторический, ретроспективный, т. к. закончен был в 1862 г., а события, в нем описанные, охватывают в основном период 20-30-х гг. Роман написан человеком, пережившим гораздо более кровавую революцию 1848 г., лишившийся дома, написавшим массу манифестов с призывами прекратить кровопролитие, во многом поспособствовавшим избранию Луи Наполеона президентом Второй республики. Он ненавидел Луи Бонапарта, уехал из Франции надолго, но во время революции ходил по баррикадам и уговаривал прекратить кровопролитие. Вот поэтому он изобразил «жертвенную революцию» 1832 г., а не кровавую 1848 г.

Гюго был против государства богатых, но он был и против насилия со стороны бедных. Он был, как настоящий француз – за закон, но против насилия! Образ Жана Вальжана, не ставшего революционером, чуждого всякого осмысленного бунтарства, но также чуждого и духу Жавера, духу французского законничества, свидетельствует о своеобразном юродстве главного героя, который утверждает *то, чего нет* как в реальности бунтующей Франции, так и в реальности Жаверовской Франции – духа примиряющей любви друг к другу. Жан Вальжан не соединяется ни с кем, ни с революцией, ни с государством, он пытается собрать людей в примирении между собой!

Правда человека, человеческого достоинства – выше буквы закона: эта область затронута была Гюго (в социальном аспекте), и не могла не понравиться великому русскому писателю (в метафизическом аспекте).

Самая глубокая связь двух писателей – в той области, где Вальжан защищает Козетту. Защищает фанатично – не просто преданно, а отдавая всего себя, жертвуя собой полностью и без остатка! Как-то по-юродски! С безумством...

Тема ребенка, детства была очень близка автору романа «Идиот», ибо юродство князя Мышкина покоилось на утверждении Достоевского (в самом романе), что настоящее единение людей достигается дет-

ским сознанием. Князя называют не только юрдивым, но и «совершенным ребенком»! Он как ребенок обнаруживает невиданную силу в простоте общения, и эта ясность сознания обезоруживает опытнейших интриганов, потому что князь не стыдится того, чего стыдится взрослый, он смеется залиvisto как ребенок, когда другие смеются над ним.

Миру взрослых, где не может жить князь, противопоставлен через его образ мир детей, в котором царствует простота и искренность. Если во французском романе – социальная защита ребенка *предельная грань* отношений с детством, то для русского сознания, которое концептуально выразил Достоевский – детское сознание и есть райское состояние человечества, объединяющее человечество – но и недостижимое, как утраченный рай.

Бесхитрость и простота Вальжана в социальном мире, и бесхитрость и простота князя Мышкина в мире взрослых – явления рядоположенные.

Итак, вне-«законническая» эстетика Достоевского, воспроизводящая славянофильский дух писателя, утверждала область истинно человеческого в том, что было Правдой метафизической – что выше Закона земного; Гюго образом Вальжана тоже утверждал, но в границах мира социального, не метафизического, право человека *на неподсудность*, если под судом оказывается социальная справедливость. Вот эта область неподсудно Человеческого, а не «законнического», и является парадоксальным рецептом собирания людей в человечестве.

Скоро Достоевский поймет, что Правда человеческая может оказаться не только правдой детства, как у князя Мышкина, но и социальной правды бесов (1871), и тогда отрешенный от правды Закон покажет свою утраченную силу – в восстановлении всечеловеческой правды. Гюго не откажется от романтизма, но сильно разочаруется в способности революции принести людям социальное счастье.

Притяжение и отталкивание России и Западной Европы – в том, что как одним, так и другим не хватало и не хватает дополнения – либо правды к закону, либо закона – к правде. Объединение людей в новое человечество невысказимо без признания *разных моделей* культурно-исторического опыта как опыта не единственного (в логике соединения), а всегда дополняющего (в логике собирания).

Только так мир может преодолеть страсть к фобиям.

References

F. Dostoevskii, *Idiot* [The Idiot] (Moskva: Izdatel'stvo AST, 2017).

F. Dostoevskii, *Sobranie sochinenii v piatnadsati tomakh* [Collected Works in Fifteen Volumes] (Moskva: «Nauka», 1993).

V. Gugo, *Otverzhennyie* [The Outcasts] (Sankt-Peterburg: Azbuka, 2019).

V. Smirnov, *Vsechelovecheskoe vs. obshchechelovecheskoe* [The All – Human vs. the Universal] (Moskva: «Sandra», 2019).

M. S. PETROVA

**PERSONALITY IN THE HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL
NARRATIVES OF THE RUSSIAN HISTORIOGRAPHY
OF THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY
(ON MACROBIUS' LITERARY HERITAGE)¹**

This paper discusses the research carried out on Macrobius' texts (fl. V c.) in the Soviet epoch by Tatyana Miller (1963), Ilya Golenishchev-Kutuzov (1972), Victoria Ukolova (1986, 1989, etc.), Alexei Losev and Aza Taho-Godi (1990, etc.). The study of Macrobius' texts in Russia dates back to the 1960–70s, a time when a gradual revision of the attitude to various types of mentality, the history of ideas and intellectual history began in Russian historiography, a time when researchers began to pay more attention to specific texts and their thorough and deep reading, asserting the generic community of the history of texts and history itself. The contribution of the scholars mentioned above to Russian “macrobievedenie” (“criticism of Macrobius”) is demonstrated, and the stimulating influence of their work on post-Soviet researchers is revealed.

Keywords: Soviet epoch, text, transition, historiography

Maya Stanislavovna Petrova – Doctor of Science (History), Chief Research Fellow at the Department of Historical and Theoretical Studies at the Institute of World History at the Russian Academy of Sciences. Email: beionyt@mail.ru

1 *Citation: M. S. PETROVA, “Personality in the Historical and Philosophical Narratives of the Russian Historiography of the Second Half of the 20th Century (On Macrobius' Literary Heritage)”, *RussianStudiesHu* 4, no. 2 (2022): 19 pp. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2022.4.21*

The paper in question is devoted to Late Antique narratives and their interpretation in the Russian historiography of the Soviet period, and in particular to the analysis of the literary heritage of Macrobius² (fl. 5th c.) by Russian scientists. He is well known for his *Commentary on the "Dream of Scipio,"* his *Saturnalia* and a treatise *On the Differences and Similarities of Greek and Latin Verbs.*³

By this time, in foreign historiography, study of Macrobius' writings had lasted for more than a century, a fact which greatly facilitated the work of Russian specialists. So, by the end of the 20th century, academic use featured firstly, modern critical editions of all Macrobius' works,⁴ secondly, complete commented translations of the *Saturnalia* and the *Commentary* in French,⁵ English,⁶ Italian⁷ and German,⁸ and thirdly there

-
- 2 For the reconstructed biography of Macrobius, see ALAN CAMERON, "The Date and Identity of Macrobius", *The Journal of Roman Studies*, Vol. 56, Parts 1–2 (1966): 25–38. <https://doi.org/10.2307/300131>; in Russian: М.С. ПЕТРОВА, *Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в Поздней Античности* (Москва: Кругъ, 2007), 8–41.
 - 3 Hereinafter designated as *Commentary*, *Saturnalia* and *On Verbs*.
 - 4 Critical editions of Macrobius's writings (considered modern) are as follows: LUDWIG VON JAN (ed.) *Opera quae supersunt*, (Leipzig: Quedlinburg, 1848–1852), Vol. 1–2; IACOBUS [JACOB] WILLIS (ed.) *Ambrosii Theodosii Macrobiani Saturnalia*, (Lipsiae, 1963; rev. 1970; 1994); IACOBUS [JACOB] WILLIS (ed.) *Ambrosii Theodosii Macrobiani Commentarii in Somnium Scipionis*, (Lipsiae, 1963; rev. 1970; 1994); PAOLO DE PAOLIS (ed.) *Macrobiani Theodosii de verborum graeci et latini differentiis vel societatis excerpta*, (Urbino, 1990); MACROBIO, *Commento al sogno di Scipione*, saggio introduttivo di ILARIA RAMELLI, traduzione, bibliografia, note e apparati di MORENO NERI (Milano, 2007).
 - 5 Hereinafter, translations of Macrobius' works into new European languages are indicated to complete the picture (these are often accompanied by original texts). The translations in question were published not only at the end of the 20th, but also at the beginning of the 21st century: *Œuvres de Macrobe*, traduites par CHARLES DE ROSEY (Paris, 1827), Vol. 1–2; MACROBE, *Œuvres complètes*, avec la traduction en français. Publiés sous la direction de M. NISARD (Paris, 1845), Vol. 1 (the name of the translator A.J. MAHUL is mentioned in the introduction to this edition); *Œuvres de Macrobe*, traduction nouvelle, par MM. HENRI DESCAMPS, N.A. DUBOIS, LAAS D'AGUEN, A. UBICINI MARTELLI (Paris, 1845–1847), Vol. 1–3; MACROBE, *Les Saturnales*, traduction nouvelle, avec introduction et notes par HENRI BORNECQUE (Paris, 1937), Vol. 1–2; MACROBE, *Commentaire au songe de Scipion*, texte établi, trad. et comm. par MIREILLE ARMISEN-MARCHETTI (Paris, 2001–2003), t. I. Livre I; t. II. Livre II.
 - 6 MACROBIUS, *Commentary on the "Dream of Scipio,"* trans. by WILLIAM HARRIS STAHL (New York, 1952; corr. 1966; rep. 1990); MACROBIUS, *The Saturnalia*, trans. by PERCIVAL VAUGHAN DAVIES (New York, 1969); MACROBIUS, *Saturnalia*, ed. and trans. by ROBERT A. KASTER (Cambridge, MA; London, 2011), Vol. 1–3. <https://doi.org/10.4159/DLCL.macrobius-saturnalia.2011>
 - 7 MACROBIO TEODOSIO, *I Saturnali*, introdução, tradução em italiano e notas de NINO MARINONE (Turim, 1967); MACROBIO, *Commento al Somnium Scipionis*, introduzione, testo, traduzione e commento a cura di MARIO REGALI (Piza, 1983–1990), lib. 1–2.
 - 8 AMBROSIIUS THEODOSIUS MACROBIUS, *Tischgespräche am Saturnalienfest*, Übersetzt von OTTO UND EVA SCHÖNBERGER (Würzburg, 2008).

was a fairly clear idea of Macrobius himself and his intellectual environment.⁹

The problems of the transition period are especially varied and complex, since it is necessary to take into account both interacting cultures. There were different approaches to solving this problem in different periods of the development of Russian historical studies. At first, the idea of continuity dominated when the relationship between Antiquity and the Middle Ages was emphasized. The relationship's essence was preserving elements or parts of ancient culture during the transition to the Middle Ages. A different solution to the problem was proposed by Marxist historians who rejected the idea of continuity, highlighting the struggle between two opposing cultures taking place according to certain social laws.¹⁰ Since the 1960s and 70s, there has been a gradual transition to a new vision of this problem. This was because a gradual revision of the attitude towards intellectual history, the development of social psychology, and everyday consciousness was taking place. The focus was on the different mentality types of the transitional period and on the phenomenon of coexistence and opposition of folk and elite cultures, which stimulated the emergence of culturological, sociopsychological, ethnographic and linguistic research. If we talk about the latter, Russian researchers paid more and more attention to particular texts and close reading of them, asserting the generic commonality of the history of texts and history itself.¹¹

New trends in historical writing demonstrated the inseparability of history from other disciplines such as linguistics, philosophy and

9 E.g.: JACQUES FLAMANT, *Macrobe et le Néoplatonisme Latin à la fin du IVe Siècle* (Leiden: E. J. Brill, 1977), xxxi + 738 p. <https://doi.org/10.1163/9789004295308>, STEPHEN GERSH, *Middle Platonism and Neoplatonism: The Latin Tradition*, in 2 vols. (Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1986), VII, 493 sqq. WILLIAM HARRIS STAHL, "Introduction", in MACROBIUS, *Commentary on the "Dream of Scipio"* (21990), 3–65.

10 After the collapse of the USSR in 1991, the party's diktat was lifted, and the Marxist trend was abandoned as the main approach to the study of history. Historians gained creative freedom. Against this background, on the one hand, publications of pseudo-historical "studies" began to appear (see, for example: А.Т. Фоменко, Г.В. Носовский, *Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима*. Факты. Статистика. Гипотезы, http://lib.ru/FOMENKOAT/rus_ar.txt_with-big-pictures.html [Accessed November, 2021] et cet.), and on the other hand, it became possible to revise many overly politicized moments in Russian historiography. There was a weakening of the material basis; commercialization of archives and publishing activity began.

11 Г. И. ЗВЕРЕВА, «Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории», *Одиссей. Человек в истории* (1996): 11–24.

psychology.¹² Under the influence of the “linguistic turn,” historical research expanded its scope, paying attention to the identification of “key” figures of the transition period.

Thus, in the period mentioned above of 60–70 years of the 20th century, quite a lot of studies appeared in Russia aimed at investigating a particular personality. These were studies which demonstrated a new approach to studying the era and a fresh look at the problem of the continuity of cultures (for example, attention was paid to the language of the authors, their research methodology and techniques and the main themes of their essays).

There are quite a few examples of such works, one being a study by Olga Dobiash-Rozhdestvenskaya on medieval scriptoria (1930), which examines the creative activity of scriptoria in the context of the development of European writing.¹³

Medieval Italo-Latin Literature, a monograph by Ilya Golenishchev-Kutuzov (1972) which discusses the works of both pagan and Christian authors,¹⁴ is devoted to the analysis of Italian literature.

Problems of the history of culture and literature are considered in a paper by Sergei Averintsev, “The Fate of the European Cultural Tradition in the Era of Transition from Antiquity to the Middle Ages” (1976).¹⁵ In particular, the coexistence of a new Christian worldview which has preserved the essential components of the ancient cultural tradition is shown in this well-argued work. Another work by S. Averintsev, entitled “The Poetics of Early Byzantine Literature” (1977),¹⁶ as well as a study by Gennady Mayorov, named “The Formation of Medieval Philosophy: Latin Patristics” (1979),¹⁷ concern the topic of the development of medieval literature, philosophy and aesthetics. Mayorov’s study touches upon problems connected with determining the stages of the development of philosophical knowledge in

12 Л. П. РЕПИНА, «Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории», *Одиссей. Человек в истории* (1996): 25–38.

13 О. А. ДОБИАШ-РОЖДЕСТВЕНСКАЯ, *Мастерские письма на заре западного Средневековья и их сокровища в Ленинграде* (Ленинград: Академия наук СССР, 1930), 32 с.

14 И. Н. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ, *Средневековая латинская литература Италии* (Москва: Наука, 1972), 308 с.

15 С. С. АВЕРИНЦЕВ, «Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от Античности к Средневековью», в *Из истории культуры Средних веков и Возрождения* (Москва: Наука, 1976), 17–64.

16 С. С. АВЕРИНЦЕВ, *Поэтика ранневизантийской литературы* (Москва: Наука, 1977), 320 с.

17 Г. Г. МАЙОРОВ, *Формирование средневековой философии* (Латинская патристика) (Москва: Мысль, 1979), 433 с.

the Middle Ages and discusses issues related to identifying the prominent authors who formed the Christian teaching.

The topic of continuity in the philosophy of slave-owning and feudal societies and the idea of penetration of ancient culture into medieval ones are thoroughly discussed in a monograph of the same name by Vazgen Chaloyan entitled *East-West: Continuity in the Philosophy of Ancient and Medieval Societies* (1979).¹⁸

Abram Ranovich's book *Primary Sources on the History of Early Christianity: Ancient Critics of Christianity* (1933–1935, reprinted in 1990),¹⁹ which discusses the economic state of the Roman Empire during the era of Christianity, is devoted to the problems of ancient criticism of Christianity, Christian ideology and the organization of the Christian church.

Here, one should also mention a thorough, two-volume work, *The Culture of Ancient Rome* (1985),²⁰ published under the editorship of Elena Golubtsova, in which, along with highlighting features of Roman intellectual culture, considerable attention is paid to the state of the material culture of Late Antique society.

Issues of culture are considered differently in a monograph by Aron Gurevich entitled *Problems of Medieval Folk Culture* (1981),²¹ in which the development of folk culture in the Middle Ages is discussed not in the context of "high" culture, but at the level of mass consciousness and the crystallization of a unique mentality.

The sketches of the first section of a book by O. Dobiash-Rozhdestvenskaya, *The Culture of the Western European Middle Ages* (1933; 1987),²² deal with problems of culture in general, emphasizing the continuity of various elements (both written and material) of both ancient and medieval culture.

A thematic collection of articles, *Antiquity as a Type of Culture* (1988),²³ is devoted to the peculiarities of ancient culture. It includes a study by

18 В. Г. Чалоян, *Восток — Запад. Преемственность в философии античного и средневекового общества*, ред. Б. М. Кедров, Г. З. Апресян (Москва: Наука, 1979), 216 с.

19 А. Б. Ранович, *Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства* (Москва: Издательство политической литературы, 1990), 480 с.

20 Е. С. Голубцова (ред.), *Культура древнего Рима*, в 2-х тт. (Москва: Наука, 1985), т. 1, 431 с., т. 2, 397 с.

21 А. Я. Гуревич, *Проблемы средневековой народной культуры* (Москва: Искусство, 1981), 359 с.

22 О. А. Добиаш-Рождественская, *Культура западноевропейского Средневековья. Научное наследие*, ред. В. И. Рутенбург (Москва: Наука, 1987), 349 с.

23 А. Ф. Лосев (ред.), *Античность как тип культуры* (Москва: Наука, 1988), 336 с.

Alexander Mikhailov, “Antiquity as an Ideal and a Cultural Reality of the 18th and 19th Centuries,”²⁴ which demonstrates the influence of Antiquity on the modern era.

It is also important to note the works of a historical nature which make it possible to reliably assess the political, economic and social structure of Late Antiquity and the Middle Ages. Among them are the first two volumes (1988; 1992) of *The History of Europe*,²⁵ which include sections devoted, in particular, to the culture of the transition period, as well as the first two volumes (1983–1984) of a multivolume edition of *A History of World Literature*,²⁶ which cover problems of interaction between Greek and Roman literature of the antique period.

In the Russian historiography of the Soviet period, works directly devoted to Macrobius²⁷ and his writings have only appeared since the 1960s. There are few such works. Macrobius is either presented as an author of the transition period from Antiquity to the Middle Ages or as an encyclopedist, included in a number of other compilers and transmitters of ancient knowledge (such as Iamblichus, Calcidius, Cassiodorus, Martianus Capella and Boethius) or as a representative of Roman Late Antique Neoplatonism.²⁸ Along with this, Macrobius was quite often referred to by

24 А. В. Михайлов, «Античность как идеал и культурная реальность XVIII–XIX вв.», *Античность как тип культуры*, ред. А. Ф. Лосев, 308–324.

25 *История Европы*, в 8 тт. (Москва: Наука, 1988–1994), т. 1 (1988): Древняя Европа, 704 с.; т. 2 (1992): Средневековая Европа, 816 с.

26 *История всемирной литературы*, в 9 тт. (Москва: Наука, 1983–1994), т. 1 (1983), 303–515 [584 с.]; т. 2 (1984), 441–59 [672 с.].

27 Previously, Macrobius was mentioned in F. A. Brockhaus and I. A. Efron’s encyclopedic dictionary. See: Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон, «Макробий», в *Энциклопедический словарь* Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона, т. 18/35: «Лопари — Малолетние преступники» (Санкт-Петербург, 1890–1897), 433, <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003924225#?page=1> (Accessed November, 2021). We do not refer to the later encyclopedic articles.

28 It is important to consider that Roman Neoplatonism is not similar to the Greek one, since it was adapted to the needs of a different time, to different knowledge and a different demand for such knowledge. The importance of the Roman Neoplatonic tradition for medieval Christian culture is obvious, since it was Roman Neoplatonism which had points of contact with Christianity in very cardinal issues of faith and nurtured medieval thought (see: *История Европы*, т. 2, 8). One example of this is Augustine, who determined the form of Christianity and was influenced by pagan philosophy and Neoplatonism in particular (see А. К. Дживелегов, «Блаженный Августин», в *Бл. Августин. Энхиридион или О вере, надежде и любви* [Киев: УЦИММ-ПРЕСС, 1996], 4).

Russian researchers either as a grammarian, or as a philosophizing writer or a Neoplatonic writer who lived in the 4th century.²⁹

A small number of works on Macrobius and his writings were complemented both by general studies related to the problems of the transition period from Antiquity to the Middle Ages which contributed to defining the place of Macrobius in the culture of his time and detailed studies devoted to his younger or older contemporaries which analyzed his intellectual environment.

Here we should also point to sources translated into Russian, which are provided with detailed introductory articles and commentaries. Below only a few of them (six in all) are mentioned, those which in our opinion added separate touches to the existing picture on Macrobius, his place in Late Antique culture and his time (this list also includes works that appeared in the late 90s).

- 1) A monograph by V. Ukolova. This shows Boethius' place in the culture of the turn of the eras, analyses his works in detail, describes the fate of Boethius against the background of the death of the ancient world and the birth of the medieval one.³⁰ This book is correlated with a translation by V. Ukolova and M. Zeitlin of a treatise of Boethius' *Consolation in Philosophy*, which is provided with a detailed commentary.³¹
- 2) An introductory essay by A. Stolyarov, "Aurelius Augustine: His Life, Doctrine and Fate." (preceding the translation of Augustine's *Confessions*, by M. Sergeenko)³² not only examines the epoch of Augustine's life and discusses his teachings, but also clarifies biographical information.
- 3) A paper by M. Gasparov entitled "Ausonius and his Time"³³ determines the place of the poet in the culture of Late Antiquity against the

29 E.g., see В. П. ГАЙДЕНКО, Г. А. СМЕРНОВ, *Западноевропейская наука в Средние века* (Москва: Наука, 1989), 59; В. И. КУЗИЩИН (ред. и др.), «Макробий», в *Словарь Античности* (Москва: Прогресс, 1989), 329; Г. С. ЛИТИЧЕВСКИЙ, «Идеи стоической физики в Естественной Истории Плиния Старшего», в *Mathesis. Из истории античной науки и философии* (Москва: Наука, 1991), 195 с.

30 В. И. УКОЛОВА, *Последний римлянин Бозций* (Москва: Наука, 1987), 160 с.

31 Бозций, «Утешение философией» и другие трактаты, ред. Г. Г. МАЙОРОВ (Москва: Наука, 1990); 190–290, 302–12; <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1466700100> (Accessed November 2021).

32 АВРЕЛИЙ АВГУСТИН. *Исповедь*, пер. М. Е. СЕРГЕЕНКО, вступит. ст. А. А. СТОЛЯРОВ (Москва: Издательство Ренессанс, 1991), 487 с.

33 АВСОНИЙ, *Стихотворения*, изд. подг. М. Л. ГАСПАРОВ (Москва: Наука, 1993), 251–72.

background of the historical situation of the time and considers the contemporary education system.

- 4) It is essential to mention a work published in Milan³⁴ in Russian by Angelo Paredi, entitled *St. Ambrose of Mediolan and His Time*. Ambrose's work is discussed in the context of the struggle between paganism and Christianity.
- 5) G. Taronyan's *Pliny the Elder*, which contains detailed information on the Latin encyclopedist Pliny and the study of his *Natural History* in foreign historiography, includes a translation of fragments on art, accompanied by thorough analysis and detailed commentaries.³⁵
- 6) The spread of Christianity and the establishment of the Christian worldview on the territory of the Roman Empire from the middle of the 2nd century are the main topics of a paper by A. Stolyarov entitled "Tertullian: His Epoch and His Life". This is followed by a translation of selected works of Tertullian in the book of the same name³⁶.

Russian-commented translations of historical works contributed to a better understanding of the historical background of the life of Macrobius and his closest contemporaries. These include: 1) a translation of *The History of Rome* by Ammianus Marcellinus (translated by Yu. Kulakovskiy and A. Sonny),³⁷ which is preceded by an article by L. Lukomskiy entitled "Ammianus Marcellinus and his Time"³⁸ and 2) translations of works by authors from the 4th century, published under the editorship of M. Timofeev.³⁹ A translation of Eutropius' *Abridgement of Roman History* by A. Donchenko is among them. It is preceded by A. Donchenko's introductory article (co-authored with M. Vysokiy and M. Khorkov) entitled "The Last Historians of the Great Empire."⁴⁰

34 А. ПАРЕДИ, *Святой Амвросий Медиоланский и его время* (Милан: Христианская Россия, 1991), 267 с.

35 Плиний СТАРШИЙ, *Естествознание. Об искусстве*, пер. Г. А. ТАРОНЯН (Москва: Научно-издательский центр «Ладомир», 1994), 941 с.

36 КВИНТ СЕПТИМИЙ ФЛОРЕНТ ТЕРТУЛЛИАН. *Избранные сочинения*, сост. и ред. А. А. СТОЛЯРОВ (Москва: Издательская группа «Прогресс», 1994), 448 с.

37 АММИАН МАРЦЕЛЛИН, *Римская история* (Киев, 1906–1908), вып. 1–3.

38 Л. Ю. ЛУКОМСКИЙ, «Аммиан Марцеллин и его время», в Аммиан Марцеллин, *Римская история*, пер. Ю.А. Кулаковского и А. И. Сонни, ред. Л. Ю. Лукомский (Санкт-Петербург: Алетейя, 1994), 5–21.

39 М. А. ТИМОФЕЕВ (ред.), *Римские историки IV века* (Москва: РОССПЭН, 1997), 384 с.

40 А. И. ДОНЧЕНКО, М. Ф. ВЫСОКИЙ, М. Л. ХОРЬКОВ, «Последние историки великой империи», в *Римские историки*, 297–318.

More detailed works devoted to Macrobius and his texts appeared in the last decade of the existence of the Soviet system. These can be analyzed chronologically and characterized in terms of the problems involved.

First among them is Tatyana Miller's study "Literary Criticism of Virgil's Poetry in the Period of 'Pagan Revival': Servius and Macrobius."⁴¹ It examines the problem of Macrobius' relationship to Virgil and identifies the main themes of Macrobius' *Saturnalia*. The main emphasis in this work is placed on the fact that Virgil was perceived in the era of Late Antiquity not so much as a poet, but as a philosopher and a sage. A Russian translation of the relevant passages from the *Saturnalia*, where Virgil is extolled, confirms the results obtained.⁴²

The research by T. Miller mentioned above is correlated with a section of Ilya Golenishchev-Kutuzov's monograph *Medieval Latin Literature*,⁴³ which is devoted to the work of Macrobius, and defines his place in the culture of the 4th - 5th centuries.

Works on Macrobius and his texts by Victoria Ukolova were published at the end of the 1980s. The problem of Macrobius' perception in the Middle Ages is raised and studied in Ukolova's works "Macrobius and His Role in the Formation of Medieval Culture"⁴⁴ and "Macrobius and the Problems of Medieval Culture."⁴⁵ These works defined the place of Macrobius in the culture of his epoch as one of the most important compilers and transmitters and noted his influence on subsequent authors of the Middle Ages (starting from the 6th century) up to the Renaissance. They also marked the peak of interest in Macrobius' texts as being in the medieval

41 Т. А. Миллер, «Литературная критика поэзии Вергилия в период «языческого возрождения». Сервий. Макробий», в *Очерки истории римской литературной критики*, ред. Ф. А. ПЕТРОВСКИЙ (Москва: Академия наук СССР, 1963), 283–306.

42 Here we should also note a work by Yuri Vinogradov: *A Political History of the Olbia Polis of the 7th – 1st Centuries BC*. The events in Olbia during its siege by Zopirion are reconstructed with the help of excerpts from Macrobius' *Saturnalia*. See Ю. Г. Виноградов, *Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э.: Историко-эпиграфическое исследование* (Москва: Наука, 1989), 150–3. For translations of Macrobius' texts, see below.

43 И. Н. Голенищев-Кутузов, *Средневековая латинская литература*, 54–61.

44 В. И. Уколова, «Макробий и его роль в формировании средневековой культуры», в *Балканы в контексте Средиземноморья. Проблемы реконструкции языка и культуры* (Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму) (Москва: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1986), 73–4, https://inslav.ru/images/stories/pdf/1986_Balkany_v%20kontekste_Sredizemnomorja_Tezisy.pdf (Accessed November 2021).

45 В. И. Уколова, «Макробий и проблемы средневековой культуры», в *Средние века* 52 (1989): 173–92.

period from the 11th to the 13th centuries. Among the most prominent authors of the Middle Ages who knew the texts of Macrobius, V. Ukolova mentioned not only Cassiodorus, Isidore of Seville, Peter Abelard, Hugh of Saint Victor and Peter Lombard, but also Dante, Petrarch and Pico della Mirandola.

V. Ukolova's works "Macrobius' Commentary on the 'Dream of Scipio' in Medieval Philosophy"⁴⁶ and "Macrobius and his *Saturnalia*" (1989),⁴⁷ which are devoted to a detailed analysis of the main themes of Macrobius' writings, are of significant interest in the historical, philosophical and cultural context. Her monograph *Ancient Heritage and the Culture of the Early Middle Ages*⁴⁸ defines the place of Macrobius in the literary tradition in the period of the change of ancient culture to the medieval one. A special section of another monograph by V. Ukolova entitled *Late Rome: Five Portraits*⁴⁹ supplements her previous works with a discussion of the natural-philosophical views of Macrobius, a reconstruction of his worldview, consideration of issues related to Macrobius' ideas on myths and dreams, and an exposition of Greek arithmetic and astronomy.

One should consider the works of Alexei Losev, which also study the creative heritage of Macrobius. In addition to analyzing the main themes of Macrobius' texts, it is noted that he belongs to the Neoplatonic tradition. A. Losev wrote on this in his work named *The History of Ancient Aesthetics*: "... the Neoplatonism of Macrobius has a dual character. On the one hand, it is a presentation of traditional Greek systems with their Latin coloring, in which the philological side often prevails over the philosophical one. On the other hand, a completely new sense of personality is already visible in his works, unfamiliar to the ancient philosophers. It demanded new, different teaching, which Macrobius, as a representative of the ancient Roman tradition, could not and did not want to accept."⁵⁰ Another work by A. Losev in collaboration with Aza Taho-Godi, entitled "Macrobius

46 В. И. Уколова, «Комментарий на 'Сон Сципиона' Макробия и средневековая философия», в *Из истории философского наследия древнего Средиземноморья* (Москва: Институт философии РАН, 1989), ч. 2, 135–60.

47 В. И. Уколова, «Макробий и его Сатурналии», в *Культура и общественная мысль: Античность. Средние века. Эпоха Возрождения* (Москва: Наука, 1988), 50–7.

48 В. И. Уколова, *Античное наследие и культура раннего Средневековья (конец V – начало VII веков)* (Москва: Наука, 1989), 320 с.

49 В. И. Уколова, *Поздний Рим. Пять портретов* (Москва: Наука, 1992), 154 с.

50 А. Ф. Лосев, «Макробий», в *История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития* (Москва: Искусство, 1992), т. 8, кн. 1, ч. 2, 152.

and Marcianus Capella — Philosophizing Writers of Late Antiquity,”⁵¹ is a comparative study. In particular, it states the importance of Macrobius as a translator of pagan (antique) culture for the transition period from Antiquity to the Middle Ages. A detailed analysis of Macrobius’ writings — *Commentary* and *Saturnalia* — is carried out in the work by A. Losev mentioned above. The study in question is included in the 8th volume of Losev’s *History of Ancient Aesthetics*,⁵² which describes in detail both of Macrobius’ works, lists their philosophical themes and indicates the dates⁵³ the Latin author lived⁵⁴.

Such a small number of studies on Macrobius and his texts (primarily the *Commentary*) in the Russian historiography of the Soviet period is explained by the fact that scholars specializing in classical studies dealt mainly with the classical (Greek) period of the development of scientific knowledge. They often did not place importance on the commentary as a genre, instead drawing attention to the original texts which were used and revised by such late authors as Macrobius. Medievalists, however, did not pay enough attention to the authors of the transition period from Antiquity to the Middle Ages because the content of their works was still considered “classical.”⁵⁵ Thus, in Russian historiography, study of the works of Macrobius (5th century) was initiated by T. Miller (1963), I. Golenishchev-Kutuzov (1972), V. Ukolova (1986, 1989, 1992) and A. Losev and A. Taho-Godi (1990, 1992). All these works gave impetus to interest in Macrobius and his texts and the accumulation of knowledge on him and helped to identify issues which required solutions.

Further studies, as a rule, identified the Greek and Latin sources of Macrobius’ works and ways of interpreting them and reconstructed the Greek teachings transmitted by Macrobius, the author’s personality,

51 A. Ф. Лосев, А. А. Тахо-Годи, «Макробий и Марциан Капелла — философствующие писатели Поздней Античности», в *Античность в контексте современности. Вопросы классической филологии* (Москва: Издательство МГУ, 1990), вып. 10, 5–33.

52 А. Ф. Лосев, «Макробий», в *История античной эстетики*, 152.

53 This information on the period of Macrobius’s life and the appearance of his works was subsequently revised (see below).

54 We consider the studies of V. Ukolova and A. Losev, published in 1992, as belonging to the Soviet tradition.

55 This is how William Harris Stahl explained the lack of detailed research on Macrobius’ texts when he began working on the English translation of the *Commentary* (see: WILLIAM HARRIS STAHL, “Introduction”, ix–x). It seems to us that his words apply to the current situation with the study of the texts of Macrobius and also to Russian historiography of the Soviet period.

his intellectual environment and the dating of his works. Studies by T. Umanskaya on Macrobius' arrhythmology,⁵⁶ I. Semenov on the possible dependence of Macrobius on Aristotle,⁵⁷ V. Zvirevich on the image of Virgil as a philosopher according to Macrobius' *Saturnalia* and *Commentary*⁵⁸ can be named among these works. In our own investigations,⁵⁹ we reconstruct Macrobius's doctrine of the soul and his ideas on the universe, we discuss Macrobius' synthesis of elements of Platonism and Stoicism and identify and analyze⁶⁰ Greek and Latin sources.⁶¹

-
- 56 Т. А. Уманская, «Числовая символика космоса и человека», в *Знание за пределами науки: мистицизм, герметизм, астрология, алхимия, магия в интеллектуальных традициях I–XIV веков*, сост. и ред. И.Т. Касавин (Москва: Республика, 1996), 290–2.
- 57 И. А. Семенов, «Самодвижность души как основание её бессмертия (Проблема самодвижности души у Макробия)», *Логос* (1999) 6 (16): 33–58, — https://ruthenia.ru/logos/number/1999_06/1999_6_06.htm (Accessed November 2021).
- 58 В. Т. Звиревич, «Вергилий-философ в представлении Макробия», *Известия Уральского федерального университета*, сер. 3. Общественные науки (2016) 1 (149): 117–24.
- 59 Early studies (up to 1996–2010) were included partially in the form of constituent parts in my monograph on the *Commentary* (2007), and an introductory sketch to the translation of the *Saturnalia* (2013) by V. Zvirevich. See M. С. Петрова, *Макробий Феодосий и представления о душе* (Москва: Кругъ, 2007), 464 с., ЕАДЕМ, «Макробий Феодосий и его *Сатурналии*», в *Макробий Феодосий, Сатурналии* (Москва: Кругъ, 2013), v–lxx.
- 60 М. С. Петрова, «Онейрокритика в Античности и в Средние века (на примере Макробия)», в *Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков* (исследования и переводы), ред. М. С. Петрова (Москва: Кругъ, 2010), 176–228; ЕАДЕМ, «Платонизм у Макробия», в *Космос и душа (Выпуск второй). Учение о природе и мышлении в Античности, Средние века и Новое время (Исследования и переводы)*, ред. А. В. Серегин (Москва: Прогресс-Традиция, 2010), 184–209; ЕАДЕМ, «Солнечный монотеизм у Макробия», в *PLATONIKA ZHТНМАТА. Исследования по истории платонизма*, ред. В.В. Петров (Москва: Кругъ, 2013), 226–39; ЕАДЕМ, «Полемика эпикурейцев и платоников о допустимости использования вымысла в философских рассуждениях (на примере *Комментария на 'Сон Сципиона'* Макробия)», в *Платоновский сборник II. Приложение к Вестнику Русской христианской гуманитарной академии* (Москва; Санкт-Петербург: РГГУ-РХГА, 2013. Т. 14. С. 264–74; ЕАДЕМ, «Представления платоников о делении мира в изложении латинского энциклопедиста Макробия», *Диалог со временем* 50 (2015): 139–51; ЕАДЕМ, «Макробиев *Комментарий на 'Сон Сципиона'* и релевантные контексты», *ΣΧΟΛΗ (Schole)* (2015) 9 (2): 306–12; ЕАДЕМ, «Прояснение смысла и содержания фрагмента *Об опьянении*, приписываемого Аристотелю, посредством *Сатурналий* Макробия», *Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем* 3 (2016): 43–58; ЕАДЕМ, «Пир как театр: к вопросу о мизансцене *Сатурналий*», *Nurothekai. Журнал по истории античной педагогической культуры* 2 (2018): Воспитание театром и в театре: античная педагогика сцены: 143–62. <https://doi.org/10.32880/2587-7127-2018-2-2-143-162>
- 61 E.g., М. С. Петрова, «История развития *Quellenforschung* (теории источников) в зарубежной историографии конца XIX начала XX веков в ракурсе изучения текстов позднеримских энциклопедистов», в *Вспомогательные исторические дисциплины*

As for translations of Macrobius' texts into Russian, only translations of small fragments from the *Saturnalia*⁶² and *Commentary*⁶³ were formerly carried out. Complete commented translations of selected chapters of the *Commentary* were published only in the last years of the 20th century and in the first two decades of the 21st century. Among them, there is my translation,⁶⁴ that by T. Umanskaya, preceding her paper on the numerical symbolism of space and man⁶⁵ mentioned above and a translation by V. Zvirevich.⁶⁶ A full commented translation of *Saturnalia*, which was carried out by V. Zvirevich, was published in 2009.⁶⁷ In 2013, an existing translation by V. Zvirevich was republished with corrections and provided with an introduction,⁶⁸ notes and appendices.⁶⁹

Thus, the study of Macrobius' writings in Russia, which originated in the 1960s, has been going on for about 60 years. At the present time, Russian researchers continue to work on a complete commented translation of Macrobius' *Commentary* and his grammatical treatise *On Verbs*. However,

в современном научном знании: *Материалы XXXIII международной научной конференции*, ред. И. Г. Коновалова, Е. В. Пчелов (Москва: ИВИ РАН, 2020), 327–9.

- 62 Here it is necessary to point out a translation by A. Aleksanyan (1940) of two fragments (in some lines) from the *Saturnalia* (I, 7, 15 and I, 19, 8-19) on Egyptian sacrifices and the image of the sun. See *Архитектура античного мира: Материалы и документы по истории архитектуры*, сост. В. П. Зубов, Ф. А. Петровский (Москва: Издательство Академии архитектуры СССР, 1940), 62, <http://www.egyptology.ru/antiq/macrobius.htm> (Accessed November 2021); Миллер, «Литературная критика», 304-6 (Attachment to her paper) — see above; МАКРОБИЙ, *Сатурналии* (Frg.: Praef. I, 6-7, II, 2-4, VI, 1, VII, 16), пер. Е.А. БЕРКОВА, в *Памятники поздней античной научно-художественной литературы* (Москва: Наука, 1964), 342–55.
- 63 МАКРОБИЙ, *Комментарий* (Frg. I, 2, 6-10), пер. Е. А. БЕРКОВА, в *Памятники*, 355–6; ЦИЦЕРОН, *О Государстве VI*, пер. В. О ГОРЕШНТЕЙН, в *ЦИЦЕРОН, Диалоги. О государстве. О законах* (Москва: Наука, 1966; 1994), 80-1.
- 64 МАКРОБИЙ, *Комментарий*, кн. I, гл. 8–10, пер. М. С. ПЕТРОВА, в *Историко-философский ежегодник' 95* (Москва: Мартис, 1996), 221–31; МАКРОБИЙ, *Комментарий*, кн. I, гл. 11–14 и 17, кн. II, гл. 12–13 и 17, пер. М. С. ПЕТРОВА, *Историко-философский ежегодник' 96* (Москва: Наука, 1997), 68–97; МАКРОБИЙ, *Комментарий*, кн. I, гл. 1–4, пер. М. С. ПЕТРОВА, в *Историко-философский ежегодник' 2002* (Москва: Наука, 2002), 45–61.
- 65 МАКРОБИЙ, *Комментарий*, кн. I, гл. 3–5 и 6 [фрг. 1–59], пер. Т. А. УМАНСКАЯ, в *Знание за пределами науки*, 276–90.
- 66 МАКРОБИЙ, *Комментарий*, кн. II, гл. 14–16, пер. В. Т. ЗВИРЕВИЧ, в *Известия Уральского федерального университета*, сер. 3. Общественные науки 64, 12. no. 2 (2017): 181–96.
- 67 МАКРОБИЙ, *Сатурналии*, пер. В. Т. ЗВИРЕВИЧ, ред. С. П. ПУРГИН (Екатеринбург: Издательство Уральского государственного университета, 2009), 372 с.
- 68 М. С. ПЕТРОВА, «Макробий Феодосий и его *Сатурналии*», в *МАКРОБИЙ ФЕОДОСИЙ, Сатурналии*, пер. В. Т. ЗВИРЕВИЧ, общ. ред. М.С. Петрова (Москва: Кругъ, 2013), v-lxx.
- 69 МАКРОБИЙ Феодосий, *Сатурналии*, пер. В. Т. ЗВИРЕВИЧ, общ. ред. М. С. ПЕТРОВА (Москва: Кругъ, 2013), v-lxx + 810 с.

in general, it is unlikely that the curtain will ever be dropped on the study of Macrobius's literary heritage, not only in Russia but also abroad, since, as is well known, the process of studying the sources is limitless.

References

- S. S. AVERINTSEV, *Poetika rannevizantiiskoi literatury* [Poetics of Early Byzantine Literature] (Moskva: Nauka, 1977), 320.
- S. S. AVERINTSEV, "Sud'by evropeiskoi kul'turnoi traditsii v epokhu perekhoda ot Antichnosti k Srednevekov'iu" [The Fate of the European Cultural Tradition in the Era of Transition from Antiquity to the Middle Ages], v *Iz istorii kul'tury Srednikh vekov i Vozrozhdeniia* (Moskva: Nauka, 1976), 17–64.
- Arkhitektura Antichnogo mira: Materialy i dokumenty po istorii arkhitektury* [Architecture of the Ancient World: Materials and Documents on the History of Architecture], sost. V. P. ZUBOV, F. A. PETROVSKII (Moskva: Izdatel'stvo Akademii arkhitektury SSSR, 1940), <http://www.egyptology.ru/antiq/macrobius.htm> (Accessed November 2021).
- F. A. BROKGAUZ, I. A. EFRON, "Makrobii" [Macrobius], v *Entsiklopedicheskii slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona*, t. 18/35: "Lopari — Maloletnie prestupniki" (Sankt-Peterburg: 1890–1897), 433, <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003924225#?page=1> (Accessed November 2021).
- ALAN CAMERON, "The Date and Identity of Macrobius", *The Journal of Roman Studies*, Vol. 56, Parts 1–2 (1966): 25–38. <https://doi.org/10.2307/300131>
- V. G. CHALOIAN, *Vostok — Zapad. Preemstvennost' v filosofii antichnogo i srednevekovogo obshchestva* [East – West: Continuity in the Philosophy of Ancient and Medieval Society], red. B.M. KEDROV, G.Z. APRESYAN (Moskva: Nauka, 1979), 216.
- O. A. DOBIASH-ROZHDESTVENSKAIA, *Masterskie pis'ma na zare zapadnogo Srednevekov'ia i ikh sokrovishcha v Leningrade* [The Masters' Letters at the Dawn of the Western Middle Ages and their Treasures in Leningrad] (Leningrad: Akademiia nauk SSSR, 1930), 32.
- O. A. DOBIASH-ROZHDESTVENSKAIA, *Kul'tura zapadnoevropeiskogo Srednevekov'ia. Nauchnoe nasledie* [The Culture of the Western European Middle Ages: Academic Heritage], otv. red. V.I. RUTENBURG (Moskva: Nauka, 1987), 349.
- A. I. DONCHENKO, M. F. VYSOKII, M. L. KHOR'KOV, "Poslednie istoriki velikoi imperii" [The Last Historians of the Great Empire], v *Rimskie istoriki IV veka*, red. M. A. TIMOFEEV (Moskva: ROSSPEN, 1997), 297–318.
- A. K. DZHIVELEGOV, "Blazhennyi Avgustin" [The Blessed Augustine], v BL. AVGUSTIN, *Enkhiridion ili O vere, nadezhde i liubvi* (Kiev: UTSIMM-PRESS, 1996), 4.
- Istoriia Evropy* [A History of Europe], v 8 tt. (Moskva: Nauka, 1988–1992), t. 1 (1988): Drevniaia Evropa, 704 s.; t. 2 (1992): Srednevekovaiia Evropa, 816.
- Istoriia vsemirnoi literatury* [A History of World Literature], v 9 tt., t. 1 (1983), 303–515 [584 s.]; t. 2 (1984), 441–59 [672 s.] (Moskva: Nauka, 1983–1984).
- JACQUES FLAMANT, *Macrobe et le Néoplatonisme Latin à la fin du IVe Siècle* [Macrobius and Latin Neoplatonism at the End of the 4th Century] (Leiden: E. J. Brill, 1977), xxxi + 738 p. <https://doi.org/10.1163/9789004295308>

- A. T. FOMENKO, G. V. NOSOVSKII, *Novaia khronologiya i kontseptsii drevnei istorii Rusi, Anglii i Rima. Fakty. Statistika. Gipotezy* [A New Chronology and Concept of the Ancient History of Russia, England and Rome: Facts, Statistics and Hypotheses], http://lib.ru/FOMENKOAT/rus_ar.txt_with-big-pictures.html (Accessed November 2021).
- M. L. GASPAROV, "Avsonii i ego vremena" [Ausonius and his Time], v AVSONII, *Stikhotvoreniia*, izd. podg. M. L. GASPAROV (Moskva: Nauka, 1993), 251–72.
- V. P. GAIDENKO, G. A. SMIRNOV, *Zapadnoevropeiskaia nauka v Srednie veka* [Western European Science in the Middle Ages] (Moskva: Nauka, 1989), 352.
- STEPHEN GERSH, *Middle Platonism and Neoplatonism: The Latin Tradition*, in 2 vols. (Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1986), xix + 939.
- I. N. GOLENISHCHEV-KUTUZOV, *Srednevekovaia latinskaia literatura Italii* [Medieval Latin Literature of Italy] (Moskva: Nauka, 1972), 308 s.
- E. S. GOLUBTSOVA (red.), *Kul'tura drevnego Rima* [The Culture of Ancient Rome], v 2-kh tt. (Moskva: Nauka, 1985), t. 1, 431 s., t. 2, 397 s.
- A. IA. GUREVICH, *Problemy srednevekovoi narodnoi kul'tury* [Problems of Medieval Folk Culture] (Moskva: Iskustvo, 1981), 359 s.
- V. I. KUZISHCHIN (red. i dr.), "Makrobii" [Macrobius], v *Slovar' Antichnosti*, per. s nem. V. I. GORBUSHINA i dr. (Moskva: Izdatel'stvo Progress, 1989), 704 c.
- G. S. LITICHEVSKII, "Idei stoicheskoi fiziki v Estestvennoi istorii Pliniia Starshego" [The Ideas of Stoic Physics of Pliny the Elder in the *Natural History*], *Mathesis. Iz istorii antichnoi nauki i filosofii* (Moskva: Nauka, 1991), 194–210.
- A. F. LOSEV (red.), *Antichnost' kak tip kul'tury* [Antiquity as a Type of Culture] (Moskva: Nauka, 1988), 336.
- A. V. MIKHAILOV, "Antichnost' kak ideal i kul'turnaia real'nost' XVIII–XIX vv." [Antiquity as an Ideal and Cultural Reality of the 18th – 19th Centuries], v *Antichnost' kak tip kul'tury*, red. A.F. LOSEV (Moskva: Nauka), 308–24.
- A. F. LOSEV, "Makrobii" [Macrobius], v *Istoriia antichnoi estetiki. Itogi tysiacheletnego razvitiia* (Moskva: Iskustvo, 1994), t. VIII, kn. 1, ch. 2, 176–91.
- A. F. LOSEV, A. A. TAKHO-GODI, "Makrobii i Martsian Kapella — filosofstvuiushchie pisateli Pozdnei Antichnosti" [Macrobius and Marcianus Capella — Philosophical Writers of Late Antiquity], v *Antichnost' v kontekste sovremennosti. Voprosy klassicheskoi filologii* (Moskva: Izdatel'stvo MGU, 1990), vyp. 10, 5–33.
- L.IU. LUKOMSKII, "Ammian Martsellin i ego vremena" [Ammianus Marcellinus and His Time], v AMMIAN MARTSELLIN, *Rimskaia istoriia* (Sankt-Peterburg: Aleteiia, 1996), 5–21.
- G. G. MAIOROV, *Formirovanie srednevekovoi filosofii (Latinskaia patristika)* [The Formation of Medieval Philosophy (Latin Patristics)] (Moskva: Mysl', 1979), 433 s.
- T. A. MILLER, "Literaturnaia kritika poezii Vergiliia v period 'iazycheskogo vozrozhdeniia'. Servii Makrobii" [Literary Criticism of Virgil's Poetry during the "Pagan Revival": Servius and Macrobius], v *Ocherki istorii rimskoi literaturnoi kritiki*, red. F.A. PETROVSKII (Moskva: Akademiya nauk SSSR, 1963), 283–306.
- A. PAREDI, *Sviatoi Amvrosii Mediolanskii i ego vremena* [Saint Ambrose of the Mediolan and His Time] (Milan: Khristianskaya Rossiya, 1991), 267 s.
- M. S. PETROVA, Makrobii Feodosii i predstavleniia o dushe i o mirozdanii v Pozdnei Antichnosti [Macrobius Theodosius and the Concept of the Soul and the Universe in Late Antiquity] (Moskva: Krug", 2007), 464 s.
- M. S. PETROVA, "Oneirokritika v Antichnosti i v Srednie veka (na primere Makrobiia)"

[Oneirocriticism in Antiquity and the Middle Ages (on the Example of Macrobius), *Intellektual'nye traditsii Antichnosti i Srednikh vekov (issledovaniia i perevody)*, red. M.S. PETROVA (Moskva: Krug», 2010), 176–228.

M. S. PETROVA, “Platonizm u Makrobiia” [Platonism in Macrobius], v *Kosmos i dusha (Vy-pusk vtoroi). Uchenie o prirode i myshlenii v Antichnosti, Srednie veka i Novoe vremia (Issledovaniia i perevody)*, red. A.V. SEREGIN (Moskva: Progress-Traditsiia, 2010), 184–209.

M. S. PETROVA, “Makrobii Feodosii i ego Saturnalii” [Macrobius Theodosius and his *Saturnalia*], v MAKROBII, *Saturnalii*, per. s lat. i grech. V.T. ZVIREVICH, red. M.S. PETROVA (Moskva: Krug», 2013), v–lxx.

M. S. PETROVA, “Polemika epikureitsev i platonikov o dopustimosti ispol'zovaniia vmysla v filosofskikh rassuzhdeniiakh (na primere Kommentarii na ‘Son Stsipiona’ Makrobiia)” [The Epicurean-Platonist Controversy on the Permissibility of the Use of Fiction in Philosophical Discourse (on the Example of the *Commentary on the “Dream of Scipio”* by Macrobius)], v *Platonovskii sbornik II*, ser. Prilozhenie k Vestniku Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii (Moskva; Sankt-Peterburg: RGGU – RKhGA, 2013), t. 14, 264–74.

M. S. PETROVA, «Solnechnyi monoteizm u Makrobiia», v PLATVNIKA ZHTHMATA. Issledovaniia po istorii platonizma, red. V.V. PETROV (Moskva: Krug», 2013), 226–39.

M. S. PETROVA, “Makrobiev Kommentarii na ‘Son Stsipiona’ i relevantnye konteksty” [Macrobius’ Solar Monotheism], *ΣΧΟΛΗ (Schole). Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaia traditsiia* (2015), t. 9 (2), 306–12.

M. S. PETROVA, “Predstavleniia platonikov o delenii mira v izlozhenii latinskogo entsiklopedista Makrobiia” [Platonists’ Views on the Division of the World as Presented by the Latin Encyclopedist Macrobius], *Dialog so vremenem* 50 (2015): 139–51.

M. S. PETROVA, “Proiasnenie smysla i sodержaniia fragmenta Ob op'ianenii, pripisyvaemogo Aristotelii, posredstvom Saturnalii Makrobiia” [Clarification of the Meaning and Content of the Fragment *On Drunkenness* Attributed to Aristotle through the *Saturnalia* of Macrobius], *Intellektual'nye traditsii v proshlom i nastoiashchem* 3 (2016): 43–58.

M. S. PETROVA, “Pir kak teatr. K voprosu o mizanstsene Saturnalii” [The Feast is like a Theater: On the Question of the *Saturnalia* Mise-en-Scène], *Hypothekai. Zhurnal po istorii antichnoi pedagogicheskoi kul'tury* 2 (2018): Vospitanie teatrom i v teatre: antichnaia pedagogika stseny, 143–62. <https://doi.org/10.32880/2587-7127-2018-2-2-143-162>

M. S. PETROVA, “Istoriia razvitiia *Quellenforschung* (teorii istochnikov) v zarubezhnoi istoriografii kontsa XIX nachala XX vekov v rakurse izucheniia tekstov pozdnerimskikh entsiklopedistov” [The History of the Development of the *Quellenforschung* (Source Theory) in Foreign Historiography of the Late 19th and Early 20th Centuries from the Perspective of Studying the Texts of the Late Roman Encyclopedists], v *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny v sovremennom nauchnom znanii: Materialy XXXXIII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, red. I.G. KONOVALOVA, E.V. PCHELOV (Moskva: IVI RAN, 2020), 327–9.

A. B. RANOVICH, *Pervoistochniki po istorii rannego khristianstva. Antichnye kritiki khristianstva* [Primary Sources on the History of Early Christianity: Ancient Critics of Christianity] (Moskva: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1990), 480.

L. P. REPINA, "Vyzov postmodernizma i perspektivy novoi kul'turnoi i intellektual'noi istorii" [The Challenge of Postmodernism and the Prospect of a New Cultural and Intellectual History], *Odissei. Chelovek v istorii* (1996): 25–38.

I. A. SEMENOV, "Samodvizhnost' dushi kak osnovanie ee bessmertiiia (Problema samodvizhnosti dushi u Makrobiia)" [Self-Movement of the Soul as the Basis of its Immortality (The Problem of Self-Movement of the Soul in Macrobius)], *Logos* 16, no. 6 (1999): 33–58, http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_06/1999_6_06.htm (Accessed November 2021).

WILLIAM HARRIS STAHL, "Introduction", in MACROBIUS, *Commentary on the "Dream of Scipio"* (New York, 1990), 3–65.

A. A. STOLIAROV, "Avrelii Avgustin. Zhizn'. Uchenie i ego sud'ba" [Aurelius Augustine: His Life, Doctrine and Fate.], v AVRELIU AVGUSTINU, *Isповед'*, per. M.E. SERGEENKO (Moskva: Izdatel'stvo Renessans, 1991), 5–50.

A. A. STOLIAROV, "Tertullian. Epokha. Zhizn'" [Tertullian: His Epoch and His Life], v KVINT SEPTIMIU FLORENTU TERTULLIANU, *Izbrannye sochineniia*, red. A.A. STOLIAROV (Moskva: Izdatel'skaya gruppa "Progress", 1994), 7–34.

G. A. TARONIAN, "Plinii Starshii" [Pliny the Elder], v PLINIU STARSHIU, *Estestvoznaniie. Ob iskusstve*, per. G. A. TARONIAN (Moskva: Nauchno-izdatel'skii tsentr «Ladimir», 1994), 5–28.

T. A. UMANSKAIA, "Chislovaia simbolika kosmosa i cheloveka" [The Numerical Symbolism of Space and Man], v *Znanie za predelami nauki: mistitsizm, germetizm, astrologiia, alkhimiia, magiia v intellektual'nykh traditsiiakh I–XIV vekov*, red. I.T. KASAVIN (Moskva: Respublika, 1996), 290–2.

V. I. UKOLOVA, "Makrobii i ego rol' v formirovanii srednevekovoi kul'tury" [Macrobius and his Role in the Formation of Medieval Culture], v *Balkany v kontekste Sredizemnomor'ia. Problemy rekonstruktsii iazyka i kul'tury. Tezisy i predvaritel'nye materialy k simpoziumu* (Moskva: Institut slavianovedeniia i balkanistiki AN SSSR, 1986), 73–4, https://inslav.ru/images/stories/pdf/1986_Balkany_v%20kontekste_Sredizemnomor'ia_Tezisy.pdf (Accessed November 2021).

V. I. UKOLOVA, "Makrobii i ego Saturnalii" [Macrobius and his Saturnalia], v *Kul'tura i obshchestvennaia mysl': Antichnost'. Srednie veka. Epokha Vozrozhdeniia* (Moskva: Nauka, 1988), 50–7.

V. I. UKOLOVA, "Makrobii i problemy srednevekovoi kul'tury [Macrobius and the Problems of Medieval Culture], *Srednie veka* 52 (1989): 173–92.

V. I. UKOLOVA, "Kommentarii na 'Son Stsipiona' Makrobiia i srednevekovaiia filosofiiia" [Macrobius' Commentary on "The Dream of Scipio" and Medieval Philosophy], v *Iz istorii filosofskogo naslediia drevnego Sredizemnomor'ia* (Moskva: Institut filosofii RAN, 1989), ch. 2, 135–60.

V. I. UKOLOVA, *Antichnoe nasledie i kul'tura rannego Srednevekov'ia (konets V – nachalo VII vekov)* [The Ancient Heritage and Culture of the Early Middle Ages (Late 5th – Early 7th Centuries)] (Moskva: Nauka, 1989), 320.

V. I. UKOLOVA, *Poslednii rimlianin Boetsii* [The Last Roman Boethius] (Moskva: Nauka, 1987), 160.

V. I. UKOLOVA, *Pozdnii Rim. Piat' portretov* [Late Rome: Five Portraits] (Moskva: Nauka, 1992), 154.

IU. G. VINOGRADOV, *Politicheskaiia istoriia Ol'viiskogo polisa VII–I vv. do n.e.: Istoriko-epigraficheskoe issledovanie* [A Political History of the Olbia Polis of the 7th–1st Centuries BC: Historical and Epigraphic Research] (Moskva: Nauka, 1989), 150–3.

G. I. ZVEREVA, "Real'nost' i istoricheskii narrativ: problemy samorefleksii novoi intellektual'noi istorii" [Reality and Historical Narrative: Problems of Self-Reflection in New Intellectual History], *Odissei. Chelovek v istorii* (1996): 11–24.

V. T. ZVIREVICH, "Vergilii-filosof v predstavlenii Makrobiia" [The Philosopher Virgil as Represented by Macrobius], *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta*, ser. 3. Obshchestvennye nauki (2016), No 1 (149), 117–24.

EDITIONS AND TRANSLATIONS (IN CHRONOLOGICAL ORDER)

Œuvres de Macrobe, traduites par CH. DE ROSOY (Paris, 1827), vol. 1–2.

MACROBE, *Œuvres complètes*, avec la traduction en français. Publiés sous la direction de M. NISARD (Paris, 1845), vol. 1.

Œuvres de Macrobe, traduction nouvelle, par MM. HENRI DESCAMPS, N. A. DUBOIS, LAAS D'AGUEN, A. UBINI MARTELLI (Paris, 1845–1847), vol. 1–3.

MACROBIUS, *Opera quae supersunt*, ed. LUDWIG VON JAN (Leipzig; Quedlinburg, 1848–1852), vols. 1–2.

MACROBE, *Les Saturnales*, traduction nouvelle, avec introduction et notes par HENRI BORNECQUE (Paris, 1937), vol. 1–2.

MACROBIUS, *Commentary on the 'Dream of Scipio'*, trans. by WILLIAM HARRIS STAHL (New York, 1952; corr. 1966 z., rep. 1990 r.).

Ambrosii Theodosii Macrobiani Commentarii in Somnium Scipionis, ed. IACOBUS [JACOB] WILLIS (Leipzig, 1963).

Ambrosii Theodosii Macrobiani Saturnalia, ed. IACOBUS [JACOB] WILLIS (Lipsiae, 1963).

MACROBIUS, *The Saturnalia*, trans. by PERCIVAL VAUGHAN DAVIES (New York, 1969).

MACROBIO, *Commento al Somnium Scipionis*, introduzione, testo, traduzione e commento a cura di MARIO REGALI (Pisa, 1983–1990), lib. 1–2.

Macrobiani Theodosii de verborum graeci et latini differentiis vel societatibus excerpta, ed. PAOLIO DE PAOLIS (Urbino, 1990).

MAKROBII, *Kommentarii na 'Son Stsipiona'*, kn. I, gl. 8–10, per. s lat. i primech. M.S. PETROVOI, v *Istoriko-filosofskii ezhegodnik' 95* (Moskva: Martis, 1996), 221–31.

MAKROBII, *Kommentarii na 'Son Stsipiona'*, kn. I, gl. 3–5 i 6 [frg. 1–59], per. s lat. T. A. UMANSKOI, v *Znanie za predelami nauki: mistitsizm, germetizm, astrologiia, alkhimiia, magiia v intellektual'nykh traditsiakh I–XIV vekov*, sost. i red. I.T. KASAVIN (Moskva: Respublika, 1996), 276–90.

MAKROBII, *Kommentarii na 'Son Stsipiona'*, kn. I, gl. 11–14 i 17; kn. II, gl. 12–13 i 17, per. s lat. i primech. M.S. PETROVOI, v *Istoriko-filosofskii ezhegodnik' 96* (Moskva: Nauka, 1997), 68–97.

MACROBE, *Commentaire au songe de Scipion*, texte établi, trad. et comm. par MIREILLE ARMISEN-MARCHETTI (Paris, 2001–2003), t. I – livre I; t. II – livre II.

MAKROBII, *Kommentarii na 'Son Stsipiona'*, kn. I, gl. 1–4, per. s lat. i primech. M. S. PETROVOI, v *Istoriko-filosofskii ezhegodnik' 2002* (Moskva: Nauka, 2002), 45–61.

MACROBIO, *Commento al sogno di Scipione*, saggio introduttivo di ILARIA RAMELLI, traduzione, bibliografia, note e apparati di MORENO NERI (Milano, 2007).

AMBROSIUS THEODOSIUS MACROBIUS, *Tischgespräche am Saturnalienfest*, Übersetzt von OTTO UND EVA SCHÖNBERGER (Würzburg, 2008). OTTO

MAKROBII, *Saturnalii*, per. s lat. i grech., primech. i slovar' V.T. ZVIREVICH, red. S. P. PURGIN (Ekaterinburg, 2009).

MACROBIUS, *Saturnalia*, ed. and trans. by ROBERT A. KASTER (Cambridge, MA; London, 2011), 3 vols. <https://doi.org/10.4159/DLCL.macrobius-saturnalia.2011>

МАКРОБИИ, *Saturnalii*, per. s lat. i grech. V.T. ZVIREVICHА, obshch. red., sostavl. M.S. PETROVOI (Moskva: Krug", 2013).

МАКРОБИИ, *Kommentarii na 'Son Stsipiona'*, kn. II, gl. 14–16, per. s lat. V.T. ZVIREVICHА, v *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta*, ser. 3. Obshchestvennyye nauki 64, t. 12, no 2 (2017): 181–96.

TRANSLATIONS OF OTHER SOURCES INTO RUSSIAN

AMMIAN MARTSELLIN, *Rimskaia istoriia*, per. I.U.A. KULAKOVSKOGO i A.I. SONNI (Kiev, 1906–1908), vyp. 1–3.

BOETSII, *Uteshenie filosofiei*, per. V.I. UKOLOVOI i M.N. TSEITLINA, v BOETSII, "*Uteshenie filosofiei*" i *drugie traktaty*, red. G.G. MAIOROV (Moskva: Nauka, 1990), 190–290, 302–12.

EVTROPII, *Kratkaia istoriia ot osnovaniia Goroda*, per. A.I. DONCHENKO, v *Rimskie istoriki IV veka*, red. M.A. TIMOFEEV (Moskva: ROSSPEN, 1997).

PLINII STARSHII, *Estestvoznanie. Ob iskusstve*, per. G.A. TARONYANA (Moskva, 1994).

А. М. ПАШКОВ

РОССИЙСКАЯ КАРЕЛИЯ ОТ ВЕЛИКОГО ПЕТРА ДО ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ КАРЕЛИИ В 1700–1917 ГОДАХ¹

RUSSIAN KARELIA FROM PETER THE GREAT TO THE GREAT REVOLUTION: CONTEMPORARY HISTORIOGRAPHY OF RUSSIAN KARELIAN HISTORY IN THE PERIOD 1700–1917

The article is devoted to the development of historical science in Russian Karelia in 1991–2021. The characteristics of the main centers of the study of the history of Russian Karelia are given. Most attention is paid to general works on the history of Russian Karelia and works on individual periods of its history: the Peter the Great Era (1700–1725) and the periods 1725–1861 and 1861–1917. In addition, an overview of the main directions of historical research is made, including ethnography and ethnic history, the history of official Orthodoxy and Old Believers, the history of schools and public education, the history of the Northern Ladoga region, collaboration with Finnish and Swedish historians, gender studies, auxiliary historical disciplines, etc. The characteristics of the main publications in all the listed areas of the study of the history of Russian Karelia are given.

Keywords: Russian Karelia, historiography, Petrozavodsk, Northern Ladoga region, Finnish and Swedish historians

Alexandr M. Pashkov – Doctor of Historical Sciences (DSc), Professor of Petrozavodsk State University (Russia). E-mail: pashkov@petsu.ru

1 Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Пётр Великий и его эпоха в исторической памяти народов Карелии» по гранту Российского фонда фундаментальных исследований «Петровская эпоха в истории России: современный научный взгляд» на 2020–2022 гг., проект № 20-09-42034.

Citation: А. М. Пашков, “Rossiiskaia Kareliia ot Velikogo Petra do Velikoi Revoliutsii: sovremennaia istoriografii istorii Rossiiskoi Karelii v 1700–1917 godakh” [Russian Karelia from Peter the Great to the Great Revolution: Contemporary Historiography of Russian Karelian History in the Period 1700–1917], *RussianStudiesHu* 4, no. 3 (2022): 27 pp. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2022.4.22

ОБЩИЕ РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ КАРЕЛИИ

Первой научной работой по истории дореволюционной Карелии, написанной с постсоветских позиций, стал сборник «Новое в изучении истории Карелии», изданный Карельским научным центром РАН (далее КарНЦ РАН) в 1994 году².

На рубеже XX–XXI появилось несколько обобщающих работ по истории Карелии. Среди них нужно выделить подготовленную историками КарНЦ РАН коллективную монографию «История Карелии с древнейших времен до наших дней»³. В ней воплотились не столько достижения последних 45 лет изучения истории Карелии (предыдущий обобщающий том по этой теме вышел в 1957 году), сколько ситуация кризиса общества и науки 1990-х годов (значительное сокращение финансирования науки, уход и увольнение исследователей и т. д.). Другой обобщающей работой стала также подготовленная в КарНЦ РАН коллективная монография «История экономики Карелии»⁴. Эта работа готовилась в условиях относительной экономической и социальной стабилизации и тем лишена многих недостатков, которые появились в предшествующей работе.

Крупнейшей работой по истории горнодобывающей и металлургической промышленности Карелии до 1917 года стала монография «Горнозаводское краеведение Карелии конца XVIII – начала XX вв.»⁵.

Различная информация об истории Карелии содержится в вышедших в начале XXI века энциклопедических изданиях⁶.

Целый ряд научных работ появился в связи с празднованием в 2003 году 300-летия основания Петрозаводска. Национальный архив Респу-

2 Н. А. КОРАБЛЕВ, В. Г. МАКУРОВ, Ю. А. САВВАТЕЕВ (Науч. ред.), *Новое в изучении истории Карелии* (Петрозаводск, 1994), 223.

3 Ю. А. САВВАТЕЕВ, А. Ю. ЖУКОВ, М. В. ПУЛЬКИН и др., *История Карелии с древнейших времен*, [Под общ. ред. Н. А. КОРАБЛЕВА и др. (Петрозаводск, 2001), 943.

4 В. Г. БАДАНОВ, Н. А. КОРАБЛЕВ, А. Ю. ЖУКОВ, *История экономики Карелии: в 3 кн. – Кн. 1: Экономика Карелии со времени вхождения края в состав единого Русского государства до Февральской революции. Конец XV – начало XX веков* (Петрозаводск, 2005), 190.

5 А. М. ПАШКОВ, *Горнозаводское краеведение Карелии конца XVIII – начала XX вв.* (Петрозаводск, 2007), 303.

6 *Карелия: энциклопедия: в 3 т.*, Гл. ред. А. Ф. Титов – Т. 1. А – Й (Петрозаводск, 2007), 398.; Т. 2. К – П., (Петрозаводск, 2007), 462.; Т. 3, Р – Я (Петрозаводск, 2011), 382.; *Поморская энциклопедия: В 5 т. – Т. 1. История Архангельского Севера*, Гл. ред. тома В. Н. Булатов; Сост. тома А. А. Куратов (Архангельск, 2001), 483.

блика Карелия (далее НАРК) подготовил трехтомный сборник документов «Петрозаводск: 300 лет истории»⁷. Национальный музей Республика Карелия (далее НМРК) отличился изданием книги «Улицы и площади старого Петрозаводска»⁸. Историки КарНЦ РАН написали к юбилею города издание «Петрозаводск: хроника трех столетий»⁹ и коллективную монографию «История Петрозаводска: власть и горожане»¹⁰. Был издан научно-популярный очерк «Петрозаводск»¹¹. Следует упомянуть и иллюстрированный альбом «Три века Петрозаводска»¹².

В 1999 году в связи с 350-летием книгу по своей истории получил старейший русский город Карелии и центр расселения карел-ливвиков Олонец¹³.

Различные статьи по истории Карелии выходили в рамках международного проекта «The Modernization Process in the Barents region» («Процессы модернизации в Баренц-регионе»¹⁴) (1850–2000 гг.), инициированного Технологическим университетом Лулео (Luleå University of Technology) (Швеция). В проекте участвовали историки Архангельска, Мурманска, Петрозаводска, Сыктывкара, Швеции, России, Финляндии и Норвегии. Это позволяло рассматривать историю Карелии с позиций историко-сравнительного и историко-типологического методов исторического исследования. В рамках проекта было проведено несколько конференций и опубликованы их материалы. Важным результатом проекта стало создание международной команды историков, сила-

7 *Петрозаводск: 300 лет истории: Документы и материалы: В 3 кн.*, Сост. Д. З. Генделев. Кн. 1: 1703-1802 (Петрозаводск, 2001), 415.; Кн. 2: 1803-1903 (Петрозаводск, 2001), 399.; Кн. 3: 1903-2003 (Петрозаводск, 2003), 574.

8 *Улицы и площади старого Петрозаводска*, отв. ред. А. М. Жульников; сост. Л. И. Капуста (Петрозаводск, 2003), 40.

9 М. В. Пулькин, Н. А. КОРАБЛЕВ, Е. Ю. ДУБРОВСКАЯ и др., *Петрозаводск: Хроника трех столетий: 1703-2003* (Петрозаводск, 2002), 510.

10 А. Ю. Жуков и др., *История Петрозаводска: власть и горожане*, науч. ред. А. Ю. Жуков, А. И. Бутвило (Петрозаводск, 2008), 373.

11 А. М. Пашков, *Филимончик С.Н. Петрозаводск*. Науч. ред. Е. В. Анисимов (Санкт-Петербург, 2001), 127.

12 *Три века Петрозаводска: Иллюстрированная история города, 1703–2003*, Авт.-сост. Ю. В. Шлейкин и др. (Петрозаводск, 2003), 318.

13 *Олонец: историко-краеведческие очерки: в 2 ч.*, отв. ред. А. М. Пашков (Ч. 1 – Петрозаводск, 1999), 185.; (Ч. 2. – Петрозаводск, 1999), 209.

14 *Баренц-регион – территории вокруг Баренцева моря, объединённые в январе 1993 года в международную общественную организацию с целью развития международного сотрудничества*. Включают в себя три губернии Норвегии, два лена Швеции, три провинции Финляндии, а также Архангельскую и Мурманскую области, республики Карелия и Коми и Ненецкий автономный округ Российской Федерации.

ми которой были подготовлены «Энциклопедия Баренц-региона»¹⁵ и учебник по истории Баренц-региона¹⁶.

ИЗУЧЕНИЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

В 1994 году вышла единственная в рассматриваемый период монография о геральдике и вексиллологии Карелии «Гербы и флаги Карелии»¹⁷. Среди работ по генеалогии можно отметить справочник «Ведение Дворянской родословной книги в Олонецкой губернии»¹⁸.

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ КАРЕЛИИ В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ (1700–1725 гг.)

В изучении петровской эпохи в рассматриваемый период больших исследований не появилось. Можно отметить только научно-популярную брошюру Ю. Н. Беспярых и Г. М. Коваленко «Карелия при Петре I»¹⁹. В 2016 году вышла первая научная публикация работ старейшего петрозаводского краеведа Т. В. Баландина (1748–1830) «Петрозаводские северные вечерние беседы» и другие сочинения и письма»²⁰. Там было опубликовано его сочинение «Петрозаводские северные вечерние беседы» (написано в 1814 году и посвящено основанию Петрозаводска в 1703 году и его истории в годы правления Петра I). К 300-летию Петрозаводска вышла книга археологов А. М. Жульникова и А. М. Спиридонова о предыстории и начальной истории города «Древности

15 *Encyclopedia of the Barents region: [in 2 vol.]*, Editor-in-chief M. O. Olsson (Oslo, 2016 – Vol. 1, 559.; Vol. 2., 593).

16 *The Barents region. A transnational history of subarctic northern Europe* / L. Elenius (ed.). – Oslo, 2015. – 528 p.

17 А. М. Пашков, *Гербы и флаги Карелии = Karjalan vaakunat ja liput* (Петрозаводск, 1994), 351. (Текст параллельно на русском и финском языках)

18 И. В. Савицкий, *Ведение Дворянской родословной книги в Олонецкой губернии. 1791–1841 гг.* (Петрозаводск, 2000), 142.

19 Ю. Н. Беспярых, Г. М. Коваленко, *Карелия при Петре I* (Петрозаводск, 1988), 142.

20 Т. В. Баландин, «*Петрозаводские северные вечерние беседы*» и *другие сочинения и письма*», Сост. и отв. ред. А. В. Пигин (Санкт-Петербург, 2016), 384.

Петрозаводска»²¹. Истории петровского курорта Марциальные воды посвящена книга Л. И. Капуста «Марциальные воды»²².

Среди других работ по истории петровской эпохи необходимо отметить две статьи «К вопросу о дате основания Петрозаводска»²³ и «Петр Великий и Фаддей Блаженный: из истории первых лет существования Петрозаводска»²⁴. Последняя статья интересна тем, что в ней неопровержимо доказаны реальность существования петрозаводского юродивого Фаддея Блаженного и его знакомство с Петром I. В октябре 2000 года по благословению патриарха Московского и всея Руси Алексия II Фаддей Блаженный был канонизирован как местночтимый святой Петрозаводской и Карельской епархии.

В 2019 году в связи с 300-летием петровского курорта Марциальные воды прошла научная конференция, по итогам которой вышел сборник материалов²⁵.

В 2021 году вышла не публиковавшаяся ранее рукопись историка В. П. Мегорского (1871–1940) «"Петрозаводск при Петре Великом" и другие его сочинения», посвященные петровской эпохе»²⁶.

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ КАРЕЛИИ В 1725–1861 ГОДАХ

Интерес ученых к изучению истории Карелии в рассматриваемый период фокусировался на трех сюжетах: деятельность поэта Г. Р. Державина на посту губернатора Олонецкой губернии, история госу-

21 А. М. Жульников, А. М. Спиридонов, *Древности Петрозаводска* (Петрозаводск, 2003), 127.

22 Л. И. Капуста, *Марциальные воды. Страницы истории первого русского курорта* (Санкт-Петербург, 2006), 100. В 2019 году вышло второе издание этой книги: Л. И. Капуста, *Первый российский курорт Марциальные воды* (Петрозаводск, 2019), 127.

23 П. А. Кротов, А. М. Пашков, «К вопросу о дате основания Петрозаводска», *Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки»*, no. 5 (2015): 7–10.

24 П. А. Кротов, А. М. Пашков, А. В. Пигин, «Петр Великий и Фаддей Блаженный: из истории первых лет существования Петрозаводска», *Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки»*, no. 1 (2016): 7–12.

25 *Марциальные воды в истории Карелии и России: материалы научной конференции (12–13 сентября 2019 г., г. Петрозаводск*, отв. ред. и сост. А. М. Пашков (Петрозаводск, 2019), 142.

26 В. П. Мегорский, «*Петрозаводск при Петре Великом*» и другие сочинения, под. ред. А. М. Пашкова; сост. Б. В. Мегорский, А. М. Пашков (Петрозаводск, 2021), 218.

дарственного управления Олонецкой губернией и деятельность британского инженера, металлурга и управленца Чарльза Гаскойна и других иностранных специалистов на Олонецких горных заводах.

Обращение к деятельности Г. Р. Державина как губернатора Олонецкой губернии было только предпосылкой для изучения истории чиновничества как социальной группы (сам Г. Р. Державин пробыл на посту олонецкого губернатора только с сентября 1784 года по октябрь 1785 года). После 1991 года чиновники и разного рода управленцы стали основой государственного управления. В связи с этим возникла проблема изучения дореволюционного чиновничества в самых разных аспектах (источники пополнения, образовательный уровень, условия продвижения по службе, эффективность деятельности, коррумпированность и т. д.). Центром изучения этой проблематики стал образованный в 1995 году Карельский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РГАНХиГС). С 2000 года там проводятся научно-практические конференции «Державинские чтения», по итогам которых было издано несколько сборников статей.

Другой актуальной темой стало изучение деятельности деятельность британского инженера, металлурга и управленца Чарльза (Карла Карловича) Гаскойна (Charles Gascoigne) (1738–1806) и других иностранных специалистов на Олонецких горных заводах. К. К. Гаскойн был начальником Олонецких горных заводов в 1786–1806 годах и внес большой вклад в развитие российской металлургии. Однако в советской историографии из-за ксенофобии и шпиономании К. К. Гаскойна характеризовали либо как шпиона и вредителя, либо как авантюриста, прибывшего в Россию ради наживы. В лучшем случае его деятельность просто замалчивалась. Однако и в британской историографии отношение к нему было негативным. Его считали предателем, который помогал русским в литье пушек. Ситуация стала меняться в 1990-е года. Появилось огромное количество популярных статей, в которых деятельность К. К. Гаскойна подавалась апологетически. В этот же период вышло и несколько научных статей, посвященных ему и его последователям²⁷. Реальным результатом изучения данной тематики

27 Е.С. ТАРАКАНОВА, «Чарльз Гаскойн и русские пушки», *Север*, по. 4–6. (2001): 96–114; по. 7–8: 165–177; по. 11–12: 187–201; А. М. Пашков, «Иностранные специалисты на Олонецких горных заводах во второй половине XVIII – первой четверти XIX вв.», *Отечественная история*, по. 4 (2006): 46–54 и другие работы.

стало открытие памятника К. К. Гаскойну в Петрозаводске в сентябре 2021 года.

Остальные сюжеты истории Карелии в 1725–1861 годах изучались эпизодически. Можно выделить только работы об участии Карелии в наполеоновских войнах²⁸, системе государственного управления Европейским Севером России²⁹ и истории Карелии в пушкинскую эпоху³⁰.

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ КАРЕЛИИ В 1861–1917 ГОДАХ

В новейшей историографии истории Карелии от Великих реформ Александра II до Великой русской революции наиболее значимыми являются работы Н. А. Кораблева (1947–2015)³¹. Его научные интересы были разнообразны. Он является автором первого исследования по истории предпринимательства в Карелии «Предпринимательство в Карелии во второй половине XIX – начале XX века»³². Тематически с ней связана другая работа Н. А. Кораблева о династии предпринимателей, благотворителей и общественных деятелей Пименовых, написанное в соавторстве с Т. А. Мошиной³³. Перу Н. А. Кораблева принадлежит небольшая работа о традиционных кустарных промыслах и ремеслах Карелии³⁴. Последней монографией Н. А. Кораблева стало написанное

28 «Из истории формирования вологодской и олонецкой дружин Санкт-Петербургского ополчения: июль – октябрь 1812 года», Публ. Ю. Д. Жмодикова, Б. П. Миловидова, А. М. Пашкова, С. А. Тихомирова, *Исторический архив*, no. 4 (2013): 145–171; А. М. Пашков, *Карелия в период наполеоновских войн (1805–1815)*. – Ч. 1. *Карелия в 1805–1811 годах* (Петрозаводск, 2019), 124.

29 В. В. Ефимова, *Генерал-губернаторы Европейского Севера: место и роль в системе органов государственной власти и управления Российской империи (1820–1830)* (Санкт-Петербург, 2018), 831.

30 А. М. Пашков, *Карелия и Соловки глазами литераторов пушкинской эпохи*. – Т. 1. (Петрозаводск, 2000), 175; Т. 2. (Петрозаводск, 2001), 217.

31 Подробнее о нем и его работах см.: А. М. Пашков, «Историческая наука в Карелии на переломе эпох: Николай Александрович Кораблев», *Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки*, no. 5 (2018): 28–36. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2018.165>

32 Н. А. КОРАБЛЕВ, *Предпринимательство в Карелии во второй половине XIX – начале XX вв.* (Петрозаводск, 2011), 266.

33 Н. А. КОРАБЛЕВ, Т. А. МОШИНА, *Пименовы: династия предпринимателей, благотворителей, общественных деятелей*. 2-е изд., перераб. и дополн. (Петрозаводск, 2016), 109.

34 Н. А. КОРАБЛЕВ, *Традиционные кустарные промыслы и ремесла Карелии: вторая половина XIX – начало XX в.* (Петрозаводск, 2009), 63.

в соавторстве с Е. Ю. Дубровской исследование об истории Карелии в годы Первой мировой войны³⁵. Под редакцией Н. А. Кораблева вышел сборник документов по истории проведения в Карелии столыпинской аграрной реформы³⁶. В соавторстве с Т. А. Мошиной Н. А. Кораблев подготовил несколько ценных биографических справочников³⁷.

По истории проведения в Карелии реформ Александра II и их последствиях вышло две монографии: В. В. Ефимовой о городской реформе³⁸ и В. Г. Баданова о земской реформе³⁹. К ним логически примыкает исследование В. М. Нилова о роли периодической печати Олонецкой губернии в развитии общественного сознания⁴⁰.

История революционного и общественного движения в Карелии в начале XX века не была приоритетной для современных историков. Можно отметить только небольшую брошюру Н. А. Кораблева и И. С. Петричевой «Основные события рабочего и социал-демократического движения в Олонецкой губернии и в Кемском уезде Архангельской губернии в 1895–1907 годах»⁴¹ и монографию М. А. Витухновской «Российская Карелия и карелы в имперской политике России»⁴².

По истории Первой мировой войны Национальный архив РК издал сборник документов и материалов «Карелия в годы Первой мировой

35 Н. А. КОРАБЛЕВ, Е. Ю. ДУБРОВСКАЯ, *Карелия в годы Первой мировой войны: 1914–1918* (Санкт-Петербург, 2017), 425.

36 *Проведение столыпинской аграрной реформы в Карелии (1906–1917 гг.): документы и материалы*, сост.: Н. А. КОРАБЛЕВ, В. Г. БАДАНОВ; науч. ред. Н. А. КОРАБЛЕВ (Петрозаводск, 2013), 496.

37 Н. А. КОРАБЛЕВ, Т. А. МОШИНА, *Городские головы Петрозаводска, 1778–1918 гг.: биографический справочник* (Петрозаводск, 2008), 75.; Н. А. КОРАБЛЕВ, Т. А. МОШИНА, *Олонецкие губернаторы и генерал-губернаторы: биографический справочник*. 2-е изд., испр. и доп. (Петрозаводск, 2012), 139.; Н. А. КОРАБЛЕВ, Т. А. МОШИНА, *Георгиевские кавалеры Олонецкой губернии, 1812–1917: краткий справочник* (Петрозаводск, 2016), 70.

38 В. В. ЕФИМОВА, *Петрозаводское городское самоуправление (1870–1918 гг.)* (Петрозаводск, 2004), 239.

39 В. Г. БАДАНОВ, *Земские учреждения Олонецкой губернии (1867–1918 гг.)* (Петрозаводск, 2017), 369.

40 В. М. НИЛОВ, *Орган местной гласности: Роль периодической печати Олонецкой губернии в развитии общественного сознания*. Ч. 1–2. (Петрозаводск, 2017), 118 и 127.

41 *Основные события рабочего и социал-демократического движения в Олонецкой губернии и в Кемском уезде Архангельской губернии в 1895–1907 годах*, сост. Н. А. КОРАБЛЕВ, И. С. ПЕТРИЧЕВА (Петрозаводск, 1991), 40.

42 М. А. ВИТУХНОВСКАЯ, *Российская Карелия и карелы в имперской политике России. 1905–1917* (Санкт-Петербург, 2006), 381.

войны»⁴³. К этой же теме примыкают и три исследования об истории постройки в 1914–1916 годах Мурманской железной дороги: петрозаводского исследователя А. А. Голубева⁴⁴, краеведа К. М. Агамирзоева⁴⁵ и немецкого историка Р. Нахтигаль⁴⁶.

ЭТНОГРАФИЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КАРЕЛИИ

Положение Карелии как пограничной зоны расселения славянского и прибалтийско-финского этносов и полиэтничный состав населения Карелии обусловили пристальное внимание ученых к этнографии и этнической истории народов Карелии. Центром изучения этнографии и этнической истории народов Карелии является Карельский научный центр РАН. Там регулярно проходят конференции и издаются сборники статей⁴⁷ и монографии⁴⁸ по этой проблематике.

В изучении этнографии русского населения Карелии⁴⁹ лидирует Государственный историко-архитектурный и этнографический заповедник «Кижы». На его базе с 1991 года в память о знаменитом сказителе былин Т. Г. Рябинине (1791–1885) проходят конференции «Рябининские чтения» и издаются сборники докладов. С 1993 года музей «Кижы» издает ежегодник «Кижский вестник», в котором публикуются исследо-

43 *Карелия в годы Первой мировой войны: сборник документов и материалов*, сост. А. В. Антонов и др.; редкол. Е. Ю. Матвеева, Е. С. Намятова, М. Е. Неёлова (Петрозаводск, 2014), 493.

44 А. А. Голубев, *Мурманская железная дорога. История строительства (1894–1917 гг.)* (Санкт-Петербург, 2011), 236.

45 К. М. Агамирзоев, *Путь на Север. Исторический очерк* (Петрозаводск, 2008), 154.

46 Р. Нахтигаль, *Мурманская железная дорога. 1915–1919 годы. Военная необходимость и экономические соображения* (Санкт-Петербург, 2011), 319. (1-е изд.: R. Nachtigal *Die Murmanbahn. Die Verkehrsanbindung eines kriegswichtigen Hafens und das Arbeitspotential der Kriegsgefangenen (1915 bis 1918)* (Verlag B. A. Greiner, Grunbach 2001), 159.

47 *Финно-угорская мозаика: сборник статей к юбилею И. И. Муллонен*, редкол. О. П. Илюха (отв. ред.) и др. (Петрозаводск, 2016), 378.; *Этнокультурные и этнополитические процессы в Карелии от средних веков до наших дней: сборник*, науч. ред. О. П. Илюха (Петрозаводск, 2019), 337. и другие сборники.

48 Э. Г. Карху, *Малые народы в потоке истории: исследования и воспоминания* (Петрозаводск, 1999), 255.; В.Н. Бирин, И.Ю. Винокурова, И.Е. Гришина и др., *Народы Карелии: историко-этнографические очерки*, ред. колл. И. Ю. Винокурова (Петрозаводск, 2019), 749.

49 Коренное русское население Карелии компактно проживает в трех регионах – Заонежье (большой полуостров в северной части Онежского озера), Пудожье (восточный берег Онежского озера) и Поморье (побережье Белого моря).

вания и источники по истории традиционной культуры Русского Севера⁵⁰. По заказу и при поддержке музея «Кижь» издаются монографии и публикации документов о культуре русского населения Заонежья⁵¹. Одной из последних работ по истории деревянного зодчества Русского Севера является русский перевод исследования Ларса Петерсона «Äänisniemen kirkollinen puuarkkitehtuuri» («Церковная деревянная архитектура»)⁵², финского офицера, изучавшего деревянную архитектуру Заонежья в период финской оккупации (1941–1944 гг.).

В изучение второй группы коренного населения Карелии – поморов – наибольший вклад внесла петербургская исследовательница Т. А. Бернштам (1935–2008)⁵³. Можно отметить также научно-популярную работу Б. И. Кошечкина о поморском мореплавании «Боже, дай нам ветра»⁵⁴ и «Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении» этнографа и краеведа И. М. Дурова (1894–1938)⁵⁵.

Изучение коренных прибалтийско-финских народов Карелии – карелов и вепсов – традиционная тема историков и этнографов Карелии. Их усилиями было подготовлено много изданий, посвященных карелам и вепсам Карелии⁵⁶. В последние годы ученые Карельского научного

50 *Кижский вестник: [сборник статей]. Вып. 1–19* (Петрозаводск, 1993–2021).

51 *Заонежье: Сборник научных статей*, Науч. ред. Ю. Ю. Сурхаско, К. К. Логинов (Петрозаводск, 1992), 188.; *Жил в Кижской волости крестьянин... (сказитель Т. Г. Рябинин: жизнь и эпическая поэзия)*, сост., биограф. очерк, подг. текстов и словарь Н. А. Криничной (Санкт-Петербург, 1995), 214.; М.И. Мильчик, *Заонежье на старых photographиях [Альбом]*, изд. 2-е (Санкт-Петербург, 2001), 173.; В.П. Кузнецова, К.К. Логинов, *Русская свадьба Заонежья (конец XIX – начало XX вв., науч. ред. К. В. Чистов* (Петрозаводск, 2001), 327.; А.И. Мошин, *Очарование Заонежьем: исторические заметки о Заонежье* (Петрозаводск, 2007), 273.; *Заонежье в биографиях: краткий справочник*, сост.: А. И. Мошин, Т. А. Мошина (Петрозаводск, 2010), 114.; *Документы и материалы по истории Кижского архитектурного ансамбля (1694–1945 гг.)*, Авт.-сост. В.А. Гущина, Б.А. Гушин (Петрозаводск, 2013), 139. и другие издания.

52 Л. ПЕТТЕРССОН, *Архитектура деревянных церквей и часовен Заонежья*, науч. ред. М. И. Мильчик, И. Е. Гришина (Москва, 2020), 543.

53 Т. А. БЕРНШТАМ, *Народная культура Поморья* (Москва, 2009), 428.

54 Б. И. КОШЕЧКИН, *Боже, дай нам ветра: кемские полярные мореходы* (Петрозаводск, 1992), 191.

55 И. М. ДУРОВ, *Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении*, изд. подгот. И. И. Муллонен (отв. ред.), В. П. Кузнецова, А. Е. Беликова (Петрозаводск, 2011), 454.

56 *Прибалтийско-финские народы: история и судьбы родственных народов*, сост. М. Йокиппи – Ювяскюля (1995), 504.; *Вепсы: история, культура и межэтнические контакты: сборник научных трудов*, науч. ред. И. Ю. Винокурова (Петрозаводск, 1999), 189.; *Исторические судьбы Беломорской Карелии*, отв. ред. Ю. А. Савватеев (Петрозаводск, 2000), 153.; *Прибалтийско-финские народы России*, отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина (Москва, 2003), 671.; *Современная наука о вепсах:*

центра совместно с Карельским просветительским обществом начали публикацию источников по истории карел. В этой серии вышло уже две книги: «Еремеевы Ряйхя: человек, семья, политика в карельском пограничье начала XX века»⁵⁷ и классический труд финского писателя, этнографа и фотографа И. К. Инха «В краю калевальских песен»⁵⁸.

В 2010–2012 годах историки Петрозаводского университета вместе с историками Университета Восточной Финляндии (кампус Йозенсуу) участвовали в проекте «Народ, разделенный границей. Карелы в истории России и Финляндии в 1809–2009 гг.: эволюция идентичности, религии и языка» в рамках совместного конкурса Российского государственного гуманитарного фонда и Академии Финляндии «История России и Финляндии (1809–2009 гг.)». По итогам проекта было издано несколько итоговых сборников статей⁵⁹.

Ученые Карелии не могли не обратить внимание на деятельность собирателя карельских рун и создателя на их основе поэмы «Калева-ла», выдающегося финского фольклориста Элиаса Лённрота⁶⁰. Нельзя не упомянуть проникнутую любовью к родному краю и насыщенную уникальными деталями истории и повседневной жизни северных карел книгу журналиста П. Р. Леонтьева «Дорогами Вяйнолы»⁶¹.

В последние десятилетия вышло в переводе несколько книг финских ученых, посвященных истории и культуре Карелии. Можно упомянуть только книгу известного финского ученого академика Пертти Виртаранта (1918–1997) «*Karjalaisia kulttuurikuvia*» («Этюды о карель-

достижения и перспективы: (памяти Н. И. Богданова), редкол.: Н. Ю. Винокурова и др. (Петрозаводск, 2006), 419.; А. М. Пашков, *Карельские просветители и краеведы XIX – начала XX века* (Петрозаводск, 2010), 446.

57 Еремеевы – Ряйхя: человек, семья, политика в карельском пограничье начала XX века: исследование, документы, материалы, сост. и науч. ред.: О. П. Илюха (Петрозаводск, 2017), 362.

58 И. К. Инха, *В краю калевальских песен: тропой Лённрота по Беломорской Карелии, очерк о земле Беломорской Карелии* (Петрозаводск; Кухмо, 2019), 462.

59 *Народ, разделенный границей: карелы в истории России и Финляндии в 1809 – 2009 гг.: эволюция национального самосознания, религии и языка: сборник научных статей: [материалы международного семинара, Йозенсуу, сентябрь 2010 г., науч. ред.: Ю. Г. Шикалов и др. (Петрозаводск, 2011), 250.; Карелы российско-финского пограничья в XIX–XX вв.: сборник статей, отв. ред. А. М. Пашков (Петрозаводск, 2013), 285.; Nation split by the border. Changes in the ethnic identity, religion and language of the Karelians from 1809 to 2009, eds. Т. НАМУНЕН AND А. PASHKOV (Tampere, 2012), 273.*

60 Э. Г. Карху, *Элиас Леннрот. Жизнь и творчество* (Петрозаводск, 1996), 237.; И. А. Черныкова, *О чем не рассказал Элиас Леннрот* (Петрозаводск, 1998), 66.

61 П. Р. Леонтьев, *Дорогами Вяйнолы* (Петрозаводск, 2006), 222.

ской культуре»)⁶² и коллективный труд историков Университета Йонсуу Хейкки Киркинена (1927–2018), Пекки Невалайнена (1959–2021) и Ханнеса Сихво (1942–2003) «*Karjalan kansan historia*» («История карельского народа»)⁶³.

В последние годы стали появляться работы, посвященные истории других народов, живших в Карелии в 1700–1917 годах (финнам, евреям, полякам и др.).

ИСТОРИЯ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАРЕЛИИ

На рубеже XX–XXI веков неожиданно популярной стала тема истории народного образования Карелии. В конце XX века в Петрозаводске было проведено несколько конференций по истории народного образования. В 1995 году состоялась конференция «Традиции образования в Карелии», посвященная 165-летию Олонецкой духовной семинарии, а в 1996 году конференция «Дом на площади», посвященная 185-летию здания Олонецкой губернской гимназии. По итогам обеих конференций были изданы сборники⁶⁴. В начале XX века историки Карелии создали несколько больших работ по истории народного образования. О. П. Илюха издала две монографии по истории сельских школ для карельских детей во второй половине XIX – начале XX века⁶⁵ и научно-популярную работу о повседневной жизни сельских учителей и школьников Карелии на рубеже XIX–XX веков⁶⁶. Другой подход к истории народного образования продемонстрировала Е. А. Калинина. Ее работы посвящены истории начального народного образования

62 П. ВИРТАРАНТА, *Этюды о карельской культуре: люди и судьбы* (Петрозаводск, 1992), 287. (финское издание: P. VIRTARANTA, *Karjalaisia kulttuurikuvia* (Espoo, 1981), 272.

63 Х. КИРКИНЕН, П. НЕВАЛАЙНЕН, Х. СИХВО, *История карельского народа* (Петрозаводск, 1998), 321. (финское издание: H. KIRKINEN, P. NEVALAINEN, H. SINVO, *Karjalan kansan historia* (Porvoo, 1994), 605.

64 *Традиции образования в Карелии: материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 165-летию Олонецкой духовной семинарии*, сост. А. Мусин, В. Н. Сузи (Петрозаводск, 1995), 133.; *Дом на площади*, сост. Е. Г. Зарина, А. М. Пашков (Петрозаводск, 2000), 63.

65 О. П. ИЛЮХА, *Школа и просвещение в Беломорской Карелии во второй половине XIX – начале XX века*, науч. ред. А. И. Афанасьева (Петрозаводск, 2002), 102.; О. П. ИЛЮХА, *Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX века* (Санкт-Петербург, 2007), 303.

66 О. П. ИЛЮХА, *Повседневная жизнь сельских учителей и школьников Карелии в конце XIX – начале XX века. Очерки. Документы. Материалы* (Петрозаводск, 2010), 145.

в Карелии и на Европейском Севере Росси в целом⁶⁷, просопографии учителей петрозаводской гимназии⁶⁸, ею опубликованы объемный сборник документов по истории народного образования в Олонецкой губернии в первой половине XIX века⁶⁹ и монография по истории духовного (православного) образования в Олонецкой губернии в XIX – начале XX века⁷⁰.

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Новым направлением в изучении истории Карелии в рассматриваемый период стало также изучение истории семьи, детства и гендера. Развитием этого направления успешно занимается О. П. Илюха⁷¹.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО ПРИЛАДОЖЬЯ

Особым направлением в историографии Карелии стало изучение истории Северного Приладожья. Этот населенный карелами регион с конца XIII века до 1617 года входил в состав Новгородской земли, затем Московского государства, а в 1617 году был присоединен к королевству Швеция. При шведах этнический состав жителей изменился, в нем стали преобладать финны. По Ништадтскому мирному догово-

67 Е. А. Калинина, *Народные школы Олонецкого края в XIX – начале XX века*, науч. ред. Т. Н. Жуковская (Санкт-Петербург, 2009), 263., Е. А. Калинина, *Система народного просвещения на Европейском Севере России в первой половине XIX века* (Москва, 2017), 735.

68 Е. А. Калинина, *«Имена их известны будут в истории просвещения России...»: деятели народного образования Олонецкой губернии в первой половине XIX века* (Петрозаводск, 2011), 143.

69 Е. А. Калинина, *Школы Олонецкой губернии первой половины XIX в.: исторические очерки и документы* (Санкт-Петербург, 2015), 502.

70 Е. А. Калинина, *Духовное образование в Олонецкой губернии в XIX – начале XX века* (Петрозаводск, 2019), 560.

71 *Карельская крестьянка в свете историко-этнографических источников (вторая половина XIX – начало XX века)*. Сборник документов и материалов, под. ред. О. П. Илюхи (Петрозаводск, 2012), 293.; *Карельская семья во второй половине XIX – начале XXI в.: этнокультурная традиция в контексте социальных трансформаций*. Сборник статей и материалов, сост. и ред. О. П. Илюха (Петрозаводск, 2013), 498.; *Культура повседневности карельской семьи (конец XIX – первая треть XX в.): исследования, материалы, документы*, сост. и ред. О. П. Илюха (Петрозаводск, 2014), 459.

ру 1721 года Северное Приладожье вернулось в состав России, причем финское население осталось на местах своего проживания. После присоединения в 1809 году Финляндии к России и образования автономного Великого княжества Финляндского (далее ВКФ) в 1811 году регион вошел в состав этого автономного княжества и находился там, а затем в составе независимой Финляндии до 1940 года. Затем по итогам советско-финляндской войны 1939–1940 годов Северное Приладожье вошло в состав СССР, а практически все финское население бежало в Финляндию. Опустевшие земли были заселены выходцами из разных регионов Советского Союза.

В советской исторической науке на изучение шведско-финского периода истории Северного Приладожья было наложено табу. Ситуация стала меняться с 1990 года. Финнам разрешили посещать эти места. Возник ностальгический туризм. Интерес к практически неизвестной истории региона, появление возможности доступа к финской научной литературе и контакты с финскими коллегами создали условия для изучения истории Северного Приладожья российскими историками и прежде всего историками Карелии. По инициативе находящегося в Сортавале Музея Северного Приладожья было проведено несколько конференций по истории этого региона, по итогам которых были изданы сборники статей и материалов. В конференциях в Сортавале всегда участвовали как российские, так и финские исследователи. Обычно их открывал «как самый старый сортавалец, из находящихся в зале», финский историк архитектуры Мартти Ятинен (Martti Jaatinen) (1928–2008), автор книги «Sortavalan rakentaminen» («История застройки Сортавалы»⁷². Большой вклад в знакомство россиян с историей и историко-культурным наследием Северного Приладожья вносят и другие финские ученые⁷³.

ИСТОРИЯ ОФИЦИАЛЬНОГО ПРАВОСЛАВИЯ

Большое развитие в последние 30 лет в региональной историографии истории Карелии получило изучение истории православия, что, ко-

72 М. I. JAATINEN, *Sortavalan rakentaminen: 1643–1944* (Espoo, 1997), 248.

73 П. Линтунен, М. Хютенен, К. Иконен, С. Кивимяки, *Культурное окружение северного побережья Ладожского озера. Финское культурное наследие в ландшафте северного побережья Ладожского озера* (Хельсинки, 1998), 230.

нечно, напрямую связано с изменением роли и места православия в жизни России с 1988 года. В 1999 году вышла первая большая работа по истории православия в Карелии – коллективная монография «Православие в Карелии (XV первая треть XX в.)»⁷⁴. В 2001 году Петрозаводская и Карельская епархия Русской православной церкви (РПЦ) и Национальный архив РК издали сборник статей и документов «Олонецкая епархия: страницы истории»⁷⁵. В Петрозаводске в 2000–2017 годах регулярно проводились научные конференции об истории православия в Карелии и издавались сборники материалов этих конференций. Среди монографий можно выделить исследование М. В. Пулькина «Православный приход и власть в середине XVIII – начале XX вв. (по материалам Олонецкой епархии)»⁷⁶.

Появилось несколько работ биографического характера о выдающихся деятелях работ РПЦ, связанных с Карелией. Кандидат богословия протоиерей В. Сорокин подготовил солидную монографию «Исповедник»⁷⁷ о Николае (Чукове) (1870–1955), ректоре Олонецкой духовной семинарии в Петрозаводске в 1911–1918 годах и митрополите Ленинградском в 1945–1955 годах. Исследование А. К. Галкина и А. А. Бовкало «Избранник божий и народа»⁷⁸ посвящено биографии Вениамина (Казанского) (1873–1922), выпускника Олонецкой духовной семинарии в Петрозаводске 1893 года и митрополит Петроградский в 1917–1922 годах и расстрелянного чекистами. Ю. Н. Кожевникова написала коллективную биографию рода священников Петуховых «Петуховы – династия сельских священников Карелии (XIX–XX века)»⁷⁹, среди которых был и последний в советское время священник Спасо-Кижского собора протоиерей Алексей Петухов, расстрелянный чекистами в 1937

74 М. В. Пулькин, О. А. Захарова, А. Ю. Жуков, *Православие в Карелии (XV-первая треть XX в.)* (Москва, 1999), 205.

75 *Олонецкая епархия: страницы истории*, сост. Н. А. Басова и др.; ред.: протоиерей Иоанн Тереняк и др. (Петрозаводск, 2001), 253.

76 М. В. Пулькин, *Православный приход и власть в середине XVIII – начале XX вв. (по материалам Олонецкой епархии)* (Петрозаводск, 2009), 422.

77 протоиерей В. Сорокин, *Исповедник. Церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова)* (Санкт-Петербург, 2005), 736.

78 А. К. Галкин, А. А. Бовкало, *Избранник божий и народа: жизнеописание священномученика Вениамина, митрополита Петроградского и Гдовского* (Санкт-Петербург, 2006), 382.

79 Ю. Н. Кожевникова, *Петуховы – династия сельских священников Карелии (XIX-XX века)* (Петрозаводск, 2020), 395.

году. Ю. Н. Кожевникова является также автором ряда монографий по истории православных монастырей Карелии⁸⁰.

Кроме того, появилось ряд публикаций источников по истории православия в Карелии. А. В. Пигин подготовил издание житий православных святых Карелии «Новый олонецкий патерик»⁸¹. Вышел сборник документов по истории старейшего сохранившегося православного храма Петрозаводска – Александро-Невского собора⁸².

На территории Карелии находится один из старейших монастырей России, а в наши дни один из наиболее известных православных монастырей – Валаамский Спасо-Преображенский монастырь, закрытый в 1944 году и возрожденный в 1989 году. Валаамский монастырь обладает большими финансовыми возможностями, имеет собственное издательство и ведет активную публикаторскую деятельность. Так, была издана книга «Валаамский монастырь и его подвижники»⁸³, в основу которой легло последнее дореволюционное описание монастыря 1903 года, дополненное материалами по истории монастыря в XX веке.

Кроме того, издавалась самая разнообразная литература по истории Валаамского монастыря, написанная как православно-церковными, так и светскими историками⁸⁴. Валаамский монастырь регулярно проводит научные конференции и публикует их материалы.

Помимо официального православия на территории Карелии были сильны позиции старообрядчества – оппозиционной официальной церкви и власти совокупности течений и организаций в русле православной традиции, отвергавших церковную реформу патриарха

80 Ю. Н. Кожевникова, *Монастыри и монашество Олонецкой епархии во второй половине XVIII – начале XX вв.* (Петрозаводск, 2009), 304.; Ю. Н. Кожевникова, *Пять веков истории. Благовещенская Яшезерская пустынь* (Петрозаводск, 2014), 343.; Ю. Н. Кожевникова, *Николаевская Ондрусова пустынь. XVI-XX вв.* (Петрозаводск, 2017), 400.

81 М. Г. БАБАЛЫК и др., *Новый Олонецкий патерик*, сост., отв. ред. и авт. предисл. А. В. Пигин (Санкт-Петербург, 2013), 582.

82 *Александро-Невская церковь города Петрозаводска. Сборник документов и материалов*, сост. Н. А. БАСОВА (Петрозаводск, 2019), 264.

83 *Валаамский монастырь и его подвижники*, авт.-сост. священник А. БЕРТАШ; под ред. епископа Троицкого ПАНКРАТИЯ. Изд. 5-е, испр. и доп. (Санкт-Петербург, 2011), 583.

84 А. М. Спиридонов, О. А. Яровой, *Валаам: от апостола Андрея до игумена Иннокентия: (очерки истории Валаамского монастыря)* (Москва, 1991), 125.; О. А. Яровой, *Валаамский монастырь и православная церковь в Финляндии, 1880–1930-е гг.: (Из истории финнизации православной конфессии)*, науч. ред. С. И. Кочкуркина (Петрозаводск, 1997), 203.; *Валаамский Патерик* (Москва, 2001–2003. – Т. 1., 367.; Т. 2., 333.); О. А. Яровой, И. А. Смирнова, *Валаамские острова. История в памятниках и ландшафтах: справочник-путеводитель* (Сортавала, 2009), 153. и другие издания.

Никона, проведенную в середине XVII века. В советский период история старообрядчества в Карелии практически не изучалась. Началом такого изучения стало проведение в сентябре 1994 года в Петрозаводске Международной научной конференции «Выговская поморская пустынь и ее значение в истории русской культуры», посвященная 300-летию создания этого старообрядческого центра. Об уровне этой конференции говорит такой факт, что в ней принимал участие известный американский славист Роберт Крами (Robert Crummeу), автор большого исследования по истории Выговской поморской пустыни «The Old Believers & the World of Antichrist» («Староверы и мир антихриста») ⁸⁵. По итогам конференции 1994 года был издан сборник статей и материалов «Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России» ⁸⁶. В сентябре 2006 года в связи с 300-летием создания женской Лексинской старообрядческой пустыни в Петрозаводске прошла Международная научно-практическая конференция «Женщина в старообрядчестве», после которой также был издан сборник материалов ⁸⁷. И, наконец, в марте 2020 года состоялась организованная Музеем-заповедником «Кижы» конференция в режиме online «Старообрядчество на Русском Севере», посвященная 400-летию со дня рождения видного деятеля старообрядчества протопопы Аввакума (Петрова) (1620–1682). Самосожжениям старообрядцев посвящена работа петрозаводского историка М. В. Пулькина ⁸⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в 1991–2021 годах историческая наука в Карелии претерпела значительную трансформацию. Численность историков уменьшилась, многие умерли, другие ушли из профессии, но появились новые молодые ученые. Разительно изменилась проблематика исследова-

85 R. CRUMMEY, *The Old Believers & the World of Antichrist: The Vyg community & the Russian State, 1694-1855* (Madison, Wis. [etc.], 1970), 277.

86 *Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России: Сборник научных статей и материалов: [Доклады международной научной конференции, 13-17 сентября 1994 года]*, отв. ред. и сост. А.М. Пашков (Санкт-Петербург, 2003), 351.

87 *Женщина в старообрядчестве: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию основания Лексинской старообрядческой обители*, сост.: А. М. Пашков, А. В. Пигин, И. Н. Ружинская (Петрозаводск, 2006), 247.

88 М. В. Пулькин, *Самосожжения старообрядцев (середина XVII – XIX в.)* (Москва, 2013), 334.

ний. Постсоветские историки отказались от таких магистральных направлений советской историографии, как история рабочего класса и промышленности, история крестьянства, сельского хозяйства и крестьянских промыслов, история большевистской политической ссылки, изучение перманентного ухудшения положения трудящихся, особенно этнических меньшинств, история классовой борьбы и вызревания предпосылок социалистической революции. Но зато бурно стали развиваться новые направления исследований. История промышленности стала изучаться с точки зрения развития технологий, динамики объема, номенклатуры выпускавшейся продукции, и ее качества, а также вклада иностранных специалистов в деятельность горных заводов. В истории экономики главное внимание стало уделяться истории предпринимательства и персоналиям наиболее известных предпринимателей. Актуальность приобрело изучение системы государственного управления, просопография губернаторов и вице-губернаторов и история дворянства и чиновничества.

Единственным направлением исследований, которое благополучно пережило 1991 год и даже получило еще больший размах, стало изучение этнографии и этнической истории главным образом прибалтийско-финских народов Карелии. Этому способствовала государственная политика по поддержке и развитию этнических меньшинств, активная деятельность национальных объединений и организаций, мощная поддержка научного сообщества и общественных организаций Финляндии.

История официального православия стала достаточно интенсивно изучаться только с 1990-х годов, причем по широкому кругу вопросов (история приходов, церквей, монастырей, персоналии духовенства и т. д.). Слабая изученность этих сюжетов в советский период привлекала в них внимание как профессиональных историков, так и краеведов, при поддержке Русской православной церкви. По этим же причинам в 1990-е годы возник интерес к изучению старообрядчества.

После 1991 года большую популярность приобрело изучение истории народного образования Карелии в дореволюционной Карелии. Вероятно, это объясняется тем, что многие историки и краеведы были выходцами из семей педагогов или сами имели преподавательский опыт. Кроме того, существовал мощный запрос со стороны учителей школ, где активно изучалась история своего учебного заведения, праздновались юбилей его основания, действовали школьные музеи и т. д.

До 1990-х годов изучение истории Северного Приладожья в 1700–1917 годах, когда этот регион населяли главным образом финны, было строго табуировано. Поэтому после 1991 года начался настоящий бум в изучении финской истории этого региона, основанный на освоении огромного объема финской литературы.

Одним из наиболее позитивных итогов развития исторической науки Карелии стало широкое сотрудничество с историками Финляндии и, прежде всего, Университета Восточной Финляндии (кампус Йоэнсуу), проявившееся в совместных научных проектах, участии в совместных конференциях и т. д.

Историческая наука Карелии в 1991–2021 годах переживала разные времена. Тотальный кризис 1990-х годов, дефолт 1998 года, пандемия, начавшаяся в 2019 году, негативно влияли на ее развитие. Однако, несмотря на все трудности, историки продолжали работать и добились определенных успехов.

References

- K. M. AGAMIRZOEV, *Put' na Sever*. [The Way to the North. A Historical essay] (Petrozavodsk: Scandinavia, 2008).
- V. G. BADANOV, *Zemskie uchrezhdeniia Olonetskoj gubernii* [Zemstvo Institutions of Olonets Province] (1867–1918 гг.) (Petrozavodsk: Karelian Research Centre of RAS, 2017).
- V. G. BADANOV, N.F. KORABLEV, A. YU. ZHUKOV, *Istoriia ekonomiki Karelii. Kniga 1. ...Konets XV – nachalo XX vekov* [A History of the Karelian Economy. Vol. 1. ... Late 14th – Early 20th Centuries] (Petrozavodsk: PetroPress, 2005).
- T. V. BALANDIN, «*Petrozavodskie severnye vechernie besedy*» i drugie sochineniia i pis'ma [«Petrozavodsk Northern Evening Conversations» and Other Essays and Letters] / A. V. PIGIN (comp. and ed.). (Sankt-Petersburg: Dmitry Bulanin, 2016).
- N. A. BASOVA (comp.), Ioann Terenjak (ed.), *Olonetskaia eparhiia: stranitsy istorii* [Olonets Diocese: Pages of History] (Petrozavodsk: n.p., 2001).
- N. A. BASOVA (comp.), *Aleksandro-Nevskaia tserkov' goroda Petrozavodska. Sbornik dokumentov i materialov* [Aleksandro-Nevskaja Church at the City of Petrozavodsk. A Collection of Documents and Materials] (Petrozavodsk: Periodika, 2019).
- T. A. BERNŠTAM, *Narodnaia kul'tura Pomoria* [The Folk Culture of Pomorje] (Moskva: Fond podderzhki aekonomicheskogo razvitija stran SNG, 2009).
- BERTASH (comp.), *Valaamskii monastyr' i ego podvizhiki* [Valaam Monastery and Its Ascetics] (5th ed., corrected and expanded, Sankt-Petersburg: Spaso-Preobrazhensky Valaam Monastery, 2011).
- Iu. N. BESPIATYKH, G. M. KOVALENKO, *Karelia pri Petre I* [Karelia under Peter I] (Petrozavodsk: Karelia, 1988).
- V. N. BIRIN, *Fenny Olonetskoj gubernii* [The Finns of Olonets Province] (Petrozavodsk: Karelian Research Centre of RAS, 1991).

- V. N. BIRIN, I. IU.. VINOKUROVA (ed.), I. E. GRISHINA, *Narody Karelii: istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Peoples of Karelia: Historical and Ethnographic Essays] (Petrozavodsk: Periodika, 2019).
- V. N. BULATOV (ed.), A. A. KURATOV, *Pomorskaia entsyklopediia. Tom 1. Istoriia Archangel'skogo Severa* [Pomor Encyclopedia. Vol. 1. History of the Arkhangel'sk North] (Arkhangel'sk: Pomor State University Publisher, 2001).
- I. A. CHERNIAKOVA, *O chem ne rasskazal Elias Lönnrot* [What Elias Lönnrot Didn't Tell] (Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publisher, 1998).
- ROBERT O. CRUMMEY, *The Old Believers & the World of Antichrist: The Vyg Community & the Russian State, 1694–1855*. (Madison [a. o.]: University of Wisconsin press, 1970).
- I. M. DUROV, *Slovar' zhivogo pomorskogo iazyka* [Dictionary of the Living Pomorian Language] / [Mullonen I. I. (ed.)]. (Petrozavodsk, Karelian Research Centre of RAS, 2011).
- V. V. EFIMOVA, *General-gubernatory Evropeiskogo Severa* [Governors-General of the European North] (1820–1830). (Sankt-Petersburg: Dmitry Bulanin, 2018).
- V. V. EFIMOVA, *Petrozavodskoe gorodskoe samoupravlenie* [Petrozavodsk City Government] (1870–1918) (Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publisher, 2004).
- LARS ELENIS (ed.), *The Barents Region: A Transnational History of Subarctic Northern Europe* (Oslo: Pax forlag AS, 2015).
- A. K. GALKIN, A. A. BOVKALO, *Izbrannik Bozhyi i Naroda: zhizneopisanie sviatschenno-muchenika Veniamina, mitropolita Petrogradskogo i Gdovskogo* [The Chosen One of God and the People: The Life of the Holy Martyr Venjamin, Metropolitan of Petrograd and Gdov] (Sankt-Petersburg: Blokadni khram, 2006).
- D. Z. GENDELEV (comp.), *Petrozavodsk: 300 let istorii: dokumenty i materialy: Kniga 1–3* [Petrozavodsk: 300 Years of History: Documents and Materials. Vol. 1–3] (Petrozavodsk: Karelia, 2001–2003).
- D. Z. GENDELEV, *Iz istorii evreiskoi obstchiny Petrozavodska* [From the History of the Jewish Community of Petrozavodsk] (Petrozavodsk: Print, 2002).
- A. A. GOLUBEV, *Murmanskaia zheleznaia doroga. Istoriia stroitel'stva* [The Murmansk Railway: A History of Its Construction] (1894–1917) (Sankt-Petersburg: St. Petersburg State University of Railway Transport Publisher, 2011).
- V. A. GUSTCHINA, B. A. GUSTCHIN (comp.), *Dokumenty i materialy po istorii Kizhskogo arkhitekturnogo ansambliia* [Documents and Materials on the History of the Kizhi Architectural Ensemble] (1694–1945) (Petrozavodsk: Karelian Research Centre of RAS, 2013).
- TAPIO HÄMYNEN, ALEKSANDR M. PASHKOV (eds.), *A Nation Split by a Border: Changes in the Ethnic Identity, Religion and Language of the Karelians from 1809 to 2009* (Tampere: University Press of Eastern Finland, 2012).
- O. P. ILIUKHA, *Shkola i prosvestchenie v Belomorskoj Karelii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka* [Schools and Education in White Sea Karelia in the Second Half of the 19th– Early 20th Century] (Petrozavodsk: Karelian Research Centre of RAS, 2002).
- O. P. ILIUKHA, *Shkola i detstvo v karel'skoi derevne v kontse XIX – nachale XX veka* [Schools and Childhood in the Karelian Village in the Late 19th – Early 20th Century] (Sankt-Petersburg: Dmitry Bulanin, 2007).
- O. P. ILIUKHA, *Povsednevnaia zhizn' sel'skikh uchitelei i shkol'nikov Karelii v kontse XIX – nachale XX veka. Ocherki. Dokumenty. Materialy* [The Everyday Life of Rural Teachers and Schoolchildren of Karelia in the Late 19th – Early 20th Century: Essays, Documents, Materials] (Petrozavodsk: Karelian research centre of RAS, 2010).

O. P. ILIUKHA (ed.), *Karel'skaia krestianka v svete istoriko-etnograficheskikh istochnikiv (vtoraia polovina XIX – nachalo XX veka): Sbornik dokumentov i materialov* [Karelian Peasant Women in the Light of Historical and Ethnographic Sources (the Second Half of the 19th– Early 20th Century): A Collection of Documents and Materials] (Petrozavodsk: Karelian Research Centre of RAS, 2012).

O. P. ILIUKHA (ed.), *Karel'skaia semia vo vtoroi polovine XIX – nachale XXI veka: etnokul'turnaia traditsiia v kontekste sotsial'nykh transformatsii: Sbornik dokumentov i materialov* [The Karelian Family in the Second Half of the 19th – Early 21st Century: Ethno-cultural Tradition in the Context of Social Transformations: A Collection of Documents and Materials] (Petrozavodsk: Karelian Research Centre of RAS, 2013).

O. P. ILIUKHA (ed.), *Kul'tura povsednevnosti karel'skoi semii (konets XIX – pervaa tret' XX veka): issledovaniia, materialy, dokumenty* [The Karelian Family's Culture of Everyday Life (Late 19th – the First Third of the 20th Century): Research, Materials, Documents] (Petrozavodsk: Karelian Research Centre of RAS, 2014).

O. P. ILIUKHA (ed.), *Finno-ugorskaia mozaika: sbornik statei k iubileiu I. I. Mullonen* [Finno-Ugric Mosaic: A Collection of Articles for the Anniversary of I. I. Mullonen] (Petrozavodsk: Karelian Research Centre of RAS, 2016).

O. P. ILIUKHA (comp. and ed.), *Eremeevy – Rjaikhja: chelovek, semia, politika v karel'skom pogranchie nachala 20 veka: issledovanie, dokumenty, materialy* [Eremeevs – Rjaikhja: Man, Family, Politics in the Karelian Borderland of the Early 20th Century: Research, Documents, Materials] (Petrozavodsk: Karelian Research Centre of RAS, 2017).

O. P. ILIUKHA (ed.), *Etnokul'turnye i etnopoliticheskie protsessy v Karelii ot srednikh vekov do nashikh dnei* [Ethnocultural and Ethnopolitical Processes in Karelia from the Middle Ages to the Present Day] (Petrozavodsk: Karelian Research Centre of RAS, 2019).

K. INHA, *V kraju kaleval'skikh pesen: tropoju Lännrota po Belomorskoi Karelii* [In the Land of Kalevala Songs: The Lönnrot Trail in White Sea Karelia] (Petrozavodsk: Periodika; Kuhmo: Juminkeko, 2019).

MARTTI I. JAATINEN, *Sortavala Rakentaminen: 1643–1944* [Sortavala Construction: 1643–1944] (Espoo: Teknillinen korkeakoulu, 1997).

M. JOKIPII (comp.), *Pribaltiisko-finskie narody: istoriia i sud'ba rodstvennykh narodov* [Baltic-Finnish Peoples: The History and Fate of Related Peoples] (Jyväskylä: Athena, 1995).

E. A. KALININA, *Narosnye shkoly Olonetskogo kraia v XIX – nachale XX veka* [Folk Schools of the Olonets Region in the 19th – Early 20th Century] (Sankt-Petersburg: Dmitry Bulanin, 2009).

E. A. KALININA, «*Imena ikh izvestny budut v istorii prosvestcheniia Rossii...*»: *deiateli narodnogo obrazovaniia Olonetskoi gubernii v pervoi polovine XIX veka* [«Their Names Will be Known in the History of the Enlightenment of Russia...»: Figures in Public Education in Olonets Province in the First Half of the 19th Century] (Petrozavodsk: PetroPress, 2011).

E. A. KALININA, *Shkoly Olonetskoi gubernii pervoi polovine XIX veka: istoricheskie ocherki i dokumenty* [Schools of Olonets Province in the First Half of the 19th Century: Historical Essays and Documents] (Sankt-Petersburg: Dmitry Bulanin, 2015).

E. A. KALININA, *Sistema narodnogo prosvestcheniia na Evropeiskom Severe Rossii gubernii v pervoi polovine XIX veka* [The System of Public Education in the European North of Russia in the First Half of the 19th Century] (Moskva: Novyi khronograf, 2017).

- E. A. KALININA, *Dukhovnoe obrazovanie v Olonetskoj gubernii v XIX – nachale XX veka* [Education in Olonets Province in the 19th – Early 20th Century] (Petrozavodsk: Markov N.A., 2019).
- L. I. KAPUSTA, *Martsial'nye vody. Stranitsy istorii pervogo russkogo kurorta* [Martsial'nye vody: Pages from the History of the First Russian Health Resort] Sankt-Petersburg: Dmitry Bulanin, 2006).
- L. I. KAPUSTA, *Pervyi rossiiskii kurort Martsial'nye vody* [The First Russian Health Resort: Martsial'nye vody] (Petrozavodsk: Periodika, 2019).
- E. G. KARHU, *Malye narody v potoke istorii: issledovaniia i vospominaniia* [Small Nations in the Flow of History: Research and Memories] (Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publisher, 1999).
- E. G. KARHU, *Elias Lönnrot. Zhizn' i tvorchestvo* [Elias Lönnrot: His Life and Work] (Petrozavodsk: Karelia, 1996).
- H. KIRKINEN, P. NEVALAINEN, H. SIHVO, *Istoriia karel'skogo naroda* [A History of the Karelian People] (Petrozavodsk: n.p., 1998).
- H. KIRKINEN, P. NEVALAINEN, H. SIHVO, *Karialan kansan historia* [A History of the Karelian People] (Porvoo: WSOY, 1994).
- Kizhskii vestnik: sbornik statei* [Kizhi Bulletin: A Collection of Articles]. Vol. 1–19 (Petrozavodsk: Karelian Research Centre of RAS, 1993–2021).
- E. I. KLEMENT'EV, N. V. SHLYGINA, *Pribaltiisko-finskie narody Rossii* [Baltic-Finnish Peoples of Russia] (Moskva: Nauka, 2003).
- N. KOPETSKAIA, T. REPINA (eds. and comp.), *Poliaki v Karelii = Polacy w Karelii: sbornik* [Poles in Karelia = Polacy w Karelii: A Collection]. 2nd ed., revised and augmented (Petrozavodsk: VVPrint, 2020). (Text in Russian and in Polish).
- N. A. KORABLEV, I. S. PETRICHEVA (comp.), *Osnovnye sobitiia rabochego i sotsial-demokraticeskogo dvizheniia v Olonetskoj gubernii i v Kemskom uezde Archangel'skoi gubernii v 1895–1907 godakh* [The Main Events of the Workers' and Social-Democratic Movement in Olonets Province and in the Kemsy District of Arkhangelsk Province in 1895–1907] (Petrozavodsk: Karelian Research Centre, 1991).
- N. A. KORABLEV, B. G. MAKUROV, I. A. SAVVATEEV (eds.), *Novoe v izuchenii istorii Karelii* [New Research in the Study of the History of Karelia] (Petrozavodsk: Karelian Research Centre of RAS, 1994).
- N. A. KORABLEV (ed.) *Istoriia Karelii s drevneishikh vremen* [The History of Karelia from Ancient Times] (Petrozavodsk: Periodika, 2001).
- N. A. KORABLEV, T. A. MOSHINA, *Gorodskie golovy Petrozavodska, 1778–1918: biograficheskii spravocnik* [Mayors of Petrozavodsk, 1778–1918: A Biographical Reference Work] (Petrozavodsk: Standart, 2008).
- N. A. KORABLEV, *Traditsionnye kustarnye promysly i remesla Karelii: vtoraiia polovina XIX – nachalo XXI veka* [Traditional Handicrafts and Crafts of Karelia: The Second Half of the 19th – Beginning of the 20th Century] (Petrozavodsk: PetroPress, 2009).
- N. A. KORABLEV, *Predprinimatel'stvo v Karelii vo vtoroi polovine XIX – nachale XXI veka* [Entrepreneurship in Karelia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries] (Petrozavodsk: Karelian Research Centre of RAS, 2011).
- N. A. KORABLEV, T. A. MOSHINA, *Olonetskie gubernatoru i general-gubernatory: biograficheskii spravocnik* [Olonets Governors and Governors-General: A Biographical Reference Work] (2nd ed., corrected and expanded: Petrozavodsk: Stroitel'nyi standart, 2012).

- N. A. KORABLEV (ed.), V. G. BADANOV (comp.), *Provedenie Stolypinskoj agrarnoi reform v Karelii (1906–1917): dokumenty i materily* [Implementation of Stolypin Agrarian Reform in Karelia (1906–1917): Documents and Materials (Petrozavodsk: Karelian Research Centre of RAS, 2013).
- N. A. KORABLEV, T. A. MOSHINA, *Pimenovy: dinastiia predprinimatelei, blagotvoritelej, obstchestvennykh deiatelei* [The Pimenovs: A Dynasty of Entrepreneurs, Philanthropists and Public Figures]. (2nd ed., revised and expanded: Petrozavodsk, 2016).
- N. A. KORABLEV, T. A. MOSHINA, *Georgievskie kavalerii Olonetskoj gubernii, 1812–1917: kratkii spravocnik* [St. George's Cavaliers of Olonets Province, 1812–1917: A Short Guide]. (Petrozavodsk: Karelian Research Centre of RAS, 2016).
- N. A. KORABLEV, E. I. DUBROVSKAIA, *Karelia v gody Pervoi mirovoi voiny: 1914–1918* [Karelia during the First World War: 1914–1918] (Sankt-Petersburg: Nestor-Istoriia, 2017).
- B. I. KOSHECHKIN, *Bozhe, dai nam vetra: kemskie poliarnye morekhody* [God, Give us Wind: The Kem' Polar Sailors]. (Petrozavodsk: Karelia, 1992).
- I. N. KOZHEVNIKOVA, *Monasteri i monashestvo Olonetskoj eparkhii vo vtoroi polovine XVIII – nachale XX veka* [The Monasteries and Monasticism of the Olonets Diocese in the Second Half of the 19th – Early 20th Century] (Petrozavodsk: Spaso-Kizhi Patriarchal Compound Publisher, 2009).
- I. N. KOZHEVNIKOVA, *Piat' vekov istorii. Blagovestchenskaia Jashezerskaia pustun'* [Five Centuries of History: Jashezero Monastery of the Annunciation]. (Petrozavodsk: Verso, 2014).
- I. N. KOZHEVNIKOVA, *Nikolaevskaia Ondrusova pustun'. XVI–XX veka* [Saint Nicholas Ondrusov Monastery. 16th – 20th Centuries] (Petrozavodsk: Verso, 2017).
- I. N. KOZHEVNIKOVA, *Petukhhovy – dinastiia sel'skikh sviastchennikov Karelii (XIX–XX veka)* [The Petukhovs – A Dynasty of Rural Priests of Karelia (19th – 20th Centuries)]. (Petrozavodsk: Verso, 2020).
- N. A. KRINICHNAIA (comp.), *Zhil v Kizhskoi volosti krestianin... (skazitel' T. G. Riabinin: zhizn' i epicheskaia poeziia)* [A Peasant Lived in Kizhi Parish... (Storyteller of Epics T. G. Ryabinin: His Life and Epic Poetry)] (Sankt-Petersburg: n.p., 1995).
- P. A. KROTOV, A. M. PASHKOV, *K voprosy o date osnovaniia Petrozavodska* [On the Question of the Date of the Founding of Petrozavodsk] v *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University]. 2015. № 5(150), 7–10.
- P. A. KROTOV, A. M. PASHKOV, A. V. PIGIN, «Petr Velikii I Faddei Blazhennyi: iz istorii pervykh let sustchestvovaniia Petrozavodska» [Peter the Great and Faddei the Blessed: From the History of the First Years of Petrozavodsk's Existence], *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 154, no. 1 (2016): 7–12.
- V. P. KUZNETSOVA, K. K. LOGINOV, *Russkaia svad'ba in Zaonezhja (konets XIX – nachalo XX veka)* [Russian Wedding Zaonezhja (Late 19th – Early 20th Centuries)] (Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publisher, 2001).
- P. R. LEONT'EV, *Dorogami Vjainoly* [By the Roads of Vjainola] (Petrozavodsk: Periodika, 2006).
- P. LINTUNEN, M. HYNONEN, K. IKONEN, S. KIVIMAKI, *Kul'turnoe okruzhenie severnogo poberezhia Ladozhskogo ozera. Finskoe kul'turnoe nasledie v landshafte severnogo poberezhia Ladozhskogo ozera* [The Cultural Environment of the Northern Coast of

Lake Ladoga: Finnish Cultural Heritage in the Landscape of the Northern Coast of Lake Ladoga] (Helsinki: Miktor, 1998).

E. I. MATVEEVA, E. S. NAMIATOVA, M. E. NEELOVA (eds.), *Karelia v gody Pervoi mirovoi voiny: sbornik dokumentov i materialov* [Karelia during the First World War: A Collection of Documents and Materials] (Petrozavodsk: Verso, 2014).

V. P. MEGORSKII, «*Petrozavodsk pri Petre Velikom*» i drugie sochineniia [«Petrozavodsk under Peter the Great» And Other Works] / A. M. PASHKOV, B. V. MEGORSKII (comp. and ed.) (Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publisher, 2021).

M. I. MIŁ'ČNIK, *Zaonezhje na starykh fotografiakh. Al'bom* [Zaonezhje in Old Photos: An Album]. (2nd ed., Sankt-Petersburg: Liki Rossi, 2001).

A. I. MOSHIN, *Ocharovanie Zaonezhjem: istoricheskie zametki o Zaonezhje* [The Charm of Zaonezhje: Historical Notes about Zaonezhje] (Petrozavodsk: Karelian Research Centre of RAS, 2007).

A. I. MOSHIN, T. A. MOSHINA (comp.), *Zaonezhje v biografijakh: kratkii spravocchnik* [Zaonezhje in Biographies: A Short Guide] (Petrozavodsk: without, 2010).

A. MUSIN, V. N. SUZI (comp.), *Traditsii obrazovaniia v Karelii: materialy konferentsii, posviastchennoi 165-letiju Olonetskoj dukhovnoi seminarii* [Traditions of Education in Karelia: Materials of the Conference Dedicated to the 165th Anniversary of the Olonets Theological Seminary] (Petrozavodsk: Karel'skii institute povysheniia kvalifikatsii rabotnikov obrazovaniia, 1995).

R. NACHTIGALL, *Murmanskaia zheleznaia doroga. 1915–1919 gody. Voennaia neobkhodimost' i ekonomicheskie soobrazheniia* [Murmansk Railway 1915–1919: Military Necessity and Economic Considerations] (Sankt-Petersburg: NestorIstoriia, 2011).

V. M. NILOV, *Organ mestnoi glastnosti: Rol' periodicheskoi pechati Olonetskoj gubernii v raztvorii obščestvennogo soznaniia* [The Organ of Local Publicity: The Role of the Periodical Press of Olonets Province in the Development of Public Consciousness] (Part. 1–2. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publisher, 2017).

M.-O. OLSSON (ed.-in-chief), *Encyclopedia of the Barents Region: [in 2 vols.]* (Vols. 1–2. Oslo: Pax forlag AS, 2016).

A. M. PASHKOV, *Gerby i flagi Karelii = Karjalan vaakunat ja liput* [The Coats of Arms and Flags of Karelia] (Petrozavodsk: KAREKO, 1994) (Text in Russian and in Finnish).

A. M. PASHKOV (ed.), *Olonets: istoriko-kraevedcheskie očerki* [Olonets: Historical and Local History Essays] (Parts 1–2. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publisher, 1999).

A. M. PASHKOV, *Karelia i Solovki glazami literatorov pushkinskoj epokhi. Tom 1–2* [Karelia and Solovki through the Eyes of Writers of the Pushkin Era. Vols. 1–2]. (Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publisher, 2000–2001), 175 + 217.

A. M. PASHKOV, S. N. FILIMONČIK, *Petrozavodsk* / E. V. ANISIMOV (ed.) (Sankt-Petersburg: Zvezda Peterburga, 2001).

A. M. PASHKOV (comp. and ed.), *Vygovskaia pomorskaia pustyn' i ee znachenie v istorii Rossii. Sbornik nauchnykh statei i materialov* [The Vyg Community and Its Significance in the History of Russia: A Collection of Scientific Articles and Materials] (Sankt-Petersburg: Dmitry Bulanin, 2003).

A. M. PASHKOV, A. V. PIGIN, I. N. RUZHINSKAJA (comp.) *Zhenstchina v staroobriadchestve* [A Woman in the Old Believers] (Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publisher, 2006).

- A. M. PASHKOV, «Inostrannye spetsialisty na Olonetskikh gornyx zavodakh vo vtoroi polovine XVIII – pervoi chetverti XIX veka» [Foreign Specialists at the Olonets Mines and Foundries in the Second Half of the 18th – First Quarter of the 19th Century], *Otechestvennaia istoriia* [Domestic history]. no. 4 (2006): 46–54.
- A. M. PASHKOV, *Gornozavodskoe kraevedenie Karelii kontsa XVIII – nachala XX veka* [Local Mining History in Karelia in the Late 18th – Early 20th Centuries] (Petrozavodsk: Karelian State Pedagogical Academy Publisher, 2007).
- A. M. PASHKOV, *Karel'skie prosvetiteli i kraevedy XIX – nachala XX veka* [Karelian Enlighteners and Local Historians of the 19th – Early 20th Century]. (Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publisher, 2010).
- A. M. PASHKOV, *Karely Rossiisko-finskogo pograničia v XIX–XX vekakh: sbornik statei* [Karelians of the Russian-Finnish Borderland in the 19th – 20th Centuries: A Collection of Articles] (Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publisher, 2013).
- A. M. PASHKOV, «Istoricheskaia nauka v Karelii na perelome epokh: Nikolai Aleksandrovich Korablev» [Historical Science in Karelia at the Turning point of Epochs: Nikolai Alexandrovich Korablev], v *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University]. 174, no. 5 (2018): 28–36. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2018.165>
- A. M. PASHKOV (ed.) *Martsial'nye vody v istorii Karelii i Rossii: materialy nauchnoi konferentsii* [Martial Waters in the History of Karelia and Russia: Materials of a Scientific Conference] (Petrozavodsk: Periodika, 2019).
- A. M. PASHKOV, *Karelia v period napoleonovskikh vojn (1805–1815). Ch. 1. Karelia v 1805–1811 godakh* [Karelia during the Napoleonic Wars (1805–1815). Part 1. Karelia in 1805–1811] (Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publisher, 2019).
- LARS PETTERSSON, *Äänisniemen kirkollinen puuarkkitehtuuri* [Wooden Ecclesiastical Architecture] (Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys, 1950).
- LARS PETTERSSON, *Arkhitektura dereviannykh tserkvei i chasoven Zaonezhia* [The Architecture of the Wooden Churches and Chapels of Zaonezhje] (Moskva: Tri kvadrata, 2020).
- A. V. PIGIN (comp. and ed.), *Novyi Olonetskii paterik* [The New Olonets Paterik] (Sankt-Petersburg: Dmitry Bulanin, 2013).
- M. V. PUL'KIN, O. A. ZAKHAROVA, A. IU. ZHUKOV, *Pravoslavie v Karelii (XV – pervaja tret' XX veka)* [Orthodoxy in Karelia (15th – the First Third of the 20th Century)] (Moskva: Kruglyi god, 1999).
- M. V. PUL'KIN, N. A. KORABLEV, E. IU. DUBROVSKAIA, (etc.), *Petrozavodsk: Khronika trekh stoletii: 1703–2003* [Petrozavodsk: A Chronicle of Three Centuries: 1703–2003] (Petrozavodsk: Periodika, 2002).
- M. V. PUL'KIN, *Pravoslavnyi prikhod i vlast' v seredine XVIII – nachale XX veka (po materialam Olonetskoj aeparkhii)* [The Orthodox Parish and Government in the Middle of the 18th – Early 20th Centuries. (Based on the Materials of the Olonets Diocese)] (Petrozavodsk: Karelian Research Centre of RAS, 2009).
- M. V. PUL'KIN, *Samozozhzheniia staroobriadtsev (seredina XVII – XIX vek)* [Old Believer Self-Immolation (mid 17th - 19th Centuries)]. (Moskva: Universitet Dmitrija Pozharskogo, 2013).
- I. V. SAVITSKII, *Vedenie Dvorianskoi rodoslovnoi knigi v Olonetskoj gubernii. 1791-1841* [Maintaining a Noble Pedigree Book in Olonets Province. 1791–1841.] (Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publisher, 2000).

- Y. A. SAVVATEEV (ed.), *Istoricheskie sud'bu Belomorskoj Karelii* [White Sea Karelia's Historical Destinies] (Petrozavodsk: Karelian research centre of RAS, 2000).
- Iu. G. SHIKALOV (ed.), *Narod, razdelennyi graniatsei: karely v istorii Rossii i Finliandii v 1809-2009 godakh: evolutsiia natsional'nogo samosoznaniia, religii i uazuka* [The People Divided by a Border: Karelians in the History of Russia and Finland 1809 – 2009: The Evolution of National Consciousness, Religion and Language: Materials from an International Seminar] (Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publisher, 2011).
- Y. V. SHLEIKIN (comp.), *Tri veka Petrozavodska: illiustrirovannaia istoriia goroda, 1703–2003* [Three Centuries of Petrozavodsk: An Illustrated History of the City 1703–2003] (Petrozavodsk: PetroPress, 2003).
- A. V. SOROKIN, *Ispovednik. Tserkovno-prosvetitel'skaia deiatel'nost' mitropolita Gri-goriiia* (Chukova) [Confessor: Metropolitan Gregory's Church-Educational Activities (Chukov)] (Sankt-Petersburg: Kniaz'-Vladimirskii sobor, 2005).
- A. M. SPIRIDONOV, O. A. IAROVoi, *Valaam: ot apostola Andreia do igumena Innokentuiia (ocherki istorii Valaamskogo monastyr'ia)* [Valaam: From Apostle Andrew to Abbot Innokentii: (Essays on the History of the Valaam Monastery)] (Moskva: Prometei, 1991).
- Iu. Iu. SURKHASKO. K. K. LOGINOV (eds.), *Zaonezhje: sbornik nauchnykh statei* [Zaonezhje: A Collection of Scientific Articles] (Petrozavodsk: Karelian Research Centre of RAS, 1992).
- E. S. TARAKANOVA, «Charles Gascoigne i russkie pushki» [Charles Gascoigne and the Russian Guns], *Sever*. no. 4 (2001): 96–114, no. 7–8 (2001): 7–8, no. 11–12 (2001): 187–201.
- A. F. TITOV (ed.), *Karelia: entsyklopediia: v 3 tomakh* [Karelia: Encyclopedia: Vols. 1–3]. Vol. 1 (Petrozavodsk: PetroPress, 2007); Vol. 2. (Petrozavodsk: PetroPress, 2009); Vol. 3 (Petrozavodsk: PetroPress, 2011).
- Valaamskii paterik* [The Valaam Paterik]. Vol. 1–2 (Moskva: Palomnik, 2001–2003).
- Iu. VINOKUROVA (ed.), *Vepsy: istoriia, kul'tura i mezhethnicheskie kontakty* [The Vepsians: History, Culture and Interethnic Contacts]. (Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publisher, 1999).
- N. Iu. VINOKUROVA (ed.), *Sovremennaia nauka o vepsakh: dostizheniia i perspektivy (pamiati N. I. Bogdanova)* [The Modern Science of the Veps: Achievements and Prospects: (In Memoriam N. I. Bogdanov)] (Petrozavodsk: Karelian Research Centre of RAS, 2006).
- P. VIRTARANTA, *Karjalaisia kulttuurikuvia* [Karelian Cultural Images] (Espoo: Weilin + Göös, 1981).
- P. VIRTARANTA, *Etiudy o karel'skoi kul'tyre: liudi i sud'by* [Etudes on Karelian Culture: Its People and Destinies] (Petrozavodsk: Karelia, 1992).
- M. A. VITUKHNOVSKAIA, *Rossiaskaia Karelia i karely v imperskoi politike Rossii* [Russian Karelia and Karelians in the Imperial Policy of Russia] 1905–1917 (Sankt-Petersburg: Norma, 2006).
- S. E. IALOVITSYNA, *Liuterane v Karelii: istoricheskie ocherki* [Lutherans in Karelia: Historical Essays] (Petrozavodsk: PIN, 2016).
- O. A. IAROVoi, *Valaamskii monastyr' i pravoslavnaia tserkov v Finliandii, 1880–1930-e gody (iz istorii finnizatsii pravoslavnoi konfessii)* [Valaam Monastery and the Orthodox Church in Finland, 1880s–1930s: (From the History of the Finnization of the Orthodox Denomination)] [Petrozavodsk: Karelian Research Centre of RAS, 1997].
- O. A. IAROVoi, I. A. SMIRNOVA, *Valaamskie ostrova. Istorii i landshaftakh: spravocnik-putevoditel'* [The Valaam Islands: History in Monuments and Landscapes. A Reference Guide] (Sortavala: n.p., 2009).

E. G. ZARINA, A. V. PASHKOV (comp.), *Dom na plotschadi* [The House on the Square] (Petrozavodsk: Verso, 2000).

Iu. ZHUKOV, A. I. BUTVILO (eds.), *Istoriia Petrozavodska: vlast i gorozhane* [The History of Petrozavodsk: The City Authorities and the Townspeople] (Petrozavodsk: Karelian Research Centre of RAS, 2008).

A. M. ZHUL'NIKOV, A. M. SPIRIDONOV, *Drevnosi Petrozavodska* [The Antiquities of Petrozavodsk] (Petrozavodsk: Scandinavia, 2003).

A. M. ZHUL'NIKOV (ed.), L. I. KAPUSTA (comp.) *Ulitsy i plotschadi starogo Petrozavodska* [The Streets and Squares of Old Petrozavodsk] (Petrozavodsk: Scandinavia, 2003).

Iu. D. ZHMODIKOV, B. P. MILOVIDOV, A. V. PASHKOV, S. A. TIHOMIROV, "Iz istorii formirovaniia vologogskoi i olotetskoi družhin Sankt-Petersburgskogo opolcheniia: iiul' – oktiabr' 1812 goda" [From the History of the Formation of the Vologda and Olonets Squads of the St. Petersburg Militia July – October, 1812], *Istoricheskii archiv*. no. 4 (2013): 145–171.

А. В. ДМИТРИЕВ

**НОВОСИБИРСКАЯ ШКОЛА ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА (2000–2020 ГОДЫ)¹**

**THE “NOVOSIBIRSK SCHOOL” OF HISTORICAL STUDIES
AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY (2000–2020)**

This paper presents the main contributions of a number of academic institutions in Novosibirsk to the field of historical studies in the first two decades of the 21st century. The author pays primary attention to monographs and sources published by scholars from the Institute of History of the Siberian branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University and Novosibirsk State Pedagogical University. The wide range of themes and problems that they cover, concerning Russian and Siberian history from the 16th to the 20th century, demonstrates that Novosibirsk remains one of the main centers of historical studies in Russia nowadays. Different aspects of political, economic, social and cultural history, studied by Novosibirsk scholars, allow us to revise a number of concepts relating to Siberia's place under Russian state power, its population, regional development and its specific tendencies during the last few centuries. Although the main field of interest for Novosibirsk historians is the 20th century, the Soviet period, there are also well-known specialists working on the problems of the 17th and 18th centuries.

Keywords: Russian history, Siberia, 16th – 20th centuries, Institute of History of the SB RAS, Novosibirsk State University, Novosibirsk State Pedagogical University

Andrei V. Dmitriev – DSc in History, associate professor at the Novosibirsk State University. Novosibirsk, Russia. E-mail: khaldeus@academ.org. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9211-0407>

1 *Citation: A. V. DMITRIEV, “Novosibirskaia shkola istoricheskikh issledovaniy v nachale XXI veka (2000–2020 gody)” [The “Novosibirsk School” of Historical Studies at the Beginning of the 21st Century (2000–2020)], *RussianStudiesHu* 4, no. 3 (2022): 33 pp. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2022.4.23*

Прежде чем начинать повествование о деятельности ученых-историков Новосибирска в первые два десятилетия XXI века, мы считаем необходимым хотя бы кратко пояснить некоторые особенности, присущие новосибирской исторической школе, и остановиться на отдельных моментах, связанных с организацией здесь научной деятельности академических исследователей. После этого уже можно переходить непосредственно к изложению материала, связанного с конкретными исследованиями. Понятно, что в рамках одной статьи совершенно невозможно охватить все аспекты заявленной темы. Поэтому мы сочли разумным дать характеристику наиболее существенных достижений новосибирских историков по ряду хронологических и проблемных направлений. Результаты этих достижений отражены, прежде всего, в монографических работах и публикациях источников, на них мы и будем ссылаться далее. Надеемся, что из данного обзора читатель сможет почерпнуть достаточно информации для того, чтобы составить представление о новосибирской школе историков как целостном феномене в структуре российской исторической науки XXI века.

Уже с 1970–1980-х гг. в Новосибирске сложились фактически два центра исторических исследований. Первым из них является Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук (СО РАН) и неразрывно связанный с ним гуманитарный факультет (ныне – Гуманитарный институт) Новосибирского государственного университета (НГУ). Расположенные фактически за пределами города, в Новосибирском Академгородке, Институт и НГУ с первых лет своего существования функционировали как одно целое, недаром даже сейчас значительное большинство сотрудников Института – это выпускники НГУ. Вторым стал Новосибирский государственный педагогический университет (НГПУ), где также сложился коллектив преподавателей, одновременно являющихся академическими исследователями. Из стен НГПУ вышло немало людей, которые теперь работают в других вузах Новосибирска и за его пределами. Конечно, с точки зрения научного статуса между историками Академгородка и представителями городских вузов всегда существовала некоторая дистанция, однако именно за последние десятилетия мы можем назвать нескольких специалистов, весьма успешных в плане своих профессиональных достижений, которые не связаны напрямую с научными и образовательными учреждениями Академгородка. Тем не менее, поскольку сам автор этих строк, хоть и не являясь сотрудником Института истории СО РАН, принадлежит именно к научной среде Академгородка, то больше внима-

ния в статье будет уделено именно ее представителям. При этом мы специально оговариваем, какую организацию представляет тот или иной автор, только применительно к преподавателям новосибирских вузов (НГУ, НГПУ и др.); относительно сотрудников Института истории СО РАН мы подобных указаний не даем.

Определенное влияние на динамику исследований тех или иных направлений оказывали те организационные изменения, которые происходили на протяжении этих двух десятилетий в структуре Института истории СО РАН. Так, существовавшие до 2007 г. два сектора, занимавшиеся изучением истории конца XVI – начала XIX вв. (заведующий Д. Я. Резун) и второй половины XIX – начала XX в. (заведующий М. В. Шиловский) соответственно, в дальнейшем оказались объединены в рамках сектора истории второй половины XVI – начала XX в., действующего вплоть до настоящего времени. К сожалению, это не лучшим образом сказалось на исследовательской активности в отношении периода до XIX в.: сейчас специалистов по проблематике XVII–XVIII вв. в Новосибирске насчитывается не более десятка. После ряда дискуссий о перспективности некоторых направлений научного поиска в 2009–2010 гг. в Институте был ликвидирован сектор истории социально-культурного развития, а созданный в том же 2009 г. сектор историко-демографических исследований (заведующий В. А. Исупов) просуществовал только до 2020 г., затем оказавшись объединенным с сектором аграрной истории (ныне – сектор аграрной и демографической истории, заведующий В. А. Ильных). Здесь мы не имеем возможности вдаваться в подробности этих организационных трансформаций, однако заметим, что вызывались они, как правило, отнюдь не научными причинами, а имевшие место в отдельные годы события в Институте не красят многих их участников.

Материал, относящийся к конкретным исследованиям, мы предпочли структурировать по хронологически-проблемному принципу, хотя его не всегда удается соблюдать в точности (ряд работ, к которым мы обращаемся, имеют «сквозной» хронологический охват, включающий несколько веков). Поскольку Новосибирск сделался одним из ведущих научных центров страны лишь в середине – второй половине XX в., вполне естественно, что новосибирские историки в значительной степени занимались и занимаются исследованием XX столетия, а не более ранних периодов. В частности, из шести научных подразделений Института истории СО РАН четыре сектора ориентированы исключительно на изучение проблематики, относящейся к XX в. Поэ-

тому мы уделим значительное внимание именно этим исследованиям, не забывая, впрочем, о работах тех специалистов, которые изучают различные периоды истории до XX столетия. Почему нижней гранью служит именно XVI век, думается, пояснять нет надобности – только в конце этого столетия часть территории Сибири оказалась в границах Русского государства, а история Сибири сделалась, следовательно, составной частью российской истории. Для XVI–XVIII вв., пожалуй, преобладающей можно назвать тематическую направленность, связанную с проблемами развития духовной культуры и общественной мысли, а также политической и социальной истории, по периоду XIX в. добавляются социально-экономические сюжеты. Проблематика, изучаемая на материалах XX в., достаточно разнообразна – здесь представлена и политическая, и экономическая, и социальная история. Наконец, не будем забывать, что новосибирские исследователи не ограничиваются рамками Сибири как региона / макрорегиона; многие направления их научной работы имеют выходы на общероссийскую тематику.

Исходя из хронологической последовательности, начнем наше изложение с тех направлений, которые относятся к периодам XVI–XIX вв. Ведущая роль в изучении всего этого обширного хронологического промежутка принадлежит сектору археографии и источниковедения Института истории СО РАН, который возглавлял до своей кончины в 2013 г. академик РАН Н. Н. Покровский. Им самим, а также его коллегами и учениками были подготовлены и осуществлены научные публикации множества ценных источников по истории русской церкви и старообрядчества, духовной культуры и общественной мысли России. Среди них в первую очередь необходимо выделить научное издание по древнейшим спискам XVI в. такого памятника, как «Степенная книга царского родословия» – сочинение по истории Руси, составленное в середине XVI столетия по инициативе возглавлявших русскую церковь митрополитов Макария и Афанасия и включавшее не только исторические повествования, но также литературные и агиографические тексты.² Даже в последние годы жизни Н. Н. Покровский продолжал работу по изучению этого источника, совместно с петербургским археографом, чл.-корр. РАН А. В. Сиреновым подготовив издание Латухинской Степенной книги второй половины XVII в., в тексте которой

2 Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф (ред.), *Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии*. Т. 1–3 (Москва: Языки славянских культур, 2007; 2008; 2012).

получили дальнейшее развитие тенденции предыдущего столетия, связанные с формированием ключевых идеологем Московского царства XVI–XVII вв.³ Л. И. Журова принимала самое активное участие в подготовке издания сочинений оригинального мыслителя, богослова и писателя первой половины XVI в. Максима Грека (Михаила Триволиса), внесшего заметный вклад в формирование идейных основ духовной культуры Московского царства.⁴

Не менее плодотворно разрабатывается сотрудниками сектора и проблематика XVII столетия, относящаяся прежде всего к вопросам взаимоотношений между официальной церковью и старообрядцами после реформ патриарха Никона. Т. В. Панич детально проанализировала содержание одного из сочинений, созданных при патриаршем дворе во второй половине XVII в. – книги «Щит веры», содержащей материалы богословской полемики двух направлений церковной мысли, так называемых «грекофилов» и «латинствующих».⁵ Л. В. Титова изучала одно из наиболее значительных публицистических произведений раннего старообрядчества – «Послание дьякона Федора сыну Максиму», написанное Ф. Ивановым.⁶ В ее работе была показана история складывания данного текста Послания и рассмотрены литературные особенности этого произведения.

Другим направлением исследований по истории XVII в. в рассматриваемый период являлось изучение на сибирском материале ряда проблем политической и социальной истории Нового времени. Так, Д. Я. Резун и М. В. Шиловский попытались сопоставить процессы освоения русскими Сибири и европейцами Северной Америки, опираясь на популярную в начале 2000-х гг. в научной литературе теорию фронта. Рассматривая сибирскую историю с конца XVI до начала XX в., авторы утверждали, что сибирский макрорегион на протяжении нескольких столетий подвергался экономической и этнокультурной ассимиляции,

3 Н. Н. Покровский, А. В. Сиренов (ред.), *Латухинская Степенная книга. 1676 г.* (Москва: Языки славянских культур, 2012).

4 Л. И. Журова (ред.), *ПРЕПОДОБНЫЙ МАКСИМ ГРЕК, Сочинения. Т. 1* (Москва: Индрик, 2008). См. также ее работы, посвященные изучению этих сочинений: Л. И. Журова, *Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции. Ч. 1–2* (Новосибирск: Издательство СО РАН, 2008; 2011).

5 Т. В. Панич, *Книга «Щит веры» в историко-литературном контексте конца XVII века* (Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004).

6 Л. В. Титова, *Послание дьякона Федора сыну Максиму – литературный и полемический памятник раннего старообрядчества* (Новосибирск: Издательство СО РАН, 2003).

обеспечивавшей отсутствие заметных различий между европейской частью и восточной половиной страны, что не дает оснований говорить о «колониальном захвате» русскими территории Сибири, в отличие от модели проникновения и политического подчинения, использовавшейся западноевропейцами на североамериканском континенте.⁷ Однако в дальнейшем теория фронта применительно к сибирской истории утратила свою популярность; сейчас многие специалисты склонны рассматривать включение Сибири в структуры российской государственности через призму концепта империостроительства, уделяя особое внимание методам подчинения автохтонного населения имперской государственной власти и формам фиксации этого подчинения.

В рамках данного концепта А. С. Зуев (с 2016 г. занимает должность директора Гуманитарного института НГУ) изучал межэтнические взаимоотношения русского и аборигенного населения Сибири на материалах крайнего северо-востока Евразии, восстановив и детально проследив ход и этапы процесса утверждения российской государственной власти на данной территории в XVII–XVIII вв.⁸ А. С. Зуев сделал вывод о противоречивом характере взаимодействия и взаимовлияния политики и практических действий центрального правительства, местной сибирской администрации и непосредственных исполнителей, что в свою очередь провоцировало конфликтогенность русско-аборигенных отношений. В последние годы А. С. Зуевым и его учениками (прежде всего, В. А. Слугиной) основное внимание уделяется тем идеологемам, стратегиям и механизмам, с помощью которых российская государственная власть (имперская, что важно подчеркнуть) обосновывала и легитимировала свои права на обладание Сибирью и подчинение сибирского аборигенного населения, ритуалам, практикам и формам правового закрепления подданства сибирских народов.⁹ Данное направление сибиреведческих исследований пред-

7 Д. Я. Резун, М. В. Шиловский, *Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов* (Новосибирск: ИД «Сова», 2005).

8 А. С. Зуев, *Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв.* (Новосибирск: Издательство НГУ, 2002); А. С. Зуев, *Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII – XVIII век)* (Новосибирск: Издательство СО РАН, 2009).

9 А. С. Зуев, В. А. Слугина, «Летописные известия о шертовании сибирских народов во время похода Ермака и исторические реалии» в *Российская история*, по. 3 (2015): 30–44; А. С. Зуев, П. С. Игнаткин, В. А. Слугина, *Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в.* (Новосибирск: Издательство НГУ, 2017).

ставляется весьма перспективным и отвечающим современным трендам исторической науки.

Изучением групп служилого населения Сибири и вооруженных сил Московского царства на «восточной окраине» занимались в начале XXI в. И. Р. Соколовский и А. В. Дмитриев, ученики Д. Я. Резуна и А. С. Зуева соответственно. И. Р. Соколовский проанализировал процессы формирования и адаптации к сибирским условиям групп лиц этнически нерусского происхождения (польско-литовского и западноевропейского), преимущественно несших в регионе военную службу (так называемой «литвы» и «иноземцев»)¹⁰. А. В. Дмитриев (НГУ) проследил возникновение и эволюцию войск «нового строя», появившихся в Сибири во второй половине XVII в. в рамках масштабных военных преобразований, осуществлявшихся в годы правления Алексея Михайловича и Федора Алексеевича на всей территории страны.¹¹ На региональном материале автору удалось подтвердить точку зрения московской школы историков (А. П. Богданов, А. В. Малов и др.) относительно армейских реформ XVII в. как во многом предвосхитивших и обусловивших появление в России регулярной армии в эпоху петровских реформ. Своеобразным «микроисторическим» исследованием стала недавняя монография А. А. Бродникова (НГУ), много лет занимающегося изучением истории г. Енисейска и Енисейского уезда в XVII в.¹² Другие же политические структуры и социальные группы в последние десятилетия практически не привлекают к себе внимания ученых.

Переходя к рассмотрению публикаций, посвященных периоду XVIII столетия, необходимо отметить, что этот век сибирской истории, к сожалению, остается менее изученным, нежели все остальные. Конечно, вплоть до настоящего времени в Институте истории СО РАН продолжается начатая еще в XX в. сотрудниками сектора археографии и источниковедения разработка ряда проблем, связанных как с историей старообрядчества, так и с историей российской науки. В своей фундаментальной монографии Н. Н. Покровский и Н. Д. Зольникова ввели в научный оборот и проанализировали целый корпус сочинений старообрядцев, созданных в XVIII–XX вв., включающий сборные поста-

10 И. Р. Соколовский, *Служилые «иноземцы» в Сибири XVII века* (Томск, Енисейск, Красноярск) (Новосибирск: ИД «Сова», 2004).

11 А. В. Дмитриев, *Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века* (Новосибирск: Издательство НГУ, 2008).

12 А. А. Бродников, *Енисейск и Енисейский уезд: (очерки из истории XVII века)* (Новосибирск: Офсет, 2019).

новления, догматико-полемиические послания, исторические тексты, эсхатологические трактаты.¹³ Две монографии Н. С. Гурьяновой посвящены разбору идейной основы формирования учений ряда старообрядческих согласий XVIII в., выявлению источников тех представлений, которые определяли формирование идеологии старообрядцев; кроме того, эти работы позволяют по-новому взглянуть на сочетание традиционализма и новаторства у защитников старого обряда, об особенностях исторической памяти в их среде.¹⁴ Продолжая изучение творческого наследия академика Г.-Ф. Миллера, А. Х. Элерт подготовил и издал ранее не введенные в научный оборот материалы из архива Миллера и не публиковавшиеся труды ученого.¹⁵ Однако разработка большинства сфер политической и социальной истории на сибирском материале XVIII в. носит скорее фрагментарный характер и представлена лишь единичными специалистами.

Т. С. Мамсик, используя наработки в области микроистории, исследовала формирование и развитие в XVIII–XIX вв. сети поселений, сложившейся вокруг с. Кривошековского в Среднем Приобье (ныне г. Новосибирск и его сельский район), уделив внимание, в частности, этническому и социальному составу поселенцев, их хозяйственным занятиям, особенностям жизненного уклада.¹⁶ М. О. Акишин в период жизни и работы в Новосибирске, до переезда в Санкт-Петербург, на основе разработки большого массива архивных материалов проследил складывание и функционирование органов имперского административного аппарата в системе местного управления Сибири.¹⁷ Д. А. Ананьев исследовал институт сибирских воевод как одно и звено имперской администрации на протяжении большей части XVIII в.

13 Н. Н. Покровский, Н. Д. Зольникова, *Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания* (Москва: Памятники исторической мысли, 2002).

14 Н. С. Гурьянова, *Старообрядцы и творческое наследие Киевской митрополии* (Новосибирск: Издательство СО РАН, 2007); Н. С. Гурьянова, *Рукописные сборники и оформление идеологии старообрядческого движения* (Новосибирск: Апостроф, 2017).

15 А. Х. ЭЛЕРТ (ред.), *Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера* (Екатеринбург: Волот, 2006); А. Х. ЭЛЕРТ, В. ХИНТЦШЕ (изд.), Г.-Ф. МИЛЛЕР, *Описание сибирских народов* (Москва: Памятники исторической мысли, 2009).

16 Т. С. Мамсик, *Первопоселенцы Новосибирского Приобья: по материалам XVII – середины XIX в.* (Новосибирск: Издательство СО РАН, 2012).

17 М. О. Акишин, *Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: организация и состав государственного аппарата* (Москва; Новосибирск: Древлекхранилище, 2003).

вплоть до его ликвидации в правление Екатерины II.¹⁸ Однако в настоящее время эта проблематика практически никем в Новосибирске уже не изучается. Только в недавней монографии А. В. Дмитриева, рассмотревшего организационную структуру, кадровый состав и служебные функции частей русской регулярной армии в Сибири XVIII в., эти сюжеты вновь были затронуты в связи с решением вопроса о роли регулярной армии в системе имперских политических и социальных институтов на территории сибирского макрорегиона.¹⁹ А. В. Дмитриев установил, что в Сибири регулярная армия, помимо задачи обеспечения обороноспособности, также выполняла немалую долю полицейских и организационно-управленческих функций.

Признанным в масштабе всей страны специалистом в области историко-юридических исследований по периоду XVIII в. оставался вплоть до своей кончины в 2019 г. Д. О. Серов (Новосибирский государственный университет экономики и управления, НГУЭУ). Им были детально изучены эволюция правовых норм и юридических институтов Российского государства в петровскую эпоху, а результаты работ Д. О. Серова, воплощенные в нескольких монографиях, заслуженно получили высокую оценку со стороны ведущих академических специалистов, занимающихся «долгим» XVIII столетием российской истории (Е. В. Анисимова, Д. А. Редина и др.).²⁰ Приходится лишь сожалеть, что у Д. О. Серова не оказалось учеников, способных продолжить разработку этой чрезвычайно интересной и значимой проблематики. Наконец, отметим также работу О. Н. Катионова (НГПУ), относящуюся к сфере исторической географии Сибири.²¹ Тем не менее, приходится констатировать, что к настоящему моменту для новосибирских исследователей XVIII в. остается до некоторой степени «белым пятном» на фоне других периодов.

Более разнообразной оказывается тематика, представленная XIX столетием и захватывающая также начало XX в. (до крушения импер-

18 Д. А. АНАНЬЕВ, *Воеводское управление Сибири в XVIII в.* (Новосибирск: ИД «Сова», 2005).

19 А. В. ДМИТРИЕВ, *Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796): особенности военной службы на «восточной окраине» Российской империи в XVIII столетии* (Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2017).

20 Д. О. СЕРОВ, *Прокуратура Петра I (1722–1725 гг.)* (Новосибирск: Сибвузиздат, 2002); Д. О. СЕРОВ, *Судебная реформа Петра I. Историко-правовое исследование* (М.: Зерцало-М, 2009); Д. О. СЕРОВ, А. В. ФЕДОРОВ, *Дела и судьбы следователей Петра I* (М.: Юрист, 2019).

21 О. Н. КАТИОНОВ, *Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв.* (Новосибирск: Издательство НГПУ, 2014).

ской государственности в 1917 г.). Назовем здесь в первую очередь исследование Н. П. Матхановой, посвященное сибирской администрации XIX в., а также работы Е. В. Комлевой о сибирском купечестве.²² Авторам удалось выявить и объяснить специфику политических институтов и социальных групп на территории Сибири в рассматриваемый период, сохранявшуюся даже по прошествии двух столетий пребывания региона в составе Российского государства. Не обойдена вниманием и проблематика декабристского движения. Пребывание декабристов в сибирской ссылке активно изучалось уже во второй половине XX в., а в начале XXI в. Е. Н. Туманик обратилась к фигуре одного из главных деятелей раннего этапа декабристского движения А. Н. Муравьева.²³ Впрочем, значительно большее внимание новосибирскими исследователями уделяется периоду второй половины XIX – начала XX в. В поле зрения ученых уже оказался целый ряд сюжетов политической и социально-экономической истории региона.

В течение 2000-х гг. продолжалось активное изучение акторов общественно-политической жизни Сибири рубежа XIX–XX вв., прежде всего, областнического движения, а также различных политических партий и организаций. Г. А. Ноздрин в своей последней монографии рассмотрел деятельность ряда политических объединений в среде крестьянства Сибири в период до начала Первой мировой войны.²⁴ Две монографии М. В. Шиловского были посвящены сибирскому областничеству и его «духовному отцу» Г. Н. Потанину.²⁵ Остается, правда, не совсем ясным, зачем автору понадобилось расширять хронологические рамки областничества как исторического феномена вплоть до 1920-х гг., ведь в годы Великой революции, последовавшей за ней

22 Н. П. Матханова, *Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации* (Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002); Е. В. Комлева, *Енисейское купечество (последняя четверть XVIII – первая половина XIX в.)* (М.: Academia, 2006); Е. В. Комлева, *Сибирское купечество: вклад в хозяйственное освоение и изучение Северо-Восточной Евразии (конец XVIII – XIX в.)* (Новосибирск: Параллель, 2018).

23 Е. Н. Туманик, *Александр Николаевич Муравьев: начало политической биографии и основание первых декабристских организаций* (Новосибирск: Издательство Ин-та истории СО РАН, 2006).

24 Г. А. Ноздрин, *Политические объединения в сибирской деревне (середина 90-х гг. XIX в. – 1914 г.)* (Новосибирск: Издательство СО РАН, 2011).

25 М. В. Шиловский, *«Полнейшая самоотверженная преданность науке»: Г. Н. Потанин. Биографический очерк* (Новосибирск: ИД «Сова», 2004); М. В. Шиловский, *Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в.* (Новосибирск: ИД «Сова», 2008).

гражданской войны и установления в Сибири власти большевиков областническое движение вряд ли сыграло сколько-нибудь существенную роль в ходе политических событий. Тем более, что другие работы М. В. Шиловского, изданные уже в 2010-е гг., посвящены в основном политическим процессам или отдельным эпизодам еще дореволюционного времени.²⁶ Впрочем, и в последней монографии автора почему-то оказались объединены 1914–1916 гг. и 1917 г., хотя 1917 г. не только в плане общественно-политической активности, но и с точки зрения повседневной жизни населения (изучение которой поставил своей задачей М. В. Шиловский) настолько сильно отличался от предшествовавших лет, что фактически может считаться началом новой эпохи как сибирской, так и в целом российской истории.

Проблемы социально-экономического развития (история банковского дела, налогообложения, сельского хозяйства) находятся в фокусе интересов А. К. Кириллова, хотя его работы ограничены локальными рамками Западной Сибири, не претендуя на макро-региональный охват.²⁷ Кроме того, им вместе с коллегами (Г. А. Ноздрин, Л. Б. Ус, М. В. Шиловский и др.) была подготовлена и опубликована серия сборников документов, характеризующих миграционные процессы на востоке России, включающих материалы о переселенческом движении в Сибирь конца XIX – начала XX в., а также о заселении и освоении области Верхнего Прииртышья, начиная с XVII в.²⁸ Феномен кооперации как экономического и социального явления в специфических условиях Сибири

26 М. В. Шиловский, *Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация* (Томск: Издательство ТГУ, 2010); М. В. Шиловский, *Первая русская революция 1905–1907 гг. в Сибири* (Новосибирск: Издательство СО РАН, 2012); М. В. Шиловский, *Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь* (Новосибирск: Автограф, 2015).

27 А. К. Кириллов, *Городские банки Западной Сибири (вторая четверть XIX – начало XX века)* (Новосибирск: Офсет, 2003); А. К. Кириллов, *От подушной подати к подоходному налогу: податные реформы капиталистической России и их воплощение в Западной Сибири второй половины XIX – начала XX века* (Новосибирск: Параллель, 2017).

28 М. В. Шиловский (ред.), *Сибирские переселения. Документы и материалы*. Вып. 1 (Новосибирск: Издательство НГУ, 2003); М. В. Шиловский (ред.), *Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений*. Вып. 2 (Новосибирск: ИД «Сова», 2006); М. В. Шиловский (ред.), *Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVII – начале XX вв.* Вып. 3 (Новосибирск: Параллель, 2010); М. В. Шиловский (ред.), *Конфликты старожилов и переселенцев. 1880–1910-е годы*. Вып. 4 (СПб.: Нестор-История, 2020).

изучался А. А. Николаевым и Г. М. Запорожченко.²⁹ Анализ демографической ситуации в сибирской деревне конца имперского периода с точки зрения выявления условий начального этапа демографического перехода посвятил свою монографию В. А. Зверев (НГПУ).³⁰ Однако целостная картина экономического и социального развития Западной Сибири в трудах новосибирских исследователей, пожалуй, пока еще не сложилась. Наконец, в работах историков, представляющих НГПУ, изучались проблемы культурного развития Сибири. Тот же В. А. Зверев обратился к изучению уровня грамотности и функционирования системы начального образования в среде сибирского крестьянства.³¹ А. Н. Н. Родигина (НГПУ) вплоть до настоящего времени успешно разрабатывает проблематику сибирской имагологии в различных сферах духовной деятельности на материалах позднеимперского периода.³²

Помимо сюжетов конкретно-эмпирического характера, мы можем отметить несколько работ новосибирских исследователей, посвященных теоретическим проблемам исторической науки, изучению историографической и источниковедческой тематики. Долгое время работавший в НГПУ К. Б. Умбрашко (сейчас он занимает должность ректора Новосибирского института повышения квалификации и переподготовки работников образования) в ряде своих трудов проанализировал развитие историографических школ и источниковедческих методов в российской исторической науке на протяжении первой половины XIX в.³³ Д. А. Ананьев на протяжении последнего десятилетия изучает основные тренды зарубежной историографии применитель-

29 А. А. НИКОЛАЕВ, *Основные виды кооперации в России: историко-теоретический очерк* (Новосибирск: Сибпринт, 2007); Г. М. ЗАПОРОЖЧЕНКО, *Городская и рабочая потребительская кооперация Сибири в 1864–1917 гг.* (Новосибирск: Сибпринт, 2004); Г. М. ЗАПОРОЖЧЕНКО, *Городская потребительская кооперация в Сибири в начале XX в. Поиск идентичности и опыт гражданского самоуправления* (Новосибирск: Сибпринт, 2015).

30 В. А. ЗВЕРЕВ, *Люди детные: воспроизводство населения сибирской деревни в конце имперского периода* (Новосибирск: Издательство НГПУ, 2014).

31 К. Е. ЗВЕРЕВА, В. А. ЗВЕРЕВ, *Как Сибирь училась читать: школа, грамотность и книга в русской деревне конца XIX – начала XX века* (Новосибирск: Издательство НГПУ, 2013).

32 См. А. Н. РОДИГИНА, *«Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в.* (Новосибирск: Издательство НГПУ, 2006).

33 К. Б. УМБРАШКО, *«Скептическая школа» в исторической науке России первой половины XIX века*. Т. 1–2 (М.: ЗАО «Кант», 2006); К. Б. УМБРАШКО, *Развитие источниковедения в русской исторической науке первой половины XIX в.* (Новосибирск: Издательство НГПУ, 2012)

но к важнейшим проблемам сибирской истории вплоть до начала XX столетия.³⁴ Н. П. Матханова в своей фундаментальной монографии впервые дала общую оценку и подробную характеристику такого корпуса источников, как сибирская мемуарная литература XIX в. (всего более тысячи произведений), установив состав мемуаристов, их социально-профессиональный статус, рассмотрев мотивы и особенности их творчества. Также она подготовила к печати воспоминания историка П. Г. Васенко – одного из учеников академика С. Ф. Платонова, репрессированного вместе с ним и другими учеными по так называемому «академическому делу» 1929 г.³⁵ Большая часть содержания этих воспоминаний относится к концу XIX – началу XX в. Поэтому есть основания утверждать, что XIX столетие представлено в работах новосибирских историков, безусловно, полнее и качественнее, нежели предыдущие два–три века.

Наибольших результатов новосибирские исследователи достигли за последние десятилетия в изучении целого ряда проблем истории XX в. Политические и социальные катаклизмы, охватившие Россию и Сибирь на протяжении этого столетия, стали предметом внимания историков уже с конца 1980-х – 1990-х гг., после «архивной революции», открывшей доступ к множеству ранее фактически запретных для научного исследования тем, и смены парадигм, произошедшей в российской исторической науке. В этом смысле работы последних двух десятилетий являются продолжением и развитием тех новых шагов, которые были сделаны историками в 1990-е гг. При этом для новосибирской исторической школы можно довольно четко выделить несколько хронологических отрезков советской истории, внутри которых интенсивнее всего ведется научный поиск – это эпоха революции 1917 г. и гражданской войны; затем два первых (межвоенных) десятилетия существования СССР в 1920–1930-е гг.; далее военный и послевоенный периоды вплоть до конца советской государственности (1940–1980-е гг.). Мы постараемся хотя бы кратко обозначить главные векторы исследований внутри каждого из этих отрезков и оценить важнейшие результаты, полученные новосибирскими историками на протяжении рассматриваемого времени.

34 Д. А. АНАНЬЕВ, *История Сибири конца XVI – начала XX вв. в англо- и германоязычной историографии* (Новосибирск: Издательство СО РАН, 2012).

35 Н. П. МАТХАНОВА, *Сибирская мемуаристика XIX века* (Новосибирск: Издательство СО РАН, 2010); Н. П. МАТХАНОВА (изд.), ВАСЕНКО П. Г., *Воспоминания о моей жизни и прошлом быте* (Новосибирск: Издательство СО РАН, 2014).

Признанным не только в России, но и за рубежом мэтром в области изучения революции 1917 г. и гражданской войны в Сибири остается возглавлявший все эти годы сектор истории общественно-политического развития Института истории СО РАН В. И. Шишкин. За последние десятилетия им была подготовлена и издана целая серия сборников документов, в которых введен в научный оборот огромный пласт источников по истории антибольшевистского сопротивления в Сибири. Содержание сборников включает материалы, характеризующие крестьянские восстания против власти большевиков³⁶, а также документы правительственных органов антибольшевистских политических режимов, действовавших на территории Сибири в годы гражданской войны.³⁷ В совокупности эти источники позволяют не только раскрыть сущность попыток создания «белой» государственности на востоке России, но также и показать всю сложность и противоречивость взаимоотношений различных общественно-политических акторов, оказавшихся в составе антибольшевистского лагеря во время гражданской войны. Без использования данных публикаций вряд ли возможно сколько-нибудь полноценное изучение истории российской контрреволюции. Вооруженные силы белого движения в Сибири стали предметом анализа в монографии Д. Г. Симонова (ныне – директор Государственного архива Новосибирской области).³⁸ В. М. Рынков, с 2019 г. ставший директором Института истории СО РАН, в течение многих лет занимается изучением социально-экономической политики, проводившейся в годы гражданской войны сибирскими антибольшевистскими правительствами на контролируемых ими территориях.³⁹ Усилиями В. И. Шишкина и его уче-

36 В. И. Шишкин (ред.), *За Советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921* (Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000); В. И. Шишкин (ред.), *Сибирская Вандея. 1919–1920*. Т. 1–2 (Москва: Международный фонд «Демократия», 2000).

37 В. И. Шишкин (ред.), *Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая – 30 июня 1918 г.)* (Новосибирск: Издательство НГУ, 2005); В. И. Шишкин (ред.), *Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.)* (Новосибирск: ИД «Сова», 2007); В. И. Шишкин (ред.), *Временное Всероссийское правительство (23 сентября – 18 ноября 1918 г.)* (Новосибирск: Издательство НГУ, 2010); В. И. Шишкин (ред.), *Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г.)*. Т. 1–2 (Новосибирск: Издательство СО РАН, 2016).

38 Д. Г. Симонов, *Белая Сибирская армия в 1918 г.* (Новосибирск: Издательство НГУ, 2010).

39 В. М. Рынков, *Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 гг.)* (Новосибирск: Издательство Ин-та истории СО РАН, 2006); В. М. Рынков, *Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918 – 1919 г.)* (Новосибирск: Издательство Ин-та истории СО РАН, 2008).

ников, таким образом, оказались заполнены обширные лакуны в области изучения истории гражданской войны в России, ведь до 1990-х гг. советскими историками рассматривалась лишь одна сторона этого конфликта – большевики, вышедшие из войны победителями, а их противники фактически оставались в глубокой тени.

Первые десятилетия существования советского государства и общества привлекали внимание многих исследователей. Пожалуй, наиболее разработанной новосибирскими историками остается проблематика, связанная с репрессивной политикой и карательными структурами в СССР как в период нэпа (1920-е гг.), так и в условиях режима неограниченной личной власти И. В. Сталина (1930-е гг.). Здесь, прежде всего, необходимо назвать целый ряд работ С. А. Красильникова и А. Г. Теплякова. С. А. Красильников исследовал отдельные аспекты коллективизации начала 1930-х гг. и ее последствия для сибирского крестьянства,⁴⁰ подготовил к публикации сборники документов, освещающих репрессивную политику советского режима в отношении крестьянства и интеллигенции.⁴¹ А. Г. Тепляков на основе документов из ранее закрытых архивных фондов восстановил организационные и функциональные стороны деятельности структур ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД, кадровый состав подразделений этих ведомств на территории Сибири.⁴² Опубликованные материалы подобного рода имеют особую ценность в современных условиях, когда для исследователей фактически снова закрыт доступ к изучению истории органов государственной безопасности СССР. Практическое осуществление сталинским режимом политики террора в отношении населения Сибири на протяжении всего периода 1930-х – начала 1950-х гг. подробно проанали-

40 С. А. Красильников, *Серп и молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы* (Москва: РОССПЭН, 2003); С. А. Красильников, М. С. Саламатова, С. Н. Ушакова, *Корни и щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930 – начало 1950-х гг.)* (Новосибирск: ИД «Сова», 2008).

41 С. А. Красильников, *Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940*. Кн. 1–2 (Москва: РОССПЭН, 2005; 2006); С. А. Красильников, *Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги*. Кн. 1–2 (Москва: РОССПЭН, 2010; 2011); С. А. Красильников, *Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги*. Кн. 1–2 (Москва: РОССПЭН, 2016; 2017).

42 А. Г. Тепляков, «Непроницаемые недра»: *ВЧК–ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг.* (М.: АИРО-XXI, 2007); А. Г. Тепляков, *Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг.* (Москва: Новый хронограф, АИРО-XXI, 2008); А. Г. Тепляков, *Деятельность органов ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД (1917–1941 гг.): историографические и источниковедческие аспекты* (Новосибирск: Издательство НГУЭУ, 2018).

зировано в монографии С. А. Папкова.⁴³ Среди последних исследований этих сюжетов можно отметить недавнюю работу Н. А. Потаповой, посвященную одному из элементов системы мероприятий «Большого террора» второй половины 1930-х гг. – так называемой «Харбинской» операции.⁴⁴ Актуальность и значимость этих исследований особенно велика именно сегодня, в условиях замалчивания российскими официальными властями преступлений сталинского режима.⁴⁵

Достаточно заметное внимание также уделяется тем социально-экономическим и социокультурным трансформациям, которые пережило советское общество на протяжении 1920–1930-х гг., и положению отдельных групп населения. Еще в начале 2000-х гг. С. А. Красильниковым и его коллегами была выдвинута концепция маргинализации советского общества, на основе которой анализировалось положение представителей ранее привилегированных слоев дореволюционного общества, в новом социуме низведенных до положения «бывших» и фактически поставленных вне социальной системы, сконструированной большевиками.⁴⁶ Однако в настоящее время, насколько можно судить, эта концепция уже не пользуется достаточной популярностью. Изучением повседневной жизни населения Сибири, особенно молодых поколений, в постреволюционную эпоху занимался в эти же годы В. И. Исаев.⁴⁷ Развитию сельского хозяйства и положению сибирско-

43 С. А. Папков, *Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири* (Москва: РОС-СПЭН, 2012).

44 Н. А. Потапова, *«Харбинская» операция НКВД СССР 1937–1938 гг.: механизмы, целевые группы и масштабы репрессий* (Санкт-Петербург: Алетей, 2020).

45 Достаточно сказать, что многие архивные материалы, содержащие информацию о сталинских репрессиях, были доступны исследователям, в том числе новосибирским историкам, на протяжении 1990-х и 2000-х гг., но сейчас они засекречены из соображений «государственной безопасности». Это приводит к тому, что российские авторы вынуждены использовать материалы из архивов других постсоветских государств, где эти данные по-прежнему находятся в открытом доступе. Лишь таким способом историкам удается ознакомиться хотя бы с частью документов, теперь недоступных в российских архивах.

46 С. А. Красильников и др., *Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь. 1920–1930-е гг.* (Новосибирск: Издательство Ин-та истории СО РАН, 2004); С. А. Красильников и др., *Маргиналы в советском социуме. 1930-е – середина 1950-х гг.* (Новосибирск: ИД «Сова», 2010).

47 В. И. Исаев, *Молодежь Сибири в трансформирующемся обществе: условия и механизмы социализации. 1920–1930-е гг.* (Новосибирск: Издательство НГУ, 2003); В. И. Исаев, *Необычные судьбы обычных людей: советская повседневность в 1920–1930-е гг.* (Новосибирск: Параллель, 2008); С. С. Букин, В. И. Исаев, *Новосибирцы. Очерки истории повседневной жизни. Конец XIX – начало XXI вв.* (Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2008).

го крестьянства в первой половине XX в. посвящен целый ряд работ В. А. Ильиных и его коллег.⁴⁸ В частности, В. А. Ильиных детально проанализировал экономическую политику Советского государства в отношении аграрного сектора Сибири сначала в период нэпа, затем в годы коллективизации.⁴⁹ Государственной политике в области культуры и складыванию массовой культуры в СССР посвятил свои последние работы В. Л. Соскин, еще во второй половине XX в. ставший признанным главой сибирской школы историко-культурных исследований.⁵⁰ Механизмы коммуникации между государственной властью и обществом в форме «писем во власть» раскрыты в двух документальных сборниках, подготовленных под руководством В. И. Шишкина.⁵¹ Наконец, в монографии Н. Н. Аблажей прослежены судьбы русских эмигрантов в Китае с 1920-х вплоть до начала 1960-х гг.⁵²

В целом, пожалуй, можно говорить о том, что период 1920–1930-х гг. изучался и изучается новосибирскими исследователями весьма плодотворно, хотя, разумеется, не все аспекты сибирской и российской истории освещены в одинаковой степени. Так, после прекращения научной деятельности В. Л. Соскина (в силу возраста и по состоянию здоровья – в декабре 2021 г. В. Л. Соскин скончался на 97-м году жизни) фактически оказались прерваны исследования в сфере истории культуры. Единственным исключением в этом смысле остается область истории религии и церкви. С. Г. Петров продолжил работу по изучению положения Русской православной церкви в СССР, начатую еще в

48 В. А. Ильиных, Г. А. Ноздрин, *Сельское хозяйство Сибири в 1890–1920-е гг.* (Новосибирск: Сибпринт, 2007); В. М. Рышков, В. А. Ильиных, *Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг.* (Новосибирск: Издательство Ин-та истории СО РАН, 2013); В. А. Ильиных (ред.), *Коллективизация сибирской деревни. Январь – май 1930 г.* (Новосибирск: Издательство Ин-та истории СО РАН, 2009).

49 В. А. Ильиных, *Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.)* (Новосибирск: Издательство СО РАН, 2005); В. А. Ильиных, В. Б. Лапердин, *Хлебозаготовки в Сибири в 1930-е годы* (Новосибирск: Издательство СО РАН, 2020).

50 В. Л. Соскин, *Советская массовая культура: у истоков (1917–1927 гг.)* (Новосибирск: Издательство НГУ, 2001); В. Л. Соскин, *Российская советская культура (1917–1927 гг.): очерки социальной истории* (Новосибирск: Издательство СО РАН, 2004).

51 В. И. Шишкин (ред.), *Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.)* (Новосибирск: Автограф, 2015); В. И. Шишкин (ред.), *Письма во власть в годы новой экономической политики (апрель 1921 – декабрь 1929 г.)* (Новосибирск: Автограф, 2020).

52 Н. Н. Аблажей, *С востока на восток: Российская эмиграция в Китае* (Новосибирск: Издательство СО РАН, 2007).

1990-е гг. Н. Н. Покровским.⁵³ Документальные публикации А. И. Савина раскрывают особенности религиозной политики Советского государства и положения отдельных этноконфессиональных групп в СССР.⁵⁴ Лишь несколько лет В. И. Исаевым и его коллегами разрабатывалась историко-юридическая проблематика, связанная с деятельностью правоохранительных и судебных органов Сибири,⁵⁵ хотя подобные сюжеты, наверное, заслуживают не меньшего внимания, чем история репрессивно-карательных структур, о чем уже говорилось выше. История повседневности и политика исторической памяти в межвоенный период исследованы в двух монографиях Е. И. Красильниковой (Новосибирский государственный технический университет, НГТУ).⁵⁶ К сожалению, мы не можем отметить монографических работ, посвященных управленческому аппарату Сибири, партийным и советским структурам на протяжении 1920–1930-х гг., хотя в последние годы приступила к изучению этой темы Т. И. Морозова.⁵⁷

Великая Отечественная война и послевоенные десятилетия также не остаются забытыми, хотя применительно к этим историческим отрезкам тематика исследований новосибирских историков уже приобретает несколько иное содержание. Военный период изучался в ос-

-
- 53 С. Г. ПЕТРОВ, *Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской церкви (1921–1925 гг.)* (Москва: РОССПЭН, 2004); С. Г. ПЕТРОВ, *Русская православная церковь времени патриарха Тихона (Источниковедческое исследование)* (Новосибирск: Издательство СО РАН, 2013).
- 54 А. И. САВИН (ред.), *Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг. Документы и материалы* (Новосибирск; Санкт-Петербург, 2004); А. И. САВИН (ред.), *Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы. Эмиграция и репрессии. Документы и материалы* (Новосибирск: Посох, 2009).
- 55 В. И. ИСАЕВ, А. П. УГРОВАТОВ, *Правоохранительные органы Сибири в системе управления регионом (1920-е гг.)* (Новосибирск: Наука-Центр, 2006); В. И. ИСАЕВ, Д. Ю. МИХЕЕВ, А. П. УГРОВАТОВ, *Между политикой и правом: суды Сибири в 1920–1930-е гг.* (Новосибирск: Параллель, 2013).
- 56 Е. И. КРАСИЛЬНИКОВА, *Жизнь в городе-акселерате: обеспечение потребностей новосибирцев в межвоенное время (конец 1919 – первая половина 1941 г.)* (Новосибирск: НГТУ, 2008); Е. И. КРАСИЛЬНИКОВА, *Помнить нельзя забыть... Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.)* (Новосибирск: Издательство НГТУ, 2015).
- 57 См. Т. И. МОРОЗОВА, «Динамика численности и персонального состава партийно-советской элиты Сибири в 1920-е гг.» в *Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки* 21, no. 3 (2019): 202–216; <https://doi.org/10.15826/izv2.2019.21.3.056>; Т. И. МОРОЗОВА, В. И. ШИШКИН, «Коммунистическая партия большевиков как советский социальный лифт в условиях новой экономической политики» в *Новейшая история России*, no. 4 (2020): 902–932; <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.406>

новном с точки зрения социально-экономического положения Сибири как тылового региона СССР и ее вклада в достижение победы, а также последствий войны для дальнейшего ее развития. В двух монографиях И. М. Савицкого рассматривалось состояние ключевых отраслей промышленности и жизнь населения Западной Сибири в годы войны.⁵⁸ В русле аналогичной проблематики лежат исследования Р. Е. Романова, посвященные рабочей молодежи оборонной промышленности Сибири как особой социальной категории, обладавшей специфическим профессиональным и духовным обликом, а также подготовке инженерно-технических кадров для нужд эвакуированных сюда промышленных предприятий.⁵⁹ Последствия войны, для сибирского региона выразившиеся в пребывании здесь в течение ряда лет контингентов военнопленных, изучал С. С. Букин.⁶⁰ Однако значительно большее внимание уделяется новосибирскими исследователями послевоенному периоду советской истории, хотя большинство работ последних двух десятилетий по этому периоду сфокусированы почти исключительно на проблемах социально-экономического развития Сибири, а также становления сибирской науки.

Разработкой сюжетов аграрной истории Сибири в послевоенные десятилетия занимается С. Н. Андреенков. В нескольких монографиях названного автора исследованы различные аспекты экономической деятельности сибирских колхозов и совхозов в связи с такими мероприятиями, как, например, освоение целины, динамика экономической эффективности сельского хозяйства Сибири и влияние на нее аграрной политики Советского государства как в период «оттепели», так и в эпоху «застоя».⁶¹ Сразу несколько специалистов (среди них занимав-

58 И. М. Савицкий, *Важнейший арсенал Сибири. Развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны* (Новосибирск: Издательство СО РАН, 2005); И. М. Савицкий, *Трудовая и общественно-политическая деятельность населения Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны* (Новосибирск: Издательство СО РАН, 2020).

59 С. С. Букин, Р. Е. Романов, *Рабочая молодежь предприятий оборонного комплекса Сибири (1941–1945)* (Новосибирск: Параллель, 2012); И. М. Савицкий, Р. Е. Романов, *Рабочие, инженеры и техники оборонной промышленности Западной Сибири – фронту (1941–1945)* (Новосибирск: Сибирское книжное издательство, 2014).

60 С. С. Букин, *В чужой земле: Памяти военнопленных, умерших в Новосибирской области в 1944–1948 гг.* (Новосибирск: Гуманитарные технологии, 2000); С. С. Букин, *Военнопленные в Новосибирске. Исторический очерк и документальная коллекция* (Новосибирск: Наука-Центр, 2005).

61 С. Н. Андреенков, *Аграрные преобразования в Западной Сибири в 1953–1964 гг.* (Новосибирск: РИЦ НГУ, 2007); С. Н. Андреенков, *Колхозно-совхозная система в*

ший до 2018 г. пост директора Института истории СО РАН чл.-корр. РАН В. А. Ламин, а также М. М. Ефимкин, А. И. Тимошенко, А. А. Долголюк) заинтересовались вопросами о месте и роли сибирского макро-региона в общем комплексе мероприятий, направленных на ускоренное социально-индустриальное развитие восточной части СССР в течение почти всего XX в.⁶² Силами авторского коллектива во главе с В. А. Исуповым были изучены процессы демографических изменений, происходивших с населением Западной Сибири в продолжение фактически целого столетия.⁶³ Перенесенные регионом, как и всей страной в целом, социально-политические катаклизмы предопределили динамику численности и движения населения в восточной части России на такой долгий срок, что их последствия продолжают сказываться вплоть до настоящего времени. В этой связи можно только сожалеть о недавнем переезде В. А. Исупова в Санкт-Петербург, что оставляет открытым вопрос о возможности продолжения плодотворных историко-демографических исследований в Новосибирске.

Кроме того, фактически не выступает предметом научного рассмотрения, скажем, история партийных и государственных органов Сибири в последние десятилетия существования СССР, хотя и это вполне объяснимо – современная политика российских властей по «защите персональных данных» не дает никакой возможности для изучения принципов функционирования, кадрового состава, различных аспектов деятельности советских партийно-государственных структур во второй половине XX в. Зато можно отметить исследования Н. Н. Абла-

Сибири в 1946–1964 гг.: функционирование и реформирование (Новосибирск: Сибпринт, 2016); Д. С. Орлов, В. А. Ильиных, С. Н. Андреенков, *Сельское хозяйство Западной Сибири во второй половине 1960-х – 1980-е гг.: динамика, организационно-производственная и отраслевая структура* (Новосибирск: Сибпринт, 2018).

- 62 А. А. Долголюк, М. М. Ефимкин, В. А. Ламин, *Трансформационные процессы в социально-индустриальной структуре Новосибирской области в XX столетии* (Новосибирск: Издательство НГУ, 2005); А. И. Тимошенко, *Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Исторические очерки* (Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2007); А. И. Тимошенко, *Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг.: планы и реальность* (Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2009); М. М. Ефимкин, *Сибирская Россия. Социально-индустриальная адаптация* (Новосибирск: Издательство Ин-та истории СО РАН, 2009); А. А. Долголюк, *Сибирские строители в 1946–1970 гг.* (Новосибирск: Параллель, 2013).
- 63 В. А. Исупов (ред.), *Демографическая история Западной Сибири* (конец XIX – XX в.) (Новосибирск: Апостроф, 2017).

жей в области миграционных процессов и истории национальных диаспор в Сибири и соседних с ней регионах Евразии,⁶⁴ позволяющие получить представление о специфике межэтнических / межнациональных отношений в восточной части СССР – не секрет, что именно межнациональные противоречия, накапливавшиеся в течение многих лет, стали с середины 1980-х гг. катализатором процессов распада советской государственности.

Отдельным направлением исторических изысканий для новосибирских ученых уже со второй половины XX в. является история становления и развития академической науки в Сибири в целом и история Новосибирского научного центра, Сибирского отделения Российской академии наук в частности. В русле разработки данной проблематики за последние десятилетия необходимо, прежде всего, отметить труды Н. А. Куперштох и И. С. Кузнецова (НГУ). В двух монографиях Н. А. Куперштох рассматривались создание и развитие региональных научных центров СО РАН, а также деятельность ученых, которые выступили организаторами академического центра в Новосибирске в 1957 г. и стали основателями новых институтов, научных направлений и школ.⁶⁵ И. С. Кузнецов в течение ряда лет занимался изучением социально-политической атмосферы в Новосибирском Академгородке, начиная с момента его основания и до 1970-х гг. В одной из монографий автора прослеживается процесс создания Академгородка: этапы разработки проекта, роль в его воплощении различных государственных ведомств, идейные позиции тех членов Академии наук СССР, которые стали руководителями нового академического центра.⁶⁶ Другая работа И. С. Кузнецова посвящена одному из заметных эпизодов истории диссидентского движения в СССР – так называемому «письму сорока шести», когда в 1968 г. в Новосибирске 46 сотрудников СО АН СССР и преподавателей НГУ подписали письмо с протестом против нарушения гласности в ходе судебного процесса над несколькими диссиден-

64 Н. Н. Аблажей, *Казахский миграционный маятник «Казахстан – Синьцзян». Эмиграция. Репатриация. Интеграция* (Караганды: Балашок-Баспа, 2014); Н. Н. Аблажей, *С чужбины на чужбину... Армянские иммигранты в алтайской ссылке (1949–1958 гг.)* (Новосибирск: Наука, 2018).

65 Н. А. Куперштох, *Научные центры Сибирского отделения РАН* (Новосибирск: Гео, 2006); Н. А. Куперштох, *Очерки о лидерах академической науки Сибири* (Новосибирск: Гео, 2011).

66 И. С. Кузнецов, *У истоков Академгородка: строительство Города науки в Сибири (1957–1964)* (Новосибирск: Издательство НГУ, 2007).

тами в Москве.⁶⁷ Данная публикация ценна, прежде всего, введением в научный оборот значительного объема архивных материалов, в настоящее время уже недоступных исследователям по причине закрытия доступа к фондам Научного архива СО РАН. Также к 50-летию юбилею создания Сибирского отделения Академии наук Е. Г. Водичевым и его коллегами было подготовлено фундаментальное издание по истории СО РАН, однако в нем социально-политическая проблематика оказалась обойдена вниманием.⁶⁸ Наконец, А. Г. Борзенков (НГУ) исследовал общественно-политическую активность студенческой молодежи в последние несколько десятилетий советского периода, опираясь на данные по новосибирским вузам.⁶⁹

Историко-культурные сюжеты, относящиеся к послевоенному периоду, также в немалой степени оказываются связаны именно с изучением идейного противостояния советскому режиму отдельных лиц и организаций. Отметим в этой связи посмертное издание коллегами и учениками Н. Н. Покровского подготовленных им в последние годы жизни материалов по истории старообрядчества в XX в.⁷⁰ А. И. Савин продолжает исследование религиозных движений в СССР.⁷¹ Е. Н. Савенко (Государственная публичная научно-техническая библиотека, ГПНТБ СО РАН) посвятила две монографии изучению феномена «самиздата» (т. е. нелегального создания и распространения в обществе запрещенных государственной властью текстов) в Сибири.⁷² Подобные исследования представляются, безусловно, актуальными и в настоящее время, поскольку позволяют получить полную картину духовной

67 И. С. Кузнецов, *Новосибирский Академгородок в 1968 году: «Письмо сорока шести»*. Документальное исследование (Новосибирск: Офсет, 2015).

68 Е. Г. Водичев и др. (ред.), *Российская академия наук. Сибирское отделение: Исторический очерк* (Новосибирск: Наука, 2007).

69 А. Г. Борзенков, *Молодежь и политика: Возможности и пределы студенческой самодетельности на востоке России (1961–1991 гг.)*. Ч. 1–2. (Новосибирск: Издательство НГУ, 2002; 2003).

70 Н. Н. Покровский (ред.), *Урало-Сибирский патерик: тексты и комментарии*. Кн. 1 (Т. 1–2) (Москва: Языки славянской культуры, 2014); Кн. 2 (Т. 3) (Москва: Издательский дом ЯСК, 2016).

71 А. И. Савин (ред.), *Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1940–1980-е годы: религиозные диссиденты. Документы и материалы* (Новосибирск: Посох, 2015).

72 Е. Н. Савенко, *На пути к свободе слова: очерки истории самиздата Сибири* (Новосибирск: Издательство ГПНТБ СО РАН, 2008); Е. Н. Савенко, *Свободное слово: очерки истории самиздата Сибири (1920–1990 гг.)* (Новосибирск: Издательство ГПНТБ СО РАН, 2017).

жизни советского общества и выявить те глубинные тенденции эволюции общественного сознания, которые сохраняют свое влияние и на этапе современности. Наконец, музеи и музейное дело как элемент истории науки и культуры, а также составная часть системы сохранения историко-культурного наследия на протяжении XX – начала XXI вв. являются предметом исследовательских интересов О. Н. Шелегиной.⁷³

В отношении постсоветского периода мы, к сожалению, не имеем возможности отметить сколько-нибудь существенные достижения, однако это обстоятельство, думается, имеет свои объективные причины. Изучение тех или иных проблем современной российской истории вообще весьма затруднительно, поскольку, во-первых, значительный массив источников далеко не всегда оказывается доступен исследователям, а во-вторых, многие темы и сюжеты напрямую затрагивают интересы тех или иных влиятельных лиц / групп / структур, как на федеральном, так и на региональном уровнях, которые имеют основания опасаться результатов научного анализа их деятельности. В Новосибирске, как и в других научных центрах страны, подобная проблематика фактически отдана историками «на откуп» политологам, социологам и представителям других областей гуманитарного знания. Остается лишь надеяться, что в будущем ситуация как внутри, так и вокруг научного сообщества историков все-таки станет складываться более благоприятным образом и позволит приступить к разработке постсоветской тематики.

Подводя итог, хотелось бы сказать следующее. В целом за первые два десятилетия XXI в. новосибирская школа исторических исследований, думается, может похвастать немалыми научными достижениями, как в разработке проблем истории XVI–XIX вв., так и в изучении разнообразной тематики, относящейся к истории XX столетия. Имеются основания утверждать, что Новосибирск продолжает оставаться ведущим сибирским центром российской исторической науки. Конечно, для новосибирских историков, как и для других групп научного сообщества, актуальна проблема подготовки кадров и смены поколений. К 2020 г. ушли из жизни многие специалисты из числа упомянутых в нашем обзоре, среди них: Н. Н. Покровский, Н. Д. Зольникова, Д. Я. Резун, Д. О. Серов, С. С. Букин и др. Однако есть и молодое «пополнение ря-

73 О. Н. ШЕЛЕГИНА, *Музейный мир Сибири: история и современные тенденции развития* (Новосибирск: Издательство СО РАН, 2014); О. Н. ШЕЛЕГИНА, *Музейный мир Сибири в первые десятилетия XXI века* (Новосибирск: Издательство НГУ, 2019).

дов» – историки, начавшие свою деятельность только в XXI в., но уже успевшие достичь немалых результатов. Среди перечисленных выше к ним относятся А. В. Дмитриев, Е. В. Комлева, Т. И. Морозова, Р. Е. Романов, С. Н. Андреенков, в последние годы – В. А. Слугина, Н. А. Потапова. Почти все они являются выпускниками НГУ, что свидетельствует об успешном выполнении гуманитарным факультетом (ныне Гуманитарным институтом) НГУ той задачи, которую ставили еще основатели университета – подготовки новых научных кадров для институтов Сибирского отделения Академии наук. Хочется надеяться, что в дальнейшем новосибирским исследователям удастся ликвидировать отмеченные в нашем обзоре «белые пятна» и достойно поддерживать репутацию исторической школы Новосибирска на общем фоне российской исторической науки.

References

- N. N. ABLAZHEI, *Kazakhskii migratsionnyi maiatnik «Kazakhstan – Sin'tszian». Emigratsiia. Repatriatsiia. Integratsiia* [The “Kazakhstan-Xinjiang” Kazakh Migration Pendulum: Emigration, Repatriation, Integration] (Karagandy: Balashok-Baspa, 2014), 273.
- N. N. ABLAZHEI, *S chuzhbiny na chuzhbinu... Armianskie immigranty v altaiskoi ssylke (1949–1958 gg.)* [From a Foreign Land to a Foreign Land... Armenian Immigrants in Exile in Altai (1949–1958)] (Novosibirsk: Nauka, 2018), 320.
- N. N. ABLAZHEI, *S vostoka na vostok: Rossiiskaia emigratsiia v Kitae* [From East to East: Russian Emigration to China] (Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2007), 300.
- M. O. AKISHIN, *Rossiiskii absoliutizm i upravlenie Sibiri XVIII v.: organizatsiia i sostav gosudarstvennogo apparata* [Russian Absolutism and Governance in 18th-Century Siberia: The Organization and Composition of the State Apparatus] (Moskva, Novosibirsk: Drevlekhranilishche, 2003), 406.
- D. A. ANANIEV, *Istoriia Sibiri kontsa XVI – nachala XX vv. v anglo- i germanoiazychnoi istoriografii* [The History of Siberia in the Late 16th – early 20th Centuries in English- and German-Language Historiography] (Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2012), 289.
- D. A. ANANIEV, *Voevodskoe upravlenie Sibiri v XVIII v.* [The Voivodeship Administration of Siberia in the 18th Century] (Novosibirsk: ID “Sova”, 2005), 264.
- S. N. ANDREENKOV, *Agrarnye preobrazovaniia v Zapadnoi Sibiri v 1953–1964 gg.* [Agrarian Transformations in Western Siberia in 1953–1964] (Novosibirsk: Izdatel'stvo NGU, 2007), 212.
- S. N. ANDREENKOV, *Kolkhozno-sovkhoznaia sistema v Sibiri v 1946–1964 gg.: funktsionirovanie i reformirovanie* [Collective Farm and State Farm Systems in Siberia 1946–1964: Their Functioning and Reformation] (Novosibirsk: Sibprint, 2016), 256.
- A. G. BORZENKOV, *Molodezh' i politika: Vozhmozhnosti i predely studentcheskoi samodeiatel'nosti na vostoке Rossii (1961–1991 gg.)* [Youth and Politics: The Possibilities and Limits of Amateur Student Activity in the East of Russia (1961–1991)] (Novosibirsk: Izdatel'stvo NGU, 2002), Part 1, 242; (2003), Part 2, 245.

- A. A. BRODNIKOV, *Eniseisk i Eniseiskii uезд: (oчерki iz istorii XVII veka)* [Yeniseisk and Yeniseisk District: (Essays from the History of the 17th Century)] (Novosibirsk: "Ofset", 2019). 341.
- S. S. BUKIN, *V chuzhoi zemle: Pamiati voennoplennykh, umershikh v Novosibirskoi oblasti v 1944–1948 gg.* [In a Foreign Land: In Memory of the Prisoners of War Who Died in the Novosibirsk Region in 1944–1948] (Novosibirsk: Gumanitarnye tekhnologii, 2000), 311.
- S. S. BUKIN, *Voennoplennye v Novosibirskе. Istoricheskii oчерk i dokumental'naia kolleksiia* [Prisoners of War in Novosibirsk: A Historical Essay and Documentary Collection] (Novosibirsk: Nauka-Tsentr, 2005), 138.
- S. S. BUKIN, V. I. Isaev, *Novosibirtsy. Oчерki istorii povsednevnoi zhizni. Konets XIX – nachalo XXI vv.* [Novosibirsk Residents: Essays on the History of Everyday Life in the Late 19th – early 21st Centuries] (Novosibirsk: Sibirskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2008), 270.
- S. S. BUKIN, R. E. ROMANOV, *Rabochaia molodezh' predpriatii oboronnoгo kompleksa Sibiri (1941–1945)* [Youth at Work in Siberian Defense Industry Enterprises (1941–1945)] (Novosibirsk: Parallel', 2012), 430.
- A. V. DMITRIEV, *Russkaia reguliarnaia armia v Sibiri (1725–1796): osobennosti voennoi sluzhby na «vostochnoi okraine» Rossiiskoi imperii v XVIII stoletii* [The Regular Russian Army in Siberia (1725–1796): Features of Military Service on the "Eastern Margin" of the Russian Empire in the 18th Century] (Moskva, Sankt-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017), 528.
- A. V. DMITRIEV, *Voiska «novogo stroia» v Sibiri vo vtoroi polovine XVII veka* [Troops of the "New Order" in Siberia in the Second Half of the 17th Century] (Novosibirsk: Izdatel'stvo NGU, 2008), 240.
- A. A. DOLGOLIUK, *Sibirskie stroiteli v 1946–1970 gg.* [Siberian Builders 1946–1970] (Novosibirsk: Parallel', 2013), 476.
- A. A. DOLGOLIUK, M. M. EFIMKIN, V. A. LAMIN, *Transformatsionnye protsessy v sotsial'no-industrial'noi strukture Novosibirskoi oblasti v XX stoletii* [Transformation Processes in the Socio-Industrial Structure of the Novosibirsk Region in the 20th Century] (Novosibirsk: Izdatel'stvo NGU, 2005), 297.
- M. M. EFIMKIN, *Sibirskaiа Rossiia. Sotsial'no-industrial'naia adaptatsiia* [Siberian Russia: Socio-Industrial Adaptation] (Novosibirsk: Izdatel'stvo In-ta istorii SO RAN, 2009), 312.
- A. KH. ELERT (ed.), *Severo-Zapadnaia Sibir' v ekspeditsionnykh trudakh i materialakh G. F. Millera* [Northwest Siberia in G. F. Mueller's Expeditionary Works and Materials] (Ekaterinburg: Volot, 2006), 416.
- A. KH. ELERT, V. HINTZSCHE (publ.), G. F. MUELLER, *Opisanie sibirskikh narodov* [A Description of the Siberian Peoples] (Moskva: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2009), 456.
- N. S. GURIANOVA, *Rukopisnye sborniki i oformlenie ideologii staroobriadcheskogo dvizheniia* [Handwritten Collections and the Formation of the Ideology of the Old Believer Movement] (Novosibirsk: Apostrof, 2017), 230.
- N. S. GURIANOVA, *Staroobriadtsy i tvorcheskoe nasledie Kievskoi mitropolii* [Old Believers and the Legacy of the Kiev Metropolia] (Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2007), 378.
- V. A. IL'INYKH, *Gosudarstvennoe regulirovanie sel'skokhoziaistvennogo rynka Sibiri v usloviakh nepa (1921–1928 gg.)* [State Regulation of the Agricultural Market of Siberia

under the Conditions of the NEP (1921–1928)] (Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2005), 284.

V. A. IL'INYKH (ed.), *Kollektivizatsiia sibirskoi derevni. Ianvar' – mai 1930 g.* [Collectivization of the Siberian Village: January – May 1930] (Novosibirsk: Izdatel'stvo In-ta istorii SO RAN, 2009), 488.

V. A. IL'INYKH, V. B. LAPERDIN, *Khlebozagotovki v Sibiri v 1930-e gody* [Grain Procurements in Siberia in the 1930s] (Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2020), 507.

V. A. IL'INYKH, G. A. NOZDRIN, *Sel'skoe khoziaistvo Sibiri v 1890–1920-e gg.* [The Agriculture of Siberia in the 1890s – 1920s] (Novosibirsk: Sibprint, 2007), 170.

V. I. ISAEV, *Molodezh' Sibiri v transformiruiushchemsia obshchestve: usloviia i mekhanizmy sotsializatsii. 1920–1930-e gg.* [Siberian Youth in a Transforming Society: Conditions and Mechanisms of Socialization: 1920s – 1930s] (Novosibirsk: Izdatel'stvo NGU, 2003), 242.

V. I. ISAEV, *Neobychnye sud'by obychnykh liudei: sovetskaia povsednevnost' v 1920–1930-e gg.* [Unusual Fates of Ordinary People: Soviet Everyday Life in the 1920s – 1930s] (Novosibirsk: Parallel', 2008), 188.

V. I. ISAEV, D. IU. MIKHEEV, A. P. UGROVATOV, *Mezhdru politikoii i pravom: sudy Sibiri v 1920–1930-e gg.* [Between Politics and Law: Siberian Courts in the 1920s and 1930s] (Novosibirsk: Parallel', 2013), 280.

V. I. ISAEV, A. P. UGROVATOV, *Pravookhranitel'nye organy Sibiri v sisteme upravleniia regionom (1920-e gg.)* [Siberian Law Enforcement Agencies in the Regional Management System (1920s)] (Novosibirsk: Nauka-Tsentru, 2006), 294.

V. A. ISUPOV (ed.), *Demograficheskaia istoriia Zapadnoi Sibiri (konets XIX – XX v.)* [A Demographic History of Western Siberia (Late 19th – 20th Centuries)] (Novosibirsk: Apostrof, 2017), 350.

O. N. KATIONOV, *Moskovsko-Sibirskii trakt i ego zhiteli v XVII–XIX vv.* [The Moscow – Siberian Tract and its Inhabitants in the 17th – 19th Centuries] (Novosibirsk: Izdatel'stvo NGPU, 2014), 568.

A. K. KIRILLOV, *Gorodskie banki Zapadnoi Sibiri (vtoraia chetvert' XIX – nachalo XX veka)* [City Banks of Western Siberia (the Second Quarter of the 19th – Early 20th Century)] (Novosibirsk: Ofset, 2003), 192.

A. K. KIRILLOV, *Ot podushnoi podatii k podokhodnomu nalogu: podatnye reformy kapitalisticheskoi Rossii i ikh voploshchenie v Zapadnoi Sibiri vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka* [From Poll Tax to Income Tax: Tax Reforms in Capitalist Russia and Their Implementation in Western Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century] (Novosibirsk: Parallel', 2017), 178.

E. V. KOMLEVA, *Eniseiskoe kupechestvo (posledniaia chetvert' XVIII – pervaiia polovina XIX v.)* [Yeniseisk Merchants (the Last Quarter of the 18th – First Half of the 19th Century)] (Moskva: Academia, 2006), 384.

E. V. KOMLEVA, *Sibirskoe kupechestvo: vklad v khoziaistvennoe osvoenie i izuchenie Severo-Vostochnoi Evrazii (konets XVIII – XIX v.)* [Siberian Merchants: Their Contribution to the Economic Development and Study of North-Eastern Eurasia (Late 18th – 19th Centuries)] (Novosibirsk: Parallel', 2018), 398.

S. A. KRASILNIKOV, *Politbiuro i krest'ianstvo: vysylka, spetsposelenie. 1930–1940* [The Politburo and the Peasantry: Expulsion, Special Settlement. 1930–1940] (Moskva: ROSSPEN, 2005), Book 1, 912; (2006), Book 2, 1016.

- S. A. KRASILNIKOV, *Serp i molokh. Krest'ianskaia ssylka v Zapadnoi Sibiri v 1930-e gody* [Sickle and Moloch: Peasant Exile in Western Siberia in the 1930s] (Moskva: ROSSPEN, 2003), 287.
- S. A. KRASILNIKOV, *Shakhtinskii protsess 1928 g.: podgotovka, provedenie, itogi* [Shakhty Trial of 1928: Preparation, Conduct, Results] (Moskva: ROSSPEN, 2010), Book 1, 975; (2011), Book 2, 1087.
- S. A. KRASILNIKOV, *Sudebnyi protsess «Prompartii» 1930 g.: podgotovka, provedenie, itogi* [The Trial of the "Industrial Party" in 1930: Preparation, Conduct, Results] (Moskva: ROSSPEN, 2016), Book 1, 855; (2017), Book 2, 1055.
- S. A. KRASILNIKOV, M. S. SALAMATOVA, S. N. USHAKOVA, *Korni i shchepki. Krest'ianskaia sem'ia na spetsposelenii v Zapadnoi Sibiri (1930 – nachalo 1950-kh gg.)* [Roots and Splinters: A Peasant Family in a Special Settlement in Western Siberia (1930 – Early 1950s)] (Novosibirsk: ID "Sova", 2008), 392.
- S. A. KRASILNIKOV et al., *Marginaly v sotsiume. Marginaly kak sotsium. Sibir'. 1920–1930-e gg.* [Marginals in Society, Marginals as a Society: Siberia. 1920s – 1930s] (Novosibirsk: Izdatel'stvo In-ta istorii SO RAN, 2004), 456.
- S. A. KRASILNIKOV et al., *Marginaly v sovetskom sotsiume. 1930-e – seredina 1950-kh gg.* [Marginals in Soviet Society: 1930s – Mid-1950s] (Novosibirsk: ID "Sova", 2010), 450.
- E. I. KRASILNIKOVA, *Pomnit' nel'zia zabyt'... Pamiatnye mesta i kommemorativnye praktiki v gorodakh Zapadnoi Sibiri (konets 1919 – seredina 1941 g.)* [To Remember Is Impossible to Forget... Memorable Places and Commemorative Practices in the Cities of Western Siberia (Late 1919 – Mid 1941)] (Novosibirsk: Izdatel'stvo NGTU, 2015), 572.
- E. I. KRASILNIKOVA, *Zhizn' v gorode-akselerate: obespechenie potrebnosti novosibirtsev v mezhoennoe vremia (konets 1919 – pervaiia polovina 1941 g.)* [Life in the Accelerator City: Meeting the Needs of Novosibirsk Residents in the Interwar Period (Late 1919 – First Half of 1941)] (Novosibirsk: Izdatel'stvo NGTU, 2008), 256.
- N. A. KUPERSHTOKH, *Nauchnye tsentry Sibirskogo otdeleniia RAN* [Scientific Centers of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences] (Novosibirsk: Geo, 2006), 441.
- N. A. KUPERSHTOKH, *Ocherki o liderakh akademicheskoi nauki Sibiri* [Essays on the Leaders of Academic Science in Siberia] (Novosibirsk: Geo, 2011), 155.
- I. S. KUZNETSOV, *Novosibirskii Akademgorodok v 1968 godu: «Pis'mo soroka shesti». Dokumental'noe issledovanie* [Novosibirsk Akademcity in 1968: "Letter of Forty-Six". Documentary Research] (Novosibirsk: Ofset, 2015), 486.
- I. S. KUZNETSOV, *U istokov Akademgorodka: stroitel'stvo Goroda nauki v Sibiri (1957–1964)* [At the Origins of Akademcity: The Construction of the City of Science in Siberia (1957–1964)] (Novosibirsk: Izdatel'stvo NGU, 2007), 167.
- T. S. MAMSIK, *Pervoposelentsy Novosibirskogo Priob'ia: po materialam XVII – serediny XIX v.* [The First Settlers of the Novosibirsk Ob Region: Based on Materials from the 17th – Mid-19th century] (Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2012), 254.
- N. P. MATKHANOVA, *Sibirskaiia memuaristika XIX veka* [Siberian Memoiristics of the 19th Century] (Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2010), 551.
- N. P. MATKHANOVA, *Vysshaiia administratsiia Vostochnoi Sibiri v seredine XIX veka: Problemy sotsial'noi stratifikatsii* [The Supreme Administration of Eastern Siberia in the Middle of the 19th Century: Problems of Social Stratification] (Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2002), 250.

- N. P. МАТКХАНОВА (publ.), P. G. VASENKO, *Vospominaniia o moei zhizni i proshlom byte* [Memories of My Life and Past Household] (Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2014), 331.
- T. I. MOROZOVA, «Dinamika chislennosti i personal'nogo sostava partiino-sovetskoi elity Sibiri v 1920-e gg.» [Dynamics of the Numbers and Personal Composition of the Party-Soviet Elite of Siberia in the 1920s], *Izvestiia Uralskogo federalnogo universiteta. Seriia 2: Gumanitarnye nauki* 21, no. 3 (2019): 202–216; <https://doi.org/10.15826/izv2.2019.21.3.056>
- T. I. MOROZOVA, V. I. SHISHKIN, «Kommunisticheskaia partiia bol'shevikov kak sovetskii sotsial'nyi lift v usloviakh novoi ekonomicheskoi politiki» [The Bolshevik Communist Party as a Soviet Social Lift in the Context of the New Economic Policy], *Noveishaia istoriia Rossii*, no. 4 (2020): 902–932; <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.406>
- A. A. NIKOLAEV, *Osnovnye vidy kooperatsii v Rossii: istoriko-teoreticheskii ocherk* [The Main Types of Cooperation in Russia: A Historical and Theoretical Essay] (Novosibirsk: Sibprint, 2007), 280.
- G. A. NOZDRIN, *Politicheskie ob'edineniia v sibirskoi derevne (seredina 90-kh gg. XIX v. – 1914 g.)* [Political Associations in the Siberian Village (Mid-1890s – 1914)] (Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2011), 352.
- D. S. ORLOV, V. A. IL'INYKH, S. N. ANDREENKOV, *Sel'skoe khoziaistvo Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine 1960-kh – 1980-e gg.: dinamika, organizatsionno-proizvodstvennaia i otraslevaia struktura* [The Agriculture of Western Siberia in the Second Half of the 1960s – 1980s: Dynamics, Organizational, Production and Industry Structure] (Novosibirsk: Sibprint, 2018), 304.
- T. V. PANICH, *Kniga "Shchit very" v istoriko-literaturnom kontekste kontsa XVII veka* [The Book *The Shield of Faith* in the Historical and Literary Context of the Late 17th Century] (Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2004), 327.
- S. A. PAKOV, *Obyknovennyi terror. Politika stalinizma v Sibiri* [Ordinary Terror: The Politics of Stalinism in Siberia] (Moskva: ROSSPEN, 2012), 440.
- S. G. PETROV, *Dokumenty deloproizvodstva Politbiuro TSK RKP(b) kak istochnik po istorii Russkoi tserkvi (1921–1925 gg.)* [Documents of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b) as a Source on the History of the Russian Church (1921–1925)] (Moskva: ROSSPEN, 2004), 408.
- S. G. PETROV, *Russkaia pravoslavnaia tserkov' vremeni patriarkha Tikhona (Istochniko-vedcheskoe issledovanie)* [The Russian Orthodox church at the Time of Patriarch Tikhon (Source Study)] (Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2013), 407.
- N. N. POKROVSKII (ed.), *Uralo-Sibirskii paterik: teksty i kommentarii* [Ural-Siberian Patericon: Texts and Comments] (Moskva: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2014), Book 1 (Vols. 1–2), 464; (Moskva: Izdatel'skii dom IASK, 2016), Book 2 (Vol. 3), 296.
- N. N. POKROVSKII, G. D. LENHOFF (ed.), *Stepennaia kniga tsarskogo rodosloviia po drevneishim spiskam: Teksty i kommentarii* [The Book of Degrees of the Royal Genealogy According to the Most Ancient Lists: Texts and Comments] (Moskva: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2007), Vol. 1, 598; (2008), Vol. 2, 568; (2012), Vol. 3, 472.
- N. N. POKROVSKII, A. V. SIRENOV (ed.), *Latukhinskaia Stepennaia kniga. 1676 g.* [The Latukhin Book of Degrees. 1676] (Moskva: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2012), 879.
- N. N. POKROVSKII, N. D. ZOLNIKOVA, *Starovery-chasovennye na vostoke Rossii v XVIII–XX vv.: Problemy tvorchestva i obshchestvennogo soznaniia* [Old Believer Chapels in the East of Russia in the 18th – 20th Centuries: Problems of Work and Public Conscience] (Moskva: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2002), 471.

- N. A. ПОТАРОВА, «Kharbinskaia» operatsiia NKVD SSSR 1937–1938 gg.: mekhanizmy, tselevye grupy i masshtaby repressii [The “Harbin” Operation of the NKVD of the USSR 1937–1938: Mechanisms, Target Groups and the Scale of Repression] (Sankt-Peterburg: Aleteia, 2020), 252.
- D. IA. REZUN, M. V. SHILOVSKII, *Sibir’, konets XVI – nachalo XX veka: frontir v kontekste etnosotsial’nykh i etnokul’turnykh protsessov* [Siberia, Late 16th – Early 20th Centuries: A Frontier in the Context of Ethnosocial and Ethnocultural Processes] (Novosibirsk: ID “Sova”, 2005), 196.
- N. N. RODIGINA, «Drugaiia Rossiia»: obraz Sibiri v russkoi zhurnal’noi presse vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [“The Other Russia:” The Image of Siberia in the Russian Magazine Press of the Second Half of the 19th – Early 20th Century] (Novosibirsk: Izdatel’stvo NGPU, 2006), 374.
- V. M. RYMKOV, *Finansovaia politika antibol’shevistskikh pravitel’stv vostoka Rossii (vtoraia polovina 1918 – nachalo 1920 gg.)* [The Financial Policy of the Anti-Bolshevik Governments of the East of Russia (the Second Half of 1918 – Beginning of 1920)] (Novosibirsk: Izdatel’stvo In-ta istorii SO RAN, 2006), 212.
- V. M. RYMKOV, *Sotsial’naia politika antibol’shevistskikh rezhimov na vostoке Rossii (vtoraia polovina 1918 – 1919 g.)* [The Social Policy of the Anti-Bolshevik Regimes in the East of Russia (the Second Half of 1918 – 1919)] (Novosibirsk: Izdatel’stvo In-ta istorii SO RAN, 2008), 440.
- V. M. RYMKOV, V. A. IL’INYKH, *Desiatiletie potriasanii: sel’skoe khoziaistvo Sibiri v 1914–1924 gg.* [A Decade of Upheavals: Agriculture in Siberia in 1914–1924] (Novosibirsk: Izdatel’stvo In-ta istorii SO RAN, 2103), 244.
- E. N. SAVENKO, *Na puti k svobode slova: ocherki istorii samizdata Sibiri* [On the Way to Freedom of Speech: Essays on the History of Self-Publishing in Siberia] (Novosibirsk: Izdatel’stvo GPNTB SO RAN, 2008), 200.
- E. N. SAVENKO, *Svobodnoe slovo: ocherki istorii samizdata Sibiri (1920–1990 gg.)* [Free Speech: Essays on the History of Self-Publishing in Siberia (1920–1990)] (Novosibirsk: Izdatel’stvo GPNTB SO RAN, 2017), 480.
- A. I. SAVIN (ed.), *Etnokonfessiiia v sovetskom gosudarstve. Mennoniti Sibiri v 1940–1980-e gody: religioznye dissidenty. Dokumenty i materialy* [Ethnoconfession in the Soviet State. The Mennonites of Siberia in the 1940s – 1980s: Religious Dissidents. Documents and Materials] (Novosibirsk: Posokh, 2015), 560.
- A. I. SAVIN (ed.), *Mennoniti Sibiri v 1920–1930-e gody. Emigratsiia i repressii. Dokumenty i materialy* [The Mennonites of Siberia in the 1920s and 1930s: Emigration and Repression. Documents and Materials] (Novosibirsk: Posokh, 2009), 752.
- A. I. SAVIN (ed.), *Sovetskoe gosudarstvo i evangel’skie tserkvi Sibiri v 1920–1941 gg. Dokumenty i materialy* [The Soviet State and the Evangelical Churches of Siberia in 1920–1941. Documents and Materials] (Novosibirsk, Sankt-Peterburg: 2004), 427.
- I. M. SAVITSKII, *Trudovaia i obshchestvenno-politicheskaia deiatel’nost’ naseleniia Zapadnoi Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Labor and the Sociopolitical Activity of the Population of Western Siberia during the Great Patriotic War] (Novosibirsk: Izdatel’stvo SO RAN, 2020), 214.
- I. M. SAVITSKII, *Vazhneishii arsenal Sibiri. Razvitie oboronnoi promyshlennosti Novosibirskoi oblasti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The Most Important Arsenal of Siberia: Development of the Defense Industry of the Novosibirsk Region during the Great Patriotic War] (Novosibirsk: Izdatel’stvo SO RAN, 2005), 448.

I. M. SAVITSKII, R. E. ROMANOV, *Rabochie, inzhenery i tekhniki oboronnoi promyshlennosti Zapadnoi Sibiri – frontu (1941–1945)* [Workers, Engineers and Technicians of the Defense Industry of Western Siberia – to the Front (1941–1945)] (Novosibirsk: Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2014), 412.

D. O. SEROV, *Prokuratura Petra I (1722–1725 gg.)* [Peter I's Prosecutor's Office (1722–1725)] (Novosibirsk: Sibvuzizdat, 2002), 330.

D. O. SEROV, *Sudebnaia reforma Petra I: Istoriko-pravovoe issledovanie* [Peter I's Judicial Reform: Historical and Legal Research] (Moskva: Zertsalo-M, 2009), 488.

D. O. SEROV, A. V. FEDOROV, *Dela i sud'by sledovatelei Petra I* [The Cases and Fates of Peter I's Investigators] (Moskva: Iurist, 2019), 432.

O. N. SHELEGINA, *Muzeinyi mir Sibiri: istoriia i sovremennye tendentsii razvitiia* [The Museum World of Siberia: History and Modern Development Trends] (Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2014), 396.

O. N. SHELEGINA, *Muzeinyi mir Sibiri v pervye desiatiletii XXI veka* [The Museum World of Siberia in the First Decades of the 21st Century] (Novosibirsk: Izdatel'stvo NGU, 2019), 230.

M. V. SHILOVSKII (ed.), *Komitet Sibirskoi zheleznoi dorogi kak organizator pereselenii* [The Committee of the Siberian Railway as the Organizer of Resettlement] (Novosibirsk: ID "Sova", 2006), Iss. 2, 263.

M. V. SHILOVSKII (ed.), *Konflikty starozhilov i pereselentsev. 1880–1910-e gody* [Conflicts of Old-Timers and Migrants: 1880s – 1910s] (Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriia, 2020), Iss. 4, 664.

M. V. SHILOVSKII (ed.), *Osvoenie Verkhnego Priirtysh'ia vo vtoroi polovine XVII – nachale XX vv.* [Development of the Upper Irtysh Region in the Second Half of the 17th – Early 20th Century] (Novosibirsk: Parallel', 2010), Iss. 3, 276.

M. V. SHILOVSKII, *Pervaia mirovaia voina 1914–1918 godov i Sibir'* [The First World War of 1914–1918 and Siberia] (Novosibirsk: Avtograf, 2015), 331.

M. V. SHILOVSKII, *Pervaia russkaia revoliutsiia 1905–1907 gg. v Sibiri* [The First Russian Revolution of 1905–1907 in Siberia] (Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2012), 320.

M. V. SHILOVSKII, «*Polneishaiia samootverzhennaia predannost' nauke*»: G. N. Potanin. *Biograficheskii ocherk* ["Utter Selfless Devotion to Science": G. N. Potanin. A Biographical Sketch] (Novosibirsk: ID "Sova", 2004), 241.

M. V. SHILOVSKII (ed.), *Sibirskie pereseleniia. Dokumenty i materialy* [Siberian Resettlements: Documents and Materials] (Novosibirsk: Izdatel'stvo NGU, 2003), Iss. 1, 198.

M. V. SHILOVSKII, *Sibirskoe oblastnichestvo v obshchestvenno-politicheskoi zhizni regiona vo vtoroi polovine XIX – pervoi chetverti XX v.* [Siberian Regionalism in the Sociopolitical life of the Region in the Second Half of the 19th – First Quarter of the 20th Century] (Novosibirsk: ID "Sova", 2008), 270.

M. V. SHILOVSKII, *Tomskii pogrom 20–22 oktiabria 1905 g.: khronika, kommentarii, interpretatsiia* [The Tomsk Riot of October 20–22, 1905: Chronicle, Commentary, Interpretation] (Tomsk: Izdatel'stvo TGU, 2010), 150.

V. I. SHISHKIN (ed.), *Pis'ma vo vlast' v epokhu revoliutsii i grazhdanskoi voiny (mart 1917 – mai 1921 g.)* [Letters to the Authorities in the Era of Revolution and Civil War (March 1917 – May 1921)] (Novosibirsk: Avtograf, 2015), 418.

- V. I. SHISHKIN (ed.), *Pis'ma vo vlast' v gody novoi ekonomicheskoi politiki (aprel' 1921 – dekabr' 1929 g.)* [Letters to the Authorities during the Years of the New Economic Policy (April 1921 – December 1929)] (Novosibirsk: Avtograf, 2020), 496.
- V. I. SHISHKIN (ed.), *Sibirskaiia Vandeiia. 1919–1920* [Siberian Vendee. 1919–1920] (Moskva: Mezhdunarodnyi fond "Demokratiia", 2000), Vol. 1, 644; Vol. 2, 776.
- V. I. SHISHKIN (ed.), *Sovet ministrov Rossiiskogo pravitel'stva: zhurnaly zasedanii (18 noiabria 1918 – 3 ianvaria 1920 g.)* [Council of Ministers of the Russian Government: Meeting Logs (November 18, 1918 – January 3, 1920)] (Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2016), Vol. 1, 748; Vol. 2, 734.
- V. I. SHISHKIN (ed.), *Vremennoe Sibirskoe pravitel'stvo (26 maia – 3 noiabria 1918 g.)* [Provisional Siberian Government (May 26 – November 3, 1918)] (Novosibirsk: ID "Sova", 2007), 818.
- V. I. SHISHKIN (ed.), *Vremennoe Vserossiiskoe pravitel'stvo (23 sentiabria – 18 noiabria 1918 g.)* [Provisional All-Russian Government (September 23 – November 18, 1918)] (Novosibirsk: Izdatel'stvo NGU, 2010), 362.
- V. I. SHISHKIN (ed.), *Zapadno-Sibirskii komissariat Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva (26 maia – 30 iunია 1918 g.)* [West Siberian Commissariat of the Provisional Siberian Government (May 26 – June 30, 1918)] (Novosibirsk: Izdatel'stvo NGU, 2005), 246.
- V. I. SHISHKIN (ed.), *Za Sovety bez kommunistov: Krest'ianskoe vosstanie v Tiimenskoi gubernii. 1921* [For the Soviets without Communists: The Peasant Uprising in Tyumen Province. 1921] (Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2000), 744.
- D. G. SIMONOV, *Belaia Sibirskaiia armia v 1918 g.* [The White Siberian Army in 1918] (Novosibirsk: Izdatel'stvo NGU, 2010), 612.
- I. R. SOKOLOVSKII, *Sluzhilye «inozemtsy» v Sibiri XVII veka (Tomsk, Eniseisk, Krasnoiar'sk)* [Service "Foreigners" in 17th-Century Siberia (Tomsk, Yeniseisk, Krasnoyarsk)] (Novosibirsk: ID "Sova", 2004), 210.
- V. L. SOSKIN, *Rossiiskaiia sovetskaia kul'tura (1917–1927 gg.): ocherki sotsial'noi istorii* [Russian Soviet Culture (1917–1927): Essays on Social History] (Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2004), 455.
- V. L. SOSKIN, *Sovetskaia massovaia kul'tura: u istokov (1917–1927 gg.)* [Soviet Mass Culture: At Its Origins (1917–1927)] (Novosibirsk: Izdatel'stvo NGU, 2001), 150.
- A. G. TEPLIAKOV, *Deiatel'nost' organov VCHK–GPU–OGPU–NKVD (1917–1941 gg.): istoriograficheskie i istochnikovedcheskie aspekty* [The Activities of the Agencies of the CHEKA–GPU–OGPU–NKVD (1917–1941): Historiographical and Source Aspects] (Novosibirsk: Izdatel'stvo NGUEU, 2018), 434.
- A. G. TEPLIAKOV, *Mashina terrora: OGPU–NKVD Sibiri v 1929–1941 gg.* [The Machine of Terror: OGPU–NKVD of Siberia in 1929–1941] (Moskva: Novyi khronograf, AIRO-XXI, 2008), 632.
- A. G. TEPLIAKOV, «Nepronitsaemye nedra»: *VCHK–OGPU v Sibiri. 1918–1929 gg.* ["Impenetrable Bowels": The CHEKA–OGPU in Siberia. 1918–1929] (Moskva: AIRO-XXI, 2007), 288.
- A. I. TIMOSHENKO, *Gosudartstvennaia politika formirovaniia i zakrepleniia naseleniia v raionakh novogo promyshlennogo osvoeniia Sibiri v 1950–1980-e gg.: plany i real'nost'* [State Policy of Formation and Consolidation of the Population in the Areas of New Industrial Development of Siberia in the 1950s – 1980s: Plans and Reality] (Novosibirsk: Sibirskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2009), 174.

A. I. TIMOSHENKO, *Proekty sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Sibiri v XX v.: kontseptsii i resheniia. Istoricheskie ocherki* [Projects of The Socioeconomic Development of Siberia in the 20th Century: Concepts and Solutions. Historical Essays] (Novosibirsk: Sibirskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2007), 288.

L. V. ТИТОВА, *Poslanie d'iakona Fedora synu Maksimu – literaturnyi i polemicheskii pamiatnik rannego starobryadchestva* [The Epistle of Deacon Fyodor to His Son Maxim – A Literary and Polemical Memorial of the Early Old Believers] (Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2003), 311.

E. N. ТУМАНИК, *Aleksandr Nikolaevich Murav'ev: nachalo politicheskoi biografii i osnovanie pervykh dekabristskikh organizatsii* [Alexander Nikolaevich Muravyov: The Beginning of Political Biography and the Foundation of the First Decembrist Organizations] (Novosibirsk: Izdatel'stvo In-ta istorii SO RAN, 2006), 372.

K. B. UMBRASHKO, *Razvitie istochnikovedeniia v russkoi istoricheskoi nauke pervoi poloviny XIX v.* [The Development of Source Studies in Russian Historical Science of the First Half of the 19th-Century] (Novosibirsk: Izdatel'stvo NGPU, 2012), 220.

K. B. UMBRASHKO, «*Skepticheskaiia shkola*» v istoricheskoi nauke Rossii pervoi poloviny XIX veka [The “Skeptical School” in Russian Historical Science in the First Half of the 19th Century] (Moskva: ZAO “Kant”, 2006), Vols. 1–2, 493.

E. G. VODICHEV et al. (ed.), *Rossiiskaia akademiia nauk. Sibirskoe otdelenie: Istoricheskii ocherk* [The Russian Academy of Sciences. Siberian Branch: A Historical Essay] (Novosibirsk: Nauka, 2007), 510.

G. M. ZAPOROZHCHENKO, *Gorodskaiia i rabochaia potrebitel'skaia kooperatsiia Sibiri v 1864–1917 gg.* [Urban and Workers' Consumer Cooperation in Siberia in 1864–1917] (Novosibirsk: Sibprint, 2004), 260.

G. M. ZAPOROZHCHENKO, *Gorodskaiia potrebitel'skaia kooperatsiia v Sibiri v nachale XX v. Poisk identichnosti i opyt grazhdanskogo samoupravleniia* [Urban Consumer Cooperation in Siberia at the Beginning of the 20th Century: The Search for Identity and the Experience of Civil Self-Government] (Novosibirsk: Sibprint, 2015), 540.

L. I. ZHUROVA, *Avtorskii tekst Maksima Greka: rukopisnaia i literaturnaia traditsii* [The Author's Text of Maxim the Greek: Handwritten and Literary Traditions] (Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2008), Part 1, 494; (2011), Part 2, 302.

L. I. ZHUROVA (ed.), *Prepodobnyi Maksim Grek, Sochineniia* [Works] (Moskva: Indrik, 2008), Vol. 1, 568.

A. S. ZUEV, *Prisoedinenie Chukotki k Rossii (vtoraia polovina XVII – XVIII vek)* [Annexation of Chukotka to Russia (the Second Half of the 17th – 18th Century)] (Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2009), 444.

A. S. ZUEV, *Russkie i aborigeny na krainem severo-vostoke Sibiri vo vtoroi polovine XVII – pervoi chetverti XVIII vv.* [Russians and Indigenous Peoples in the Far Northeast of Siberia in the Second Half of the 17th – First Quarter of the 18th Centuries] (Novosibirsk: Izdatel'stvo NGU, 2002), 330.

A. S. ZUEV, P. S. IGNATKIN, V. A. SLUGINA, *Pod sen' dvuglavogo orla: inkorporatsiia narodov Sibiri v Rossiiskoe gosudarstvo v kontse XVI – nachale XVIII v.* [Under the Canopy of the Double-Headed Eagle: The Incorporation of the Peoples of Siberia into the Russian State in the Late 16th – Early 18th Centuries] (Novosibirsk: Izdatel'stvo NGU, 2017), 444.

A. S. ZUEV, V. A. SLUGINA, «*Letopisnye izvestiia o shertovanii sibirskikh narodov vo vremia pokhoda Ermaka i istoricheskie realii*» [Chronicle Tidings of the Siberian

Peoples' Oath during Ermak's Campaign in the Chronicles and Historical Realities], *Rossiiskaia istoriia*, no. 3 (2015): 30–44.

V. A. ZVEREV, *Liudi detnye: vosproizvodstvo naseleniia sibirskoi derevni v kontse imperskogo perioda* [Families with Young People: Reproduction in the Rural Siberian Population at the End of the Imperial Period] (Novosibirsk: Izdatel'stvo NGPU, 2014), 278.

K. E. ZVEREVA, V. A. ZVEREV, *Kak Sibir' uchilas' chitat': shkola, gramotnost' i kniga v russkoi derevne konca XIX – nachala XX veka* [How Siberia Learned to Read: Schools, Literacy and the Book in the Russian Village of the Late 19th – Early 20th Century] (Novosibirsk: Izdatel'stvo NGPU, 2013), 237.

The journal is published with the support of the Eötvös Loránd University
Faculty of Humanities

A folyóirat az Eötvös Loránd Tudományegyetem Bölcsészettudományi Karának
támogatásával jelenik meg

OLGA IU. MALINOVA

POLITICAL USES OF MEMORY
IN RELATION TO “THE HARD 1990S”
IN CONTEMPORARY RUSSIA

VLADIMIR A. BOLDIN

THE FORMER YUGOSLAV REPUBLICS
IN SEARCH OF IDENTITY

BEÁTA VARGA

THE PRESENTATION
OF BOHDAN KHMELNYTSKY AND
IVAN MAZEPA IN MODERN UKRAINE’S
MEMORY POLITICS

GÁBOR GYÓNI

THE LATEST TRENDS
IN THE STUDY OF THE EARLY HISTORY
OF THE MAGYARS IN HUNGARY

PÉTER CSUNDERLIK

MEMORY POLITICS ISSUES
IN RELATION TO THE HUNGARIAN
SOVIET REPUBLIC (1919)

ATILA JAKAB

MEMORY POLITICS AND
THE REINTERPRETATION
OF THE PAST IN TODAY’S
HUNGARIAN CATHOLIC CHURCH

ÁKOS FÓRIS

HEROES? VICTIMS? PERPETRATORS?

ANN M. KLEIMOLA

THE MOSKVA-PHOBIA
OF ANNA KOLTOVSKAIA

ENDRE SASHALMI

THE BALANCE OF POWER AND
RUSSOPHOBIA IN THE ENGLISH
MEDIA

ANDREI L. YURGANOV

VICTOR HUGO’S FRENCH NOVEL
LES MISÉRABLES, OR WHY DID THE
SLAVOPHILE FYODOR DOSTOEVSKY
LIKE THIS NOVEL?

MAYA S. PETROVA

PERSONALITY IN THE HISTORICAL
AND PHILOSOPHICAL NARRATIVES
OF THE RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

ALEKSANDR M. PASHKOV

RUSSIAN KARELIA
FROM PETER THE GREAT
TO THE GREAT REVOLUTION

ANDREI V. DMITRIEV

THE “NOVOSIBIRSK SCHOOL”
OF HISTORICAL STUDIES

